

Дин Кунц Подозреваемый

Аннотация

Этот звонок не только резко разделил жизнь скромного садовника Митча Рафферти на «до» и «после», но и послужил отправной точкой цепочки событий, за несколько часов превративших его в совершенно другого человека. Он еще не знал, что люди, похитившие его любимую жену Холли и требующие выкуп в 2 миллиона долларов, нацелились на денежки его старшего брата, Энсона. А похитители, в свою очередь, не представляли, с кем именно они затеяли свою рискованную игру...

Дин Кунц Подозреваемый

Этот роман посвящается Энди и Энн Уикстрем и Уэсли Дж. Смиту и Дебре Дж. Сондерс: двум хорошим мужьям и их хорошим женам, а также добрым друзьям, с которыми день всегда становится светлее.

Храбрость – это благородство в трудной ситуации.
Эрнест Хемингуэй

Все, что есть у нас, – любовь.
Все, что знаем мы, – любовь.
Эмили Дикинсон

Часть I Что ты сделаешь ради любви?

Глава 1

Человек начинает умирать в день своего рождения. Большинство людей живут, отрицая незримое присутствие смерти до того самого момента, пока не осознают, в преклонном возрасте или в тяжелой болезни, что она давно уже с ними рядом.

А вот Митчелл Рафферти мог с точностью до минуты назвать дату, когда он начал осознавать неизбежность смерти: понедельник, 14 мая, 11.43 утра, за три недели до своего двадцать восьмого дня рождения.

До этого момента он редко думал о смерти. Прирожденный оптимист, очарованный красотой природы и с улыбкой воспринимающий человечество, он не имел ни малейшей причины для того, чтобы задаться вопросом: а когда и как может быть доказана его смертность?

Когда зазвонил телефон, он стоял на коленях. Ему еще предстояло заполнить тридцать квадратиков красными и лиловыми балзаминами. Сами цветы не пахли, но ему нравился запах, идущий от плодородной почвы.

Его клиенты, владельцы вот этого конкретного дома, любили сочные цвета: красный, лиловый, ярко-желтый, ярко-розовый. Белый и пастель их совершенно не устраивали.

Митч понимал почему. Выросшие в бедности, они создали успешное предприятие, много работая и не боясь рисковать. Их жизнь бурлила, и яркие цвета олицетворяли для них буйство природы.

В это вроде бы ординарное, но на поверку оказавшееся знаменательным калифорнийское утро солнце напоминало шар расплавленного сливочного масла, подвешенный в бездонной синеве.

И пусть оно еще не обжигало, а только грело, Игнатия Барнса прошиб пот. Лоб и щеки блестели, с подбородка капало.

Работая на той же клумбе, в десяти футах от Митча, Игги напоминал сваренного рака. С мая до середины июля его кожа не желала темнеть, только краснела. Так что два месяца в году, прежде чем наконец-то покрываться загаром, он мог спокойно прятаться в помидорах.

Игги не понимал важность симметрии и гармонию ландшафтного дизайна, не мог он и как следует подстричь розовые кусты. Но отличался трудолюбием и всегда умел поддержать разговор.

– Ты слышал, что случилось с Ральфом Ганди? – спросил Игги.

– Кто такой Ральф Ганди?

– Брат Микки.

– Микки Ганди? Я и его не знаю.

– Конечно, знаешь, – возразил Игги. – Микки частенько заглядывает в «Раскаты грома».

В баре «Раскаты грома» обычно собирались серфингисты.

– Я там давно уже не бывал, – ответил Митч.

– Давно? Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Я думал, ты иногда туда все-таки заглядываешь.

– Значит, меня там недостает?

– Признаю, никто еще не назвал стул у стойки бара в твою честь. Ты нашел местечко получше «Раскатов грома»?

– А ты не помнишь, как три года тому назад приходил на мою свадьбу? – спросил Митч.

– Конечно, помню. Пирожки с морепродуктами были отменные, а вот рок-группа – выпендренная.

– Они не выпендривались.

– А тамбурины?

– С деньгами у нас было не очень. Но, по крайней мере, на аккордеоне никто из них не играл.

– Только потому, что игра на аккордеоне требует более высокого интеллектуального уровня.

Митч вырыл ямку в земле.

- И на пальцах у них не было колокольчиков.
- Вытирая пот со лба, Игги пожаловался:
- У меня, должно быть, эскимосские гены. Меня прошибает пот и при десяти градусах.
- Я больше не хожу по барам, – уточнил Митч. – Я – женатый мужчина.
- А что, нельзя совмещать семейную жизнь и «Раскаты грома»?
- Я предпочитаю дом любому другому месту.
- Ох, босс, как это грустно.
- Это не грустно – чудесно.
- Если посадить льва в клетку на три года, даже на шесть лет, он никогда не забудет, что такое свобода.
- Ты спрашивал льва?
- Мне не нужно спрашивать. Я и есть *лев*.
- Ты не лев. У тебя вместо головы чурбан.
- Я рад, что ты встретил Холли. Она – удивительная женщина. Но я предпочитаю свободу.
- Имеешь право, Игги. И что ты с ней делаешь?
- Делаю с чем?
- Со своей свободой. Что ты делаешь со своей свободой?
- Все, что пожелается.
- Например?
- Все. Если, к примеру, мне хочется съесть на обед пиццу с колбасками, я не должен спрашивать какую-то дамочку, что хочет она.
- Важный момент.
- И если я решу заглянуть в «Раскаты грома» и выпить несколько кружек пива, никто не будет проедать мне за это плешь.
- Холли не проедает плешь.
- Я могу насасываться пивом каждый вечер, и никто не будет звонить мне по мобильнику и спрашивать, когда я приду домой.
- Митч начал насвистывать мелодию «Рожденный свободным»¹.
- И если какая-нибудь деваха подходит ко мне, я вправе станцевать с ней рок-н-ролл.
- Они постоянно подходят к тебе, не так ли, эти сексуальные девахи?
- Женщины нынче смелые, босс. Если им чего-то хочется, они это берут.
- Митч усмехнулся.
- Игги, ты же не трахался с того времени, когда Джон Керри думал, что станет президентом².
- Не так уж и давно это было.
- А что случилось с этим Ральфом?
- Каким Ральфом?
- Братом Микки Ганди.
- Ах да. Игуана откусила ему нос.
- Кошмар.
- На берег накатывали десятифутовые волны, вот Ральф и несколько парней решили ночью отправиться на Клин.
- Клином называлось знаменитое среди серфингистов место, оконечность полуострова Бальбоа на Ньюпорт-Бич.
- Набили сумки-холодильники сэндвичами и пивом, а один из них привез с собой Минга.
- Минга?
- Игуану.

¹ «Рожденный свободным» – мелодия, написанная Милтом Джексонном, одним из наиболее известных американских джазистов 1940-х годов.

² Джон Керри соперничал с Джорджем Бушем на президентских выборах 2004 г. Действие романа – 2006 г.

– Так это домашний любимец?
– Минг, он всегда был таким ласковым.
– А я думал, что игуаны злобные.
– Нет, нет, они нежные и очень привязчивые. Но так уж вышло, что какая-то девица, даже не серфингистка, просто притащилась с кем-то из парней, подсунула Мингу четверть дозы мета на кусочке салами.

– Давать рептилии наркотики – идея не из лучших.
– Минг, отведавший мета, стал совсем другим Мингом, – согласился Игги.
Положив совок, опираясь на каблуки, Митч спросил:
– Так Ральф Ганди теперь безносый?
– Минг не съел его нос. Только откусил и выплюнул.
– Может, ему не понравилось индейское мясо.
– У них была большая сумка-холодильник с банками пива, обложенными льдом. Они положили нос в холодильник и отвезли в больницу.

– Ральфа тоже прихватили?
– Им пришлось взять Ральфа. Нос-то его. Нос вроде бы стал синим, пока лежал в воде со льдом в сумке-холодильнике, но хирург, специализировавшийся на пластических операциях, пришил его на место, и теперь он не синий.

– А что случилось с Мингом?
– Отключился. Не приходил в себя сутки. Но теперь такой же, как всегда.
– Это хорошо. Скорее всего, это трудно найти клинику, где игуан лечат от наркомании.
Митч поднялся. Подобрал с земли три десятка пустых пластиковых горшочков из-под цветов. Понес к пикапу.

Пикап стоял у тротуара, в тени терминалии. Хотя дома здесь построили лишь пятью годами раньше, корни большого дерева уже вздыбили тротуар. Не приходилось сомневаться, что вскоре они проникнут и в дренажные трубы под лужайкой.

Так что решение подрядчика не устанавливать на этапе строительства барьер для корней, сэкономившее сотню долларов, выливалось в ремонтные работы, которые могли принести десятки тысяч сантехникам, ландшафтным дизайнерам и бетонщикам.

Когда Митч сажал терминалию, он обязательно сооружал барьер для корней. Лишняя работа ему не требовалась. Ее и так хватало, спасибо матери-природе.

Улица пустовала, автомобили в такой час по ней не ездили. Воздух и тот застыл, даже легкий ветерок не шевелил листья.

В квартале от Митча по другой стороне улицы шли мужчина и собака. Ретривер, правда, не столько шел, сколько обнюхивал послания, оставленные ему подобными.

В этой казавшейся абсолютной тишине Митч вроде бы слышал дыхание далекой псины.

В это утро все отливало золотом: солнце и собака. Воздух и прекрасные дома, возвышающиеся среди зеленых лужаек.

Митч Рафферти не мог позволить себе дом в этом районе. Но его вполне устраивала и возможность работать здесь.

Можно любить искусство, но не испытывать ни малейшего желания жить в музее.

Он заметил поврежденную головку распылителя в том месте, где лужайка встречалась с тротуаром. Взял из кузова пикапа инструменты и коленями опустился на траву, чтобы заняться ремонтом. Бальзамины могли подождать.

Зазвонил мобильник. Митч отцепил его от ремня, открыл. Увидел время, 11.43, но не номер звонившего. Тем не менее нажал на зеленую кнопку.

Биг грин – так называлась его компания из двух человек, созданная им девять лет тому назад. Митч уже не помнил, почему дал ей такое название.

– Митч, я тебя люблю, – услышал он голос Холли.

– Привет, крошка.

– Что бы ни случилось, я тебя люблю.

Она вскрикнула от боли. Грохот и падение чего-то тяжелого говорили о борьбе.

Встревоженный, Митч поднялся.

– Холли?

Какой-то мужчина что-то сказал, мужчина, который теперь держал в руке телефон. Слов Митч не разобрал, потому что куда больше его интересовал звуковой фон.

Холли вскрикнула. Никогда раньше он не слышал, чтобы она так кричала. Ее голос переполнял дикий страх.

– *Сукин сын!* – выкрикнула она, потом раздался резкий удар, словно ей отвесили крепкую пощечину.

– Ты меня слышишь, Рафферти? – спросил незнакомый мужской голос.

– Холли? Где Холли?

Теперь незнакомец обратился уже не к Митчу:

– Не дури. Оставайся на полу.

Заговорил второй мужчина, не в трубку, слова Митч не разобрал.

Тот, что держал телефон, добавил:

– Если она попытается встать, врежь ей. Хочешь остаться без зубов, сладенькая?

С ней двое мужчин. Один ударил ее. *Ударил* ее.

Митч не мог понять, что происходит. Реальность вдруг обернулась кошмарным сном.

Обезумевшая от мета игуана была намного более реальной.

Около дома Игги продолжал сажать бальзамины. Потный, красный от солнца, здоровенный.

– Так-то лучше, сладенькая. Будь хорошей девочкой.

Митч не мог вдохнуть. Что-то тяжелое сдавливало грудь. Не мог произнести и слова, да и не знал, что сказать. Он стоял на ярком солнце, но ему казалось, что его засунули в гроб, похоронили заживо.

– Твоя жена у нас, – сообщил очевидное мужчина, который позвонил ему.

– Почему? – услышал Митч свой голос.

– А как ты думаешь, говнюк?

Митч не знал. Не хотел знать. Не стремился найти ответ, потому что чувствовал: хороших ответов нет.

– Я сажаю цветы.

– У тебя что-то с головой, Рафферти?

– Это моя работа. Сажать цветы. Ремонтировать распылительные головки поливальных систем.

– Ты обкурился или что?

– Я – всего лишь садовник.

– Твоя жена у нас. Ты можешь получить ее за два миллиона наличными.

Митч уже понимал, что это не шутка. Будь это шуткой, Холли в ней бы участвовала, но ее чувство юмора не было таким жестоким.

– Вы допустили ошибку.

– Ты слышал, что я сказал? Два миллиона.

– Вы, похоже, меня не слушаете. Я – садовник.

– Мы знаем.

– На моем счету в банке одиннадцать тысяч.

– Мы знаем.

Митча переполняли страх и замешательство, так что для злости просто не оставалось места. Он попытался прояснить ситуацию, скорее для себя, чем для звонящего:

– У меня компания, в которой работают два человека.

– Времени у тебя до полуночи среды. Шестьдесят часов. Мы свяжемся с тобой, чтобы уточнить детали.

Митча прошиб пот.

– Это безумие. Где я возьму два миллиона баксов?

– Ты найдешь, где их раздобыть.
Голос незнакомца звучал жестко, неумолимо. В фильме так говорила бы смерть.
– Это невозможно, – вырвалось у Митча.
– Ты хочешь еще раз услышать, как твоя жена кричит?
– Нет. Не надо.
– Ты ее любишь?
– Да.
– Действительно любишь?
– Она для меня все.
Он потел, и при этом его трясло от холода.
– Если она для тебя все, ты найдешь способ добыть деньги.
– Такого способа нет.
– Если пойдешь к копам, мы будем отрезать у нее палец за пальцем. Отрежем ей язык и выколем глаза. А потом оставим умирать, быстро или медленно, как сама она того пожелает.
Угрозы в голосе незнакомца не слышалось, говорил он буднично, словно разъяснял особенности какого-нибудь делового проекта.
Митчеллу Рафферти еще не приходилось иметь дело с такими людьми. Ему казалось, что он разговаривает с пришельцем из другого конца Галактики.
Он не решался ответить, вдруг испугавшись, что неудачно сказанное слово приблизит смерть Холли.
– А чтобы ты понял, что мы настроены серьезно... – похититель не закончил фразу.
– И как я это пойму? – после долгой паузы спросил Митч.
– Видишь мужчину на другой стороне улицы?
Митч повернулся к единственному пешеходу, прогуливающему собаку. Они уже преодолели полквартала.
Залитую солнечным светом тишину расколол винтовочный выстрел. Пешеход рухнул с пулей в голове.
– Полночь среды, – напомнил мужчина. – Мы настроены чертовски серьезно.

Глава 2

Собака застыла: с поднятой передней лапой, обвисшим хвостом, вскинутой мордой, словно ловила какой-то запах.
По правде говоря, золотистый ретривер не учуял убийцу. Просто замер на полушаге, изумленный падением хозяина, не зная, что делать дальше.
И точно так же, только на другой стороне улицы, окаменел Митч. Похититель оборвал связь, а он все прижимал мобильник к уху.
В голове мелькнула суеверная мысль: пока на улице царит тишина, пока ни он, ни собака не сдвинутся с места, время можно обратить вспять, а пулю – вернуть в ствол винтовки.
Но здравомыслие взяло верх над суеверием. Митч пересек улицу, сначала шагом, потом бегом.
Если упавшего только ранило, тогда, возможно, у него оставался шанс на спасение.
Приближающегося Митча собака поприветствовала, один раз вильнув хвостом.
Но сразу стало ясно, что помочь мужчине едва ли удастся. Пуля разнесла немалую часть черепа.
Такой кошмар Митчу доводилось видеть только в выпусках новостей да в кино. Поэтому он вновь превратился в памятник, скорее не от страха, а в шок.
И шок этот вызывал не только вид покойника, ему вдруг открылись незримые ранее стороны окружающего мира. Он словно превратился в крысу, которая, находясь в лабиринте, впервые подняла голову и сквозь стеклянную крышу увидела какие-то загадочные, движущиеся фигуры.

Золотистый ретривер, дрожа всем телом, повизгивая, улегся на тротуар рядом с хозяином, если еще не мертвым, то смертельно раненным.

Митч почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. За ним не просто наблюдали, его изучали. *Оценивали*.

Сердце заколотилось о ребра.

Митч оглядел день, но киллера не увидел. Стрелять могли из любого дома, из-за забора, автомобиля.

Однако он ощущал присутствие не стрелка. За ним наблюдали не издалека, а с достаточно близкого расстояния, откуда могли рассмотреть во всех подробностях. У него сложилось впечатление, что наблюдатель находится чуть ли не рядом.

Со времени выстрела еще не прошло и минуты.

Никто не выскочил из прекрасных домов. В этом районе выстрел спутали бы с грохотом резко захлопнутой двери и оставили без внимания.

На другой стороне улицы, около дома их клиента, Игги Барнс поднялся с колен. На его лице не отражалась тревога, только удивление, словно и он решил, что где-то захлопнули дверь, а теперь не понимал, почему на тротуаре лежит мужчина и рядом с ним горюет собака.

Полночь среды. Шестьдесят часов. Время полыхало. Минуты сгорали. Митч не мог позволить часам превращаться в пепел, отвечая на вопросы копов.

На тротуаре колонна муравьев изменила курс, двинувшись к лакомству, вываливающемуся из разнесенного пулей черепа.

Едва ли не единственное на весь небосвод облачко прикрыло солнце. День побледнел. Тени поблекли.

Похолодев внутри, Митч отвернулся от трупа, сошел с тротуара на мостовую, остановился.

Он и Игги не могли загрузить в кузов еще не посаженные бальзамины и уехать. Скорее всего, не успели бы это сделать, прежде чем на улице появился бы кто-то еще и увидел труп. Их безразличие к жертве и поспешное бегство могли бы даже случайного прохожего навести на мысль, что они как-то причастны к убийству, и, уж конечно, полиция пришла бы к такому выводу.

Мобильник с закрытой крышкой оставался у Митча в руке. Он с ужасом посмотрел на это творение научно-технического прогресса.

«Если пойдешь к копам, мы будем отрезать у нее палец за пальцем».

Но похитители понимали, что он должен вызвать полицию или дожидаться, пока ее вызовет кто-то еще. Запрещалось лишь упоминать Холли, сообщать как о похищении, так и о том, что мужчину убили, дабы продемонстрировать ему, Митчу, серьезность намерений похитителей.

Более того, похитители, возможно, хотели проверить умение Митча держать рот на замке в столь критической ситуации, когда он пребывал в шоке и с трудом мог удерживать контроль над собой.

Он откинул крышку. Экран осветился: на темном фоне появилась многоцветная рыба.

Набрав 9 и 1, Митч на мгновение замялся, но потом вновь нажал на единичку.

Игги, отбросив лопатку, уже пересекал улицу.

Едва в трубке после второго гудка раздался голос копа, Митч осознал, что с того самого момента, как он увидел разнесенный пулей череп, дыхание со свистом вырывалось из груди. Поначалу он не мог вымолвить ни слова, но потом они понеслись бурным потоком:

– Застрелили мужчину. Я мертв. То есть он мертв. Его застрелили, и он мертв.

Глава 3

Полиция перекрыла квартал с обеих сторон. Патрульные машины, микроавтобусы экспертов и труповозка стояли и у тротуаров, и чуть ли не посреди мостовой: водители этих автомобилей могли позволить себе не обращать внимания на правила дорожного движения.

Под немигающим солнцем яростно блестели ветровые стекла и хромированные детали машин. Ни одного облачка не осталось на небе, яркий свет слепил глаза.

Все копы были в солнцезащитных очках. Укрытые черными стеклами, их глаза, возможно, подозрительно смотрели на Митчелла Рафферти, а может, он не вызывал у них никаких чувств, кроме безразличия.

Митч сидел на лужайке перед домом своего клиента, привалившись спиной к стволу финиковой пальмы.

Время от времени слышал, как над головой копошатся крысы. Им нравилось устраивать гнезда у самой кроны финиковой пальмы.

На него падала тень от кроны, но Митчу тем не менее казалось, что он на сцене и на нем скрещиваются все взгляды.

За два часа его дважды допрашивали. В первый раз вопросы задавали два детектива в штатском, второй раз – только один.

Он думал, что держался молодцом. Однако ему не предложили идти на все четыре стороны.

Игги пока допрашивали только единожды. Его жене не угрожала опасность, и скрывать ему было нечего. А кроме того, по части обмана даже шестилетний ребенок мог дать ему фору, и детективы, поднаторевшие в допросах, конечно же, это поняли.

Может, тот факт, что к Митчу копы проявили больший интерес, следовало расценивать как дурной знак? Может, ничего это и не значило.

Прошло уже более часа с того момента, как Игги вернулся к клумбе. И почти закончил посадку бальзаминов.

Митч тоже предпочел бы сажать цветы. Бездействие приводило к тому, что он более остро чувствовал, как уходит время. Из шестидесяти отведенных ему часов уже минули.

Но детективы решительно разделили Игги и Митча. При всей их невинности разговор о совершенном преступлении мог привести к тому, что они, даже не отдавая себе в этом отчета, пришли бы к одной версии, упустив при этом какие-то важные детали.

Возможно, это была истинная причина, возможно, выдуманная. Тем не менее общаться им не разрешили. Детективы обходились без солнцезащитных очков, но Митч все равно не мог прочесть выражение их глаз.

Сидя под пальмой, он трижды воспользовался мобильником. Первый раз позвонил домой, чтобы услышать сообщение, записанное на автоответчик. После звукового сигнала спросил:

– Холли, ты дома?

Но похитители, само собой, не решились бы оставить ее в их доме.

Тем не менее Митч добавил:

– Если ты дома, пожалуйста, сними трубку.

Он еще не верил тому, что произошло, в силу абсурдности сложившейся ситуации. Никто не похищает жен у мужчин, которым приходится тревожиться из-за цены бензина и продуктов.

«Вы, похоже, меня не слушаете. Я – садовник».

«Мы знаем».

«На моем счету в банке одиннадцать тысяч».

«Мы знаем».

Должно быть, безумцы. Оторванные от реальности. Их план базировался на какой-то фантазии, недоступной для осознания здравомыслящими людьми.

А может, они просто не открыли ему подробности своего плана? Может, они хотят, чтобы он ограбил для них банк?

Ему вспомнилась история, о которой сообщали пару лет тому назад новостные программы. Невинный человек ограбил банк, потому что ему на шею повесили взрывчатку. Преступники хотели использовать его, как дистанционно управляемого робота. Когда полиция загнала беднягу в угол, преступники взорвали «ожерелье», чтобы он не мог дать

против них показания.

Но вот проблема: ни в одном банке не было такого количества наличности. Двух миллионов. Ни в столах кассиров, ни, возможно, даже в хранилище.

Не найдя Холли дома, он попытался связаться с ней по мобильнику, но и тут потерпел неудачу.

После этого позвонил в риелторскую контору, где Холли работала секретарем, одновременно готовясь к сдаче экзаменов на получение лицензии риелтора.

Ему ответила второй секретарь, Нэнси Фарасенд:

– Она позвонила и сказала, что заболела, Митч. Разве ты не знал?

– Когда я уходил утром, она пожаловалась на легкое недомогание, но я думал, все образуется.

– Как видишь, нет. Она сказала, что это летний грипп. Очень огорчилась.

– Так я позвоню ей домой. – Он оборвал связь, но звонить, понятное дело, не стал.

С Нэнси он разговаривал часа полтора.

Проходящие минуты «распускали» часовую пружину, зато заводили другую, в голове Митча. И он опасался, что, закрученная слишком сильно, она может там лопнуть.

Толстый шмель время от времени возвращался к нему, жужжал, кружа неподалеку, возможно, привлеченный желтой футболкой.

На другой стороне улицы, у края квартала, две женщины и мужчина, соседи, стояли на лужайке, наблюдая за действиями полиции. Они находились там с того самого момента, как вой сирен вытащил их из домов.

Не так уж и давно мужчина прогулялся в дом и вернулся с подносом, на котором стояли стаканы, как предположил Митч, с ледяным чаем. Стаканы поблескивали на солнце.

Чуть раньше детективы прогулялись по улице, чтобы допросить это трио. Вопросы им задавали только один раз.

Теперь все трое пили чай, болтали, словно их и не волновало, что совсем недавно снайпер убил человека, который мирно шагал по тротуару, выгуливая собаку. Вроде бы им нравилась вся эта суета, отклонение от привычной рутины, пусть даже кто-то и заплатил за это жизнью.

Митчу казалось, что соседи смотрели на него гораздо чаще, чем полицейские или технические эксперты. И решил, что детективы, скорее всего, спрашивали их и о нем.

Никто из троих не пользовался услугами «Биг грин». Но время от времени они наверняка видели его, потому что только на этой улице у него было четыре клиента.

Не нравились Митчу эти любители чая. Он никогда с ними не встречался, не знал их имен и фамилий, но уже они вызывали у него чуть ли не отвращение.

Не нравились не потому, что определенно получали удовольствие, наблюдая за работой полиции, а смерть соседа совершенно их не печалила. Куда больше его тревожило другое: а что они могли рассказать о нем детективам? Он не любил всех троих (и мог даже возненавидеть их), потому что в их жизни по-прежнему царил порядок, потому что их близким никто не угрожал смертью.

Иррациональная неприязнь по отношению к этой троице имела свои плюсы: отвлекала от страха за Холли, точно так же, как и анализ действий детективов.

Если бы он позволил себе не думать ни о чем, кроме беды, в которую попала жена, то, несомненно, рехнулся бы. И не было тут преувеличения. Митч сам удивлялся хрупкости собственной психики.

Всякий раз, когда ее лицо возникало перед его мысленным взором, Митч отгонял его прочь, потому что глаза начинали гореть, а перед ними все плыло. Сердце же грозило пробить грудную клетку.

Эмоциональный срыв, несоизмеримый с шоком, который могло вызвать убийство постороннего человека, потребовал бы объяснений. Он не решился бы открыть правду и сомневался, что сумеет придумать убедительную для копов выдумку.

Один из детективов отдела расследования убийств, Мортонсон, высокий, плотно

сбитый, деловой, и одевался консервативно: туфли, черные брюки, светло-синяя рубашка.

Второй, лейтенант Таггарт, был в белых кроссовках, кожаных штанах и красно-желтой гавайской рубашке. Ростом и шириной плеч он уступал Мортонсону и держался не столь чопорно.

Однако Митч опасался Таггарта куда больше, чем Мортонсона. Аккуратная прическа, чисто выбритое лицо, идеально ровные зубы, белые, без единого пятнышка грязи кроссовки говорили за то, что неформальный стиль в одежде и несколько развязные манеры служили лишь для того, чтобы расположить к себе подозреваемых, а потом, когда они потеряют бдительность, взять их тепленькими.

Первый раз детективы допрашивали Митча вдвоем. Потом Таггарт вернулся один, вроде бы для того, чтобы уточнить некоторые ответы Митча. Но на самом деле задал все те же вопросы, на которые Митч уже отвечал обоим детективам, возможно, для того, чтобы найти в ответах противоречия.

Формально Митч был свидетелем. Но для копа в отсутствие убийцы каждый свидетель считался подозреваемым.

У него не было причин для убийства незнакомца, прогуливавшего собаку. А если бы детективы решили, что он все-таки мог убить, им пришлось бы записать Игги в его сообщники, однако Игги совершенно их не интересовал.

И Митчу более убедительным казался другой вариант: детективы знали, что непосредственно к убийству он не причастен, но интуиция подсказывала: он что-то скрывает.

И теперь Таггарт снова шел к нему, а белые кроссовки сверкали на солнце.

Митч поднялся ему навстречу, не находя себе места от тревоги за жену, но вынужденный делать вид, что ему надоело бездельничать и не терпится вернуться к привычным делам.

Глава 4

На загорелом лице Таггарта зубы сияли белизной арктического снега.

– Уж извините за доставленные неудобства, мистер Рафферти. Но я должен задать вам еще пару вопросов, а потом вы сможете уйти.

Митч мог бы ответить пожатием плеч, кивком, но подумал, что молчание может быть неправильно истолковано: человек, которому нечего скрывать, должен вести себя более раскованно.

И после короткой заминки, которую, увы, могли воспринять как обдумывание дальнейших действий, он ответил:

– Я не жалею, лейтенант. С тем же успехом застрелить могли и меня. И я рад тому, что жив.

Детектив вроде бы пытался изображать своего парня, да только глаза у него оставались хищными, словно у ястреба, и зоркими, будто у орла.

– Почему вы так говорите?

– Ну, когда выбирают случайных жертв.

– Мы не знаем, случайная ли это жертва, – покачал головой Таггарт. – Более того, улики говорят за то, что убийство тщательно готовилось. Один выстрел, точное попадание.

– Разве безумец с винтовкой не может быть метким стрелком?

– Абсолютно. Но безумцы обычно стремятся максимально пополнить свой лицевой счет. Психопат с винтовкой наверняка пришел бы и вас. А этот парень точно знал, в кого стрелять.

И пусть чувства Митча противоречили логике, он полагал, что в какой-то степени несет ответственность за эту смерть. Убийство совершили исключительно для того, чтобы убедить его в серьезности намерений похитителей Холли и не позволить обратиться в полицию.

Бросив взгляд на труп, который лежал на другой стороне улицы (вокруг еще работали эксперты), Митч спросил:

– Кого убили?
– Мы еще не знаем. При нем нет ни удостоверения, ни бумажника. Вам не кажется это странным?

– Если выходишь из дома для того, чтобы выгулять собаку, бумажник не требуется.
– Для большинства людей это привычка, – возразил Таггарт. – Они берут с собой бумажник, даже когда моют автомобиль.

– Как же вы его опознаете?
– На ошейнике его собаки нет пластинки с выгравированными кличкой и адресом. Но пес ухоженный, прямо-таки выставочный экземпляр, поэтому, возможно, в него вживлен идентификационный чип.

Золотистого ретривера перевели на противоположную сторону улицы, привязали к стойке почтового ящика, и теперь он лежал в тени, благосклонно принимая восхищенные взгляды тех, кто проходил мимо.

Таггарт улыбнулся.
– Золотистые – самые лучшие. В детстве у меня был такой. Я его очень любил.
Взгляд детектива вернулся к Митчу. Улыбка осталась на месте, да только от нее повеяло морозом.

– Вернемся к вопросам, о которых я упомянул. Вы служили в армии, мистер Рафферти?
– В армии? Нет. Я выкашивал лужайки для одной компании, прошел курс «Декоративное садоводство» и создал собственную фирму через год после окончания средней школы.

– Я подумал, что вы могли служить в армии. Поскольку выстрел вас не испугал.
– Еще как испугал, – заверил его Митч.
Прямой взгляд Таггарта пронзал насквозь.
Глаза Митча, казалось, превратились в прозрачные линзы, через которые коп, словно микробов под микроскопом, изучал его мысли. Митчу хотелось отвести взгляд, но он не решался.

– Вы услышали выстрел, увидели, как падает мужчина, и поспешили на другую сторону улицы, под пули.

– Я не знал, что он мертв. Подумал, что сумею как-то ему помочь.
– Это делает вам честь. Многие, услышав выстрел, бросились бы искать укрытие.
– Послушайте, я не герой. Наверное, инстинктивное стремление помочь взяло вверх над здравым смыслом.

– Может, этим герои и отличаются от обыкновенных людей. Они инстинктивно находят правильное решение.

Вот тут Митч отвел глаза, в надежде, что его желание разорвать визуальный контакт будет истолковано как смущение.

– Лейтенант, я скорее глупый, чем храбрый. Не остановился, чтобы подумать, что мне может грозить опасность.

– Так вы подумали, что его застрелили случайно.
– Нет. Возможно. Не знаю. Ничего я не думал. Не думал, просто отреагировал.
– И у вас не сложилось ощущения, что вам грозит опасность?
– Нет.

– Вы этого не осознали, даже когда увидели рану?
– Может, и осознал, но чуть-чуть. Потому что мне стало дурно.

Вопросы слишком уж быстро следовали один за другим. Выбивали из равновесия. Митч испугался, что, сам того не желая, выдаст истинную причину убийства мужчины, который выгуливал собаку.

Громко жужжа, вернулся шмель. К Таггарту не проявил ни малейшего интереса, зато завис около лица Митча, словно желал присутствовать при допросе.

– Вы увидели, что пуля попала в голову, – продолжил Таггарт, – но все равно не бросились искать укрытие.

- Нет.
- Почему?
- Наверное, решил, что меня уже не застрелят, если не застрелили сразу.
- То есть вы по-прежнему не чувствовали себя в опасности.
- Нет.

Пролистав маленький блокнотик, странички которого держались на спирали, Таггарт вновь вскинул глаза на Митча.

- Вы сказали оператору линии «911», что мертвы.
- В удивлении Митч снова встретился взглядом с детективом.
- Что я мертв?

Таггарт процитировал запись в блокноте: «Застрелили мужчину. Я мертв. То есть он мертв. Его застрелили, и он мертв».

- Я такое сказал?
- Я слышал запись. У вас срывался голос. Чувствовалось, что вы в ужасе.
- Митч забыл, что все разговоры по линии «911» записываются на магнитную пленку.
- Наверное, испугался сильнее, чем помню.
- Не вызывает сомнений, что вы осознавали грозящую вам опасность, но тем не менее не попытались где-то укрыться.

Мог читать Таггарт мысли Митча или нет, страницы его разума оставались закрытыми, а выражение глаз – загадочным.

- «Я мертв», – второй раз процитировал детектив.
- Оговорка. Замешательство, паника.
- Таггарт еще раз посмотрел на собаку и опять улыбнулся. Голос стал еще мягче:
- О чем еще мне следует вас спросить? Что еще вы хотели бы сказать?
- В голове Митча стоял крик боли Холли.

Похитители всегда угрожают убить похищенного, если к поискам подключится полиция. И, чтобы победить, нет необходимости играть по их правилам.

Полиция поставила бы в известность Федеральное бюро расследований. У ФБР огромный опыт борьбы с похитителями людей.

Поскольку у Митча не было никакой возможности добыть два миллиона, полиция поначалу засомневалась бы в его истории. Их мог убедить только следующий звонок похитителей.

А если второго звонка не будет? Если, узнав, что Митч обратился в полицию, похитители выполнят свою угрозу, изувечат Холли, убьют и больше не позвонят?

Тогда копы могут подумать, что Митч имитировал похищение, чтобы скрыть убийство Холли. Имитировал потому, что сам ее и убил. Муж всегда становится главным подозреваемым.

Если бы он ее потерял, жизнь стала бы бесцельной. Никто и ничто не смогло бы залечить рану, оставленную в его душе и сердце ее смертью.

Но если к этому прибавятся подозрения, что убил ее он, тогда боль от раны станет невыносимой.

Таггарт закрыл блокнот, убрал в задний карман, перевел взгляд с собаки на Митча:

- Так вы хотите что-нибудь сказать, мистер Рафферти?

В какой-то момент шмель улетел. Но только теперь Митч заметил, что жужжание прекратилось.

Если он сохранит похищение Холли в секрете, ему придется схлестнуться с похитителями в одиночку.

А один он мало что мог. Воспитывался с тремя сестрами и братом, разница в возрасте между самым старшим и самым младшим составляла семь лет. Они всегда советовались друг с другом, защищали друг друга.

Через год после окончания средней школы Митч уехал из родительского дома, снял квартиру на двоих с одним своим другом. Потом поселился отдельно, мучаясь

одиночеством. Работал по шестьдесят часов в неделю, лишь бы не оставаться наедине с четырьмя стенами.

И вновь ощутил радость жизни, лишь когда в его мир вошла Холли. «Я» сменилось «мы», «мое» – «нашим». Митч стал половиной целого и был на седьмом небе от счастья.

В глазах лейтенанта Таггарта вроде бы прибавилось дружелюбия.

– Ну... – начал Митч.

Детектив облизал губы.

Воздух теплый, влажность минимальная. Митч чувствовал, что у него тоже пересохли губы.

Тем не менее мгновенное появление, а потом столь же быстрое исчезновение розового языка Таггарта придало тому сходство с рептилией, показало, что мысленно он уже наслаждается вкусом добычи, которая вот-вот попадет ему в когти.

Только паранойя могла объяснить мелькнувшую у Митча мысль, что детектив отдела расследования убийств как-то связан с похитителя Холли. Но именно она мелькнула в голове Митча и убедила его следовать инструкции похитителей.

Волна страха, рационального и иррационального, захлестнула разум, не позволяла ясно мыслить.

Он уже практически не сомневался: услышав правду, детектив скорчит гримасу и ответит: *«Теперь нам придется ее убить, мистер Рафферти. Больше мы не можем доверять вам. Но мы позволим вам сделать выбор. Определите, что мы отрежем сначала: уши или пальцы»*.

Как и раньше, в тот момент, когда он стоял над покойником, Митч почувствовал, что за ним наблюдают, не только Таггарт и пьющие чай соседи, но и какой-то незнакомец. Не просто наблюдает, анализирует его поведение.

– Нет, лейтенант, – ответил Митч. – Больше мне сказать нечего.

Детектив достал солнцезащитные очки из кармана рубашки, надел их.

В двойном отражении Митч себя не признал. Изогнутое стекло искажало пропорции.

– Я дал вам мою визитку, – напомнил ему Таггарт.

– Да, сэр. Она у меня.

– Позвоните мне, если вспомните что-то важное.

Солнцезащитные очки напоминали глаза насекомого: бесстрастные, алчущие, ненасытные.

– Вы, похоже, нервничаете, мистер Рафферти, – заметил Таггарт.

Митч поднял трясущиеся руки.

– Не нервничаю, лейтенант. Потрясен. До глубины души.

Таггарт вновь облизал губы.

– Никогда раньше не видел, как убивают человека, – добавил Митч.

– Вам к этому не привыкнуть, – ответил детектив.

Митч опустил руки.

– Надеюсь на это.

– Убитая женщина – еще хуже.

Митч не знал, как истолковать эту фразу. То ли как житейскую правду, о которой позволял судить опыт, накопленный в отделе расследования убийств, то ли как угрозу.

– Женщина или ребенок, – уточнил Таггарт.

– Я не хотел бы заниматься вашей работой.

– Нет, вы бы не хотели. – Отворачиваясь, детектив добавил: – Мы еще увидимся, мистер Рафферти.

– Мы?

Таггарт обернулся.

– Конечно: нам придется быть свидетелями на суде.

– Похоже, раскрыть это преступление будет сложно.

– «Кровь вопиет ко мне от земли», мистер Рафферти. – Детектив явно кого-то

цитировал¹. – «Кровь вопиет ко мне от земли».

Митч проводил удаляющегося Таггарта взглядом.

Потом посмотрел на траву под ногами.

Солнце продолжало свой путь по небосводу, и тень, отбрасываемая кроной, ушла. Теперь Митч стоял под жаркими лучами, которые, однако, не согревали его.

Глава 5

Часы были электронные, с цифрами, что наручные, что на приборном щитке, но Митч все равно буквально слышал, как те и другие тикают, быстро-быстро, отсчитывая убегающие секунды, которые тут же складывались в минуты и часы.

С места преступления ему хотелось умчаться домой. Логика подсказывала, что Холли схватили дома. Не по дороге на работу, не на улице, где могли найтись очевидцы похищения.

И похитители, сами того не подозревая, могли оставить какие-то следы, по которым он сумел бы выйти на них. А скорее всего, оставили ему записку, инструкции.

Как обычно, день Митч начал с того, что заехал за Игги, который снимал квартиру в Санта-Ане. Теперь предстояло его отвезти.

Со знаменитого и богатого побережья округа Орандж, где они работали, Митч повел пикап на север, в более скромные районы. Свернул с забитой транспортом скоростной автострады на боковые улицы, но автомобилей хватало и здесь.

Игги хотелось поговорить об убийстве и полиции. И Митчу пришлось делать вид, что ему, как и Игги, по нраву новизна впечатлений, хотя мысли его занимала Холли. Он волновался, не зная, что же ему делать.

К счастью, Игги вскоре уклонился от темы, заговорил о своем:

– У моего кузена Луи был приятель по фамилии Букер. С ним произошло то же самое, его подстрелили, когда он выгуливал собаку, только не из ружья, и выгуливал он не собаку.

– Бугер? – переспросил Митч.

– Букер, – поправил его Игги. – Б-у-к-е-р. У него был кот по кличке Волосатик, и его застрелили.

– Люди прогуливают кошек?

– Ну, не совсем. Волосатик сидел в переносной клетке, и Букер нес его к ветеринару.

Митч время от времени поглядывал в зеркала заднего обзора. Черный «Кадиллак»-внедорожник свернул с автострады вслед за ними. И квартал за кварталом висел на хвосте.

– Так, значит, Букер все-таки не выгуливал кота.

– Он шел и нес кота в переносной клетке, а этот маленький двенадцатилетний поганец выстрелил в Букера из ружья для пейнтбола².

– То есть его не убили.

– Его даже не ранили, и при нем был кот, а не пес, но Букер стал синим.

– Синим?

– Синие волосы, синее лицо. Он просто озверел.

«Кадиллак» держался в двух-трех автомобилях от них. Возможно, водитель рассчитывал, что Митч его не заметит.

– Итак, Букер стал синим? Что случилось с паршивцем? – спросил Митч.

– Букер хотел отвернуть ему голову, но паршивец выстрелил ему в промежность и убежал. Эй, Митч, ты знал, что в Пенсильвании есть город, который называется Блу-Болс³?

– Нет, не знал.

¹ Таггарт несколько видоизменяет Библию: «Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли» – Бытие, 4:10.

² Ружья для пейнтбола стреляют шариками с краской.

³ Блу-Болс (Blue Balls) – в переводе с английского «Синие яйца».

– Это в стране амишей¹. А другой город, по соседству, называется Интеркос².

– Может, эти амиши не такие уж сухари.

Митч придавил педаль газа, чтобы проскочить перекресток, прежде чем мигающий зеленый сменится желтым. Внедорожник выехал на другую полосу, тоже ускорился и проехал перекресток на желтый.

– Ты когда-нибудь ел амишский пирог?

– Нет. Никогда.

– Сладкий. Дальше некуда. Чистая патока.

«Кадиллак» отстал, вернулся на полосу движения Митча. Вновь их разделяло три автомобиля.

– Эрл Поттер потерял ногу, потому что любил полакомиться амишским пирогом.

– Эрл Поттер?

– Отец Тима Поттера. У него был диабет, но он этого не знал и каждый день наедался сладостями. А ты когда-нибудь пробовал пирог города квакеров?

– Так что ты там говорил насчет ноги Эрла? – спросил Митч.

– Ты не поверишь. В один день ступня онемела, он не мог ходить. Как выяснилось, из-за диабета нарушилась циркуляция крови, и она перестала доходить до ступни. Ему отрезали ногу выше колена.

– В тот момент, когда он ел амишский пирог?

– Нет. Он понял, что должен отказаться от сладкого.

– Молодец.

– Поэтому за день до операции он последний раз съел десерт: целый амишский пирог и чуть ли не ведро взбитых сливок. Ты видел тот классный фильм про амишей с Харрисоном Фордом и девицей с отличными сиськами?

Перескакивая от Волосатика к Блу-Болс, Интеркосу, амишскому пирогу и, наконец, Харрисону Форду, они добрались до многоквартирного дома Игги.

Митч остановился у тротуара, и черный внедорожник проехал мимо, не снижая скорости. Тонированные боковые стекла не позволяли разглядеть ни водителя, ни пассажиров.

Игги открыл дверцу кабины, но, прежде чем покинуть машину, спросил:

– Все в порядке, босс?

– Вполне.

– Ты какой-то вздрюченный.

– Я видел, как человека застрелили насмерть.

– Да. Кажется, я знаю, кто будет сегодня верховодить за стойкой бара «Раскаты грома». Может, тебе стоит туда заглянуть?

– Не придерживай для меня стул.

Внедорожник «Кадиллак» уже ехал на запад, сверкая в лучах послеполуденного солнца.

Игги вышел из кабины на тротуар, обернулся, скорчил скорбное лицо.

– Ядро и кандалная цепь.

– Попутного тебе ветра.

– Вот это уже разговор.

– Пойди и надерись.

– Я намерен отравиться, – заверил его Игги. – Но и тебе доктор Иг прописывает упаковку из шести банок пива. И скажи миссис Митч, что, по моему разумению, второй такой красавицы не найти.

Игги захлопнул дверцу и зашагал к подъезду, крупный, верный, веселый и ни о чем не подозревающий.

¹ Страна амишей – часть штата Пенсильвания, населенная амишами, членами консервативной религиозной секты, жизнь которых строится на буквальном толковании Библии, т. е. они не пользуются электричеством или автомобилями, пашут землю плугом и т. д.

² Интеркос (Intercourse) – в переводе с английского «половой акт».

Руки Митча дрожали, когда он отъехал от тротуара.

Чуть раньше, когда они ехали на север округа Орандж, ему не терпелось избавиться от Игги, чтобы поскорее попасть домой. Но теперь желудок едва не выворачивало, стоило Митчу подумать о том, что могло ждать его дома.

И больше всего он боялся найти кровь.

Глава 6

Ехал Митч, опустив стекла, чтобы слышать голос улиц, доказательство жизни.

«Кадиллак»-внедорожник более не появился. Ни один другой автомобиль его не заменил. Судя по всему, слежка Митчу привиделась.

И ощущение, будто за ним наблюдают, исчезло. Изредка он поглядывал в зеркала заднего обзора, но уже не ожидал заметить что-либо подозрительное.

Он чувствовал себя одиноким, хуже того, отгороженным от остального мира. Пожалуй, даже мечтал о возвращении внедорожника.

Их дом находился в более старом районе Оранджа, одного из старейших городов округа. И, повернув на свою улицу, он, казалось (если бы исчезли все легковушки и пикапы), перенесся в 1945 год.

Бунгало (светло-желтая штукатурка, белая отделка, крыша из кедровой дощечки) стояло за забором из штакетника, увитого плетущейся розой. В этом квартале не составляло труда найти более дорогие и красивые дома, но ни один не мог похвастаться более ухоженным участком.

Митч припарковался на подъездной дорожке у дома, в тени массивного перечного дерева, и вышел из машины в жаркий, застывший послеполуденный воздух. Ни на тротуарах, ни во дворах не было ни души. В этой округе в большинстве семей работали и муж и жена, в этот час, четыре минуты четвертого, дети еще не вернулись из школы.

Не было здесь ни служанок, ни мойщиков окон, ни садовников. Хозяева домов сами выбивали ковры и выкашивали лужайки.

Солнечный свет пробивался сквозь листву перечного дерева, разбрасывая по тени россыпь светлых пятнышек.

Митч открыл калитку. Пересек лужайку, направляясь к парадному крыльцу. На большом крыльце, укрытом от солнечных лучей карнизом, царила прохлада. Белые плетеные кресла с зелеными сиденьями стояли около маленьких плетеных столиков со стеклянным верхом.

По воскресеньям, во второй половине дня, он и Холли частенько сидели на крыльце, разговаривали, читали газеты, наблюдали за колибри, перелетающими с одного цветка на другой.

Иногда ставили между столиками карточный столик. Она побеждала его в «Крестословице»¹. Он брал верх в более простых играх.

Много времени развлечениям они не уделяли. Не ездили в отпуск кататься на лыжах, не проводили уик-энды на побережье. Редко ходили в кино. От пребывания вдвоем на парадном крыльце они получали не меньше удовольствия, чем от поездки в Париж.

Они копили деньги ради более значимых целей. Чтобы дать ей возможность шагнуть из секретарей в риелторы. Чтобы позволить ему рекламировать свою фирму, купить второй пикап, расширить дело.

Опять же дети. Они собирались иметь детей. Двоих или троих. Иногда, пребывая в особо сентиментальном настроении, соглашались, что и четверо детей не так уж и много.

Они не хотели покорять мир, не хотели изменять его. Им требовался лишь маленький уголок этого мира и шанс заполнить его детьми и смехом.

Митч толкнул входную дверь. Не заперта. Распахнул ее и замер на пороге.

¹ «Крестословица» – настольная игра в слова. Состоит в том, чтобы на разграфленной доске расставить фишки в виде слов.

Оглянулся, ожидая увидеть черный внедорожник. Не увидел.

Переступив порог, Митч постоял, позволяя глазам привыкнуть к сумраку. Гостиная освещалась только той частью солнечного света, которой удавалось просочиться сквозь листву растущих у окон деревьев.

Вроде бы все на месте. Беспорядка, признаков борьбы он не заметил.

Митч закрыл за собой дверь. Чтобы собраться с духом, ему пришлось привалиться к ней.

Если бы Холли была дома, он бы слышал музыку. Она любила большие джаз-оркестры: Миллера, Гудмана, Эллингтона, Шоу. Говорила, что музыка 1940-х годов подходит этому дому. Холли она тоже подходила. Классика.

Арка соединяла гостиную с маленькой столовой. И там ничего не изменилось.

На столе лежала большая мертвая бабочка. Ночная, серая, с черными пятнами на крыльях.

Бабочка, должно быть, залетела в дом прошлым вечером. Они провели какое-то время на парадном крыльце, оставив входную дверь открытой.

Может, бабочка не умерла, просто спала. Если бы он сложил ладоши лодочками, аккуратно поднял ее и вынес из дома, она могла бы долететь до темного угла под крышей и дожидаться там восхода луны.

Митч замялся, не решаясь прикоснуться к бабочке, опасаясь, что она не шевельнет крыльями, а рассыплется в пыль, как иногда случалось с ночными бабочками.

В итоге Митч так и оставил ночную летунью на столе: ему хотелось верить, что она жива.

Дверь между столовой и кухней он нашел приоткрытой. За дверью горел свет.

В воздухе пахло сгоревшим гренком. И запах этот усилился, когда он вошел на кухню.

Вот тут Митч обнаружил следы борьбы. Перевернутый стул. Осколки разбитых тарелок на полу.

Два куса почерневшего хлеба торчали из тостера. Кто-то выдернул штепсель из розетки. Масленка осталась на столике, масло от жары размякло.

Незваные гости, должно быть, вошли через переднюю дверь и застали Холли врасплох, когда она готовила гренки.

Белые дверцы и передние панели двух ящиков буфета пятнала кровь.

На мгновение Митч закрыл глаза. Мысленным взором увидел, как крылышки бабочки затрепетали, и она взлетела со стола. Что-то затрепетало и у него в груди, и ему хотелось верить, что это надежда.

На белой передней панели холодильника отпечаталась кровавая женская ладонь, которая кричала от боли. Еще один кровавый отпечаток Митч увидел на дверце полки.

Кровь была и на плитках пола. Много крови. Целый океан.

Увиденное повергло Митча в такой ужас, что ему захотелось вновь закрыть глаза. Остановила его безумная мысль: если он закроет глаза, чтобы не видеть этого кошмара, то навеки ослепнет.

Зазвонил телефон.

Глава 7

Ему не пришлось плыть по крови, чтобы добраться до телефона. Он снял трубку после третьего звонка и услышал свой затравленный голос: «Да?»

— Это я, милый. Они слушают.

— Холли, что они с тобой сделали?

— Я в порядке. — Голос не дрожал, но и звучал не так, как всегда.

— Я на кухне.

— Знаю.

— Кровь.

– Я знаю. Не думай об этом. Митч, они говорят, что у нас одна минута, только одна минута.

Он уловил ее мысль: *«Одна минута, и, возможно, никогда больше»*.

Ноги не желали его держать. Он отодвинул стул от стола, плюхнулся на него.

– Мне так жаль.

– Это не твоя вина. Не кори себя.

– Кто эти выродки, они что, чокнутые?

– Они злобные, но точно не чокнутые. Они, похоже, профессионалы. Не знаю. Но я хочу, чтобы ты дал мне обещание...

– Я умираю.

– Послушай, милый, мне нужно твое обещание. Если что-то случится со мной...

– Ничего не должно с тобой случиться.

– Если что-то случится со мной, – настойчиво повторила она, – пообещай мне, что ты не сломаешься.

– Я не хочу даже думать об этом.

– Ты выдержишь, черт побери. Ты выдержишь и будешь жить.

– Моя жизнь – это ты.

– Ты выдержишь, газонокосильщик. А не то я разозлюсь.

– Я сделаю то, что они хотят. Я тебя верну.

– Если ты сломаешься, Рафферти, тебе крепко достанется от меня. И то, что показывали в фильме «Полтергейст», покажется невинными шалостями.

– Господи, я тебя люблю.

– Знаю. И я люблю тебя. Хочу тебя обнять.

– Я так тебя люблю.

Она не ответила.

– Холли?

Молчание подействовало на него, словно удар тока. Он вскочил.

– Холли? Ты слышишь меня?

– Я слышу тебя, газонокосильщик, – ответил похититель, с которым он говорил раньше.

– Сукин сын.

– Я понимаю твою злость.

– Кусок дерьма.

– Но долго терпеть не буду.

– Если ты ударишь ее...

– Я ее уже ударил. И если ты и дальше будешь продолжать в том же духе, превращу эту сучку в отбивную.

Осознание собственной беспомощности заставило Митча подавить злость.

– Пожалуйста, – взмолился он. – Больше не бейте ее. Не бейте.

– Хватит, Рафферти. Помолчи, чтобы я мог тебе кое-что объяснить.

– Ладно. Хорошо. Объяснения мне нужны. Я ничего не понимаю.

Опять ноги стали ватными. Но вместо того, чтобы плюхнуться на стул, он ногой отбросил осколки разбитой тарелки и опустился на колени. По какой-то причине ему хотелось стоять на коленях, а не сидеть на стуле.

– Насчет крови, – продолжил похититель. – Я оплеухой сбил ее с ног, когда она попыталась сопротивляться, но не порезал ее.

– Столько крови.

– Об этом я тебе и толкую. Мы наложили ей жгут на руку, а когда вена вздулась, набрали четыре пробы, как делает врач, когда берет анализ.

Митч прижался лбом к крышке духовки. Закрыв глаза, попытался сосредоточиться.

– Мы вымазали кровью ее ладони и оставили отпечатки. Брызнули кровью на дверцы, передние панели ящиков, на столы. Остальное вылили на пол. Это все декорации, Рафферти. Чтобы выглядела кухня так, будто ее там убили.

Митч казался себе черепахой, только-только пересекшей линию старта, тогда как похититель являл собой зайца, давно уже умчавшегося вперед. И Митч никак не мог угнаться за ним.

– Декорации? Для чего?

– Если у тебя сдадут нервы и ты пойдешь к копам, они не поверят истории про покушение. Увидят кухню и подумают, что ты ее пришел.

– Я им ничего не сказал.

– Я знаю.

– После того, как вы убили этого пешехода с собакой, я понял, что терять вам нечего. И обращаться в полицию – себе дороже.

– Это всего лишь дополнительная гарантия, – слышалось в ответ. – Гарантии нам нравятся. Кстати, в наборе ножей на твоей кухне недостает мясницкого тесака.

Митч проверять не стал.

– Нож мы завернули в одну из твоих футболок и джинсы. На одежде, само собой, пятна крови Холли.

Она же сказала, эти ублюдки – профессионалы.

– Этот сверток спрятан на твоем участке. Тебе его не найти, но полицейская собака справится с этим без труда.

– Я понял.

– Я знал, что поймешь. Ты же неглуп. Вот почему мы решили как следует подстраховаться.

– Что теперь? Объясните, что все это значит.

– Еще рано. Сейчас ты слишком взволнован. Это плохо. Если человек не контролирует свои эмоции, он может совершить ошибку.

– Я контролирую, – заверил его Митч, хотя сердце било, как паровой молот, а кровь шумела в ушах.

– У тебя нет права на ошибку, Митч. Ни на одну. Поэтому я и хочу подождать, пока ты успокоишься. Когда мозги у тебя прочистятся, мы обсудим ситуацию. Я позвоню в шесть часов.

По-прежнему стоя на коленях, Митч открыл глаза, посмотрел на часы.

– До шести больше двух с половиной часов.

– Ты все еще в рабочей одежде. Грязный. Потный. Прими горячий душ. Тебе заметно полегчает.

– Вы надо мной смеетесь.

– В любом случае ты должен выглядеть более пристойно. Прими душ, переоденься, а потом уйди из дома, погуляй где-нибудь. Только убедись, что аккумулятор твоего мобильного полностью заряжен.

– Я лучше останусь здесь.

– Толку от этого не будет. Дом полон воспоминаний о Холли, они везде, куда ты ни бросишь взгляд. Твои нервы на пределе. Мне ты нужен более спокойным.

– Да. Хорошо.

– И еще. Я хочу, чтобы ты прослушал эту запись.

Митч подумал, что ему еще раз предстоит услышать крик боли Холли, призванный подчеркнуть его бессилие, неспособность защитить ее.

Но вместо крика Холли услышал два записанных голоса, ясных и четких на фоне тихого шумового фона. Первый голос принадлежал ему:

«Никогда раньше не видел, как убивают человека».

«Вам к этому не привыкнуть».

«Надеюсь на это».

«Убитая женщина – еще хуже. Женщина или ребенок».

Второй – детективу Таггарту.

– Если бы ты раскололся, Митч, Холли уже была бы мертва.

В темном дымчатом стекле дверцы духовки Митч видел отражение лица, которое вроде бы смотрело на него из преисподней.

– Таггарт – один из вас?

– Может, да. Может, и нет. Ты должен исходить из того, что любой может быть одним из нас. Так будет безопаснее, и для тебя, и для Холли. Каждый, кого ты видишь, может быть одним из нас.

Они огородили его глухим забором. А теперь устанавливали крышу.

– Митч, я не хочу завершать наш разговор на такой черной ноте. Я хочу, чтобы в одном ты был уверен. Я хочу, чтобы ты знал: мы ее не тронем.

– Вы ее ударили.

– Я ударю ее снова, если она не будет выполнять указаний. Но мы ее не тронем. Мы не насильники, Митч.

– С чего мне вам верить?

– Ты понимаешь, я манипулирую тобой, Митч, дергаю за веревочки, как кукловод – марионетку. И, ты понимаешь, я тебе многого не говорю.

– Вы – убийцы, но не насильники?

– Речь о том, что все ранее сказанное мною тебе правда. Если ты вспомнишь мои слова, то увидишь, что я говорил только правду и держал слово.

Митчу хотелось его убить. Никогда раньше он не испытывал столь острого желания причинить вред другому человеческому существу, но этого человека он хотел стереть с лица земли.

Он так яростно сжимал телефонную трубку, что заболела рука. Но не мог заставить себя ослабить хватку.

– У меня большой опыт в использовании других людей, Митч. Ты для меня – инструмент, ценный механизм, отрегулированная машина.

– Машина.

– Помолчи и послушай, хорошо? Не имеет смысла неправильно эксплуатировать дорогую отрегулированную машину. Я бы не стал покупать «Феррари», чтобы потом не менять вовремя масло, не смазывать то, что положено смазывать.

– По крайней мере, я – «Феррари».

– Пока я – твой кукловод, Митч, невозможного от тебя требовать не будут. Я могу ожидать от «Феррари» высокой эффективности, но не собираюсь пробивать этой машиной кирпичную стену.

– У меня такое ощущение, что мною уже пробили кирпичную стену.

– Ты крепче, чем думаешь. Но для того, чтобы получить от тебя максимальную отдачу, я хочу, чтобы ты знал: к Холли мы отнесемся с должным уважением. Если ты сделаешь все, что мы от тебя хотим, тогда она вернется к тебе живой и нетронутой.

Холли была крепким орешком. Жестокое обращение не сломило бы ее дух. Но изнасилование не просто надругательство над телом. Изнасилование калечило разум, сердце, душу.

Похититель затронул этот вопрос вроде бы для того, чтобы успокоить Митча. Но одновременно этот сукин сын предупреждал, что такой вариант не исключается, если Митч попытается выйти из-под контроля.

– Я не считаю, что вы ответили на мой вопрос. С чего мне вам верить?

– Потому что ты должен.

И действительно, что еще ему оставалось.

– Ты должен, Митч. Иначе ты уже можешь считать, что она мертва.

И похититель разорвал связь.

Какое-то время абсолютная беспомощность удерживала Митча на коленях.

Через какое-то время записанный на пленку женский голос потребовал, чтобы он вернул трубку на телефонный аппарат. Вместо этого Митч положил трубку на пол, но бесконечные короткие гудки заставили его вернуть трубку на положенное ей место.

Оставаясь на коленях, Митч вновь прижался лбом к стеклу в дверце духовки и закрыл глаза.

В голове буйствовал хаос. Образы Холли, воспоминания мучили его, появлялись, исчезали, накладывались друг на друга, но мучили, потому что он понимал: возможно, это все, что у него осталось. Страх и злость. Сожаление и печаль. Он еще не испытал на себе, что такое утрата дорогого, близкого ему человека. Жизнь не подготовила его к подобной утрате.

Митч пытался упорядочить мысли, чувствовал: он что-то может сделать для Холли, прямо здесь, сейчас, если сумеет подавить страх, успокоиться и вернет себе способность *думать*. Тогда ему не придется ждать приказов от похитителей. Он сможет сделать для нее что-то важное, немедленно. Сможет не сидеть сложа руки, а действовать. Сможет что-то сделать для Холли.

Прижатые к твердым плиткам пола, начали болеть колени. И вот эта физическая боль постепенно разогнала туман, который окутывал разум. Мысли более не летели, сталкиваясь друг с другом, словно мусор, поднятый сильным порывом ветра, аплыли неспешно, будто опавшие листья по спокойной реке.

Он мог сделать для Холли что-то важное, мысль о том, что именно, находилась совсем рядом, у той черты, которая разделяла сознание от подсознания, но никак не желала пересечь эту черту. Жесткий пол не знал жалости, и Митчу уже казалось, что под его коленями острые осколки разбитого стекла. Он мог что-то сделать для Холли. Но конкретный ответ ускользал от него. *Что-то*. Колени болели. Он пытался игнорировать эту боль, но потом все-таки поднялся. Озарение так и не пришло. Не оставалось ничего другого, как ждать следующего звонка. Никогда раньше он не чувствовал себя таким никчемным.

Глава 8

Хотя до наступления темноты было еще далеко, надвигающаяся ночь медленно, но верно смещала тени на восток, подальше от скатывающегося к западу солнца. Вот и тени королевских пальм легли на двор.

Для Митча, который стоял на заднем крыльце, оно, ранее казавшееся островком умиротворенности, теперь вибрировало от напряжения, словно канаты, поддерживающие висячий мост.

Двор оканчивался дощатым забором, за которым находился проулок. С противоположной стороны проулка высился другой забор, за ним начинался другой двор, стоял другой дом. С Митчем, справа и слева, соседствовали еще два дома. Возможно, из окон второго этажа одного из них кто-то наблюдал за ним через бинокль.

Когда он сказал Холли, что он на кухне, она ответила: «Знаю». Она могла это знать только потому, что об этом знали ее похитители.

Черный «Кадиллак»-внедорожник, возможно, и имел отношение к похитителям, но прямых доказательств у Митча не было. Да, вроде бы он какое-то время ехал следом, но стоило ли делать из этого столь далеко идущие выводы?

Похитители и так понимали, что он сразу поедет домой, поэтому могли не следить за ним в дороге, а сразу взять под наблюдение дом. Скорее всего, он и сейчас находился у них «под колпаком».

Один из домов на противоположной стороне проулка располагался столь удачно, что для наблюдателя, вооруженного соответствующей оптикой, и дом, и двор Митча были как на ладони.

Однако с еще большим подозрением Митч взирал на отдельно стоявший гараж в дальней части собственного участка. По двору к гаражу вела подъездная дорожка, но выезд из него был и в проулок.

В гараже хватало места и для пикапа Митча, и для «Хонды» Холли. Окна были и на первом, и на втором этаже, скорее чердаке, который служил кладовой. Некоторые оставались

темными, другие сверкали отраженным светом.

Ни в одном из окон Митч не видел чьего-то лица, не замечал движения. Если кто-то и приглядывал за ним из гаража, этот человек принял необходимые меры предосторожности, дабы остаться незаметным.

Свет, отраженный от лепестков растущих во дворе цветов, роз, белокопытников, колокольчиков, бальзаминов, подкрашивал вроде бы прозрачные стекла окон.

Мясницкий тесак, завернутый в окровавленную одежду, скорее всего, закопали в клумбу.

Найдя одежду, уничтожив ее, очистив кухню от крови, он мог бы обрести какую-то степень контроля. Мог более гибко реагировать на те вызовы, с которыми ему предстояло столкнуться в ближайшие пятьдесят с чем-то часов.

Но если за ним следили, похитители не стали бы хладнокровно наблюдать за его поисками. Они срежиссировали убийство жены для того, чтобы держать его на коротком поводке, и не хотели, чтобы поводок этот порвался или удлинился.

И, чтобы наказать его, они могли причинить боль Холли.

Мужчина, который говорил с ним по телефону, пообещал, что ее не тронут, то есть не изнасилуют. Но насчет причинения боли речи не было.

Он мог ударить ее, если нашелся бы повод. Не просто ударить, подвергнуть пытке. Насчет этого он никаких обещаний не давал.

Чтобы имитировать убийство, они безболезненно откачали ее кровь шприцом. Но это не означало, что они не собирались пускать в ход нож.

Чтобы показать ему его полную беспомощность, они могли порезать ей грудь, лицо. И самого маленького пореза хватило бы, чтобы растоптать его волю к сопротивлению.

Они не могли ее убить. Чтобы держать его под контролем, им не оставалось ничего другого, как позволять ему время от времени говорить с ней.

Но они, скажем, могли отрезать ей часть уха, с тем чтобы Холли сообщила ему об этом по телефону.

Митч удивился собственной способности предполагать самое худшее. Лишь несколько часов тому назад он относился к тем людям, которые никогда не сталкивались со злом.

Богатство его воображения, однако, предполагало, что на каком-то подсознательном уровне, а может, на уровне, запрятанном еще глубже, чем подсознание, он знал, что реальное зло обитает в этом мире, и от встречи с ним не застрахован никто. Похищение Холли перевело это знание из ментальных глубин в поверхностные слои.

Тени королевских пальм, тянувшиеся к забору, огораживающему двор, превращались в копия, нацеленные на врага. Залитые солнечным светом цветы выглядели хрупкими, как стекло. И напряженность продолжала нарастать.

Ни удлиняющиеся тени, ни цветы не могли разлететься на множество осколков. Если кто и мог дойти до критической точки, а потом, перейдя ее, сломаться, так это Митч. И где-то в глубине его души зародилась мысль, что не такой уж это и плохой выход.

Темные и подсвеченные солнцем окна гаража насмехались над ним. Мебель на крыльце и во внутреннем дворике, где они с Холли любили проводить летние вечера, насмехалась над ним.

Цветы, клумбы, зеленая трава, которым он уделял столько внимания, насмехались над ним. Вся созданная им красота теперь казалась ни на что не пригодной, а потому превратилась в ее противоположность – уродство.

Он вернулся в дом и закрыл за собой дверь. Запирать не стал.

Но самое ужасное заключалось в том, что они уже побывали в доме и ушли из него. Все остальное было лишь отголоском первоначального ужаса.

Митч пересек кухню и вошел в короткий коридор, который вел к двум комнатам. Первая служила семейной гостиной. В ней стоял диван, два кресла и телевизор с большим экраном.

В эти дни телевизор они смотрели редко. В эфире доминировали так называемые

реалити-шоу, юридические и полицейские сериалы, но все это вызывало только зевоту, потому что не имело ничего общего с той реальностью, которую он знал. Но теперь ему открыли глаза и на другую реальность.

В конце коридора находилась большая спальня. Из ящика комода он достал чистые трусы и носки.

Казалось бы, заниматься такой рутинной при сложившихся обстоятельствах не представлялось возможным, но ему не оставалось ничего другого, как следовать рекомендациям похитителей.

День выдался теплым, но ночь в середине мая могла быть холодной. В стенном шкафу он взял пару джинсов, снял с плечиков фланелевую рубашку. Положил на кровать.

Оказался перед маленьким туалетным столиком Холли, за которым она каждый день сидела на пуфике, расчесывала волосы, красилась.

Непроизвольно он взял со столика маленькое зеркало. Посмотрел в него, словно надеялся, что какая-то высшая сила покажет ему в нем ее лицо. Увидел, само собой, только свое и положил зеркало на место.

Он побрился, принял душ, оделся.

Митч понятия не имел, что от него потребуют, как он сможет добыть два миллиона, чтобы выкупить жену, но даже не стал представлять себе возможные сценарии. Человеку, стоящему на обрыве, не рекомендуется прикидывать расстояние до дна пропасти.

Он сидел на кровати, завязывая шнурки, когда в дверь позвонили.

Похититель сказал, что позвонит в шесть, но по телефону, а не в дверь. Часы на столике у кровати показывали четверть пятого.

Оставить звонок без ответа он не мог. Даже если гость не имел отношения к похищению, правила приличия требовали, чтобы он открыл дверь. Опять же, ему не оставалось ничего другого, как делать вид, будто ничего необычного не произошло, и он живет в привычном ритме.

Пикап на подъездной дорожке однозначно указывал на то, что он дома. Если это был сосед, он, не получив ответа, обошел бы дом и постучался в дверь кухни.

Стеклянные панели в той двери позволяли увидеть и пятна крови, и осколки тарелок на полу, окровавленные отпечатки ладоней на дверцах полки и холодильника.

Ему следовало опустить жалюзи.

Митч вышел из спальни. По коридору проследовал в гостиную, пересек ее, чтобы открыть дверь, прежде чем гость позвонит во второй раз.

В парадной двери стеклянных панелей не было. Так что он увидел стоящего на крыльце лейтенанта Таггарта, лишь распахнув дверь.

Глава 9

Линзы солнцезащитных очков, напоминающие глаза богомола, буквально загнипнотизировали Митча, лишили дара речи.

– Нравятся мне эти старые кварталы. – Таггарт оглядел переднее крыльцо. – Именно так выглядела Калифорния в ее лучшие годы, до того, как вырубili апельсиновые рощи и понастроили море домов.

Дар речи к Митчу вернулся, но голос стал более высоким:

– Вы живете неподалеку, лейтенант?

– Нет. Я живу в одном из новых районов. Так удобнее. Но вот случайно заехал в вашу округу.

Таггарт не принадлежал к тем людям, которые могли что-то сделать случайно. Даже если бы он ходил во сне, то наверняка двигался бы к какой-то определенной цели.

– Выяснились новые обстоятельства, мистер Рафферти. А поскольку я находился рядом, то решил заглянуть к вам. Вы можете уделить мне несколько минут?

Если Таггарт не имел отношения к похитителям, если тот разговор с Митчем

записывался без его ведома, приглашать его в дом было опрометчиво. В таком маленьком доме гостиную, где царил идеальный порядок, лишь несколько шагов отделяли от залитой кровью кухни.

– Конечно, – кивнул Митч. – Но у моей жены сильная мигрень. Она даже легла.

Если детектив был одним из них, если он знал, что Холли сейчас совсем в другом месте, он ничем не показал, что ему это известно: лицо Таггарта не изменилось.

– Почему бы нам не посидеть на крыльце? – предложил Митч.

– Крыльцо у вас обставлено с большим вкусом.

Митч закрыл дверь в дом, и они сели в белые плетеные кресла.

Таггарт принес с собой конверт размером девять на двенадцать дюймов. Положил на колени, не открывая.

– Когда я был маленький, у нас было такое же крыльцо, – сказал он. – Мы любили сидеть на нем и смотреть на проезжающие автомобили.

Он снял солнцезащитные очки, сунул их в карман рубашки. Взгляд его пронзал, как высокооборотное сверло.

– Миссис Рафферти принимает эрготамин?

– Принимает что?

– Эрготамин. Медицинский препарат, помогающий при мигренях.

Митч понятия не имел, то ли действительно существует такой препарат, то ли детектив придумал это слово, чтобы подловить его на лжи.

– Нет. Насколько мне известно, она обходится аспирином.

– И как часто с ней такое случается?

– Два или три раза в год, – солгал Митч. На самом деле мигрени у Холли не было никогда, да и голова болела крайне редко.

Черно-серая бабочка сидела на стойке справа от лестницы, ночная летунья спала в тени, дожидаясь заката солнца.

– У меня бывают приступы офтальмофлегической мигрени. Она воздействует только на глаза. Перед ними начинает все мерцать, плюс появляются черные зоны, но это проходит минут через двадцать, причем голова не болит.

– Если уж суждено страдать от мигрени, то это не самый плохой вариант.

– Врачи обычно прописывают эрготамин, если приступы случаются не реже раза в месяц.

– У нее такое бывает раза два, максимум три в год.

Митч пожалел, что затронул тему мигрени. Таггарт слишком хорошо знал, что это такое.

Да и разговор ни о чем нервировал Митча. Он понимал, что голос его звучит очень уж напряженно, недоверчиво.

И Митч старался избегать глаз детектива. Теперь же заставил себя встретиться с ним взглядом.

– Мы нашли на собаке ИУАВС, – сообщил ему Таггарт.

– Что?

– Идентификационное устройство американской ветеринарной службы. Микрочип, о котором я упоминал ранее.

– Ага. Понятно.

Прежде чем Митч понял, что вновь ведет себя так, словно в чем-то провинился, его взгляд сместился с Таггарта на проезжающий по улице автомобиль.

– Их имплантируют в мышцы между лопатками собаки. Чипы очень маленькие. Животное не ощущает его присутствия. Мы сканировали ретривера, получили номер ИУАВС. Это сука из дома, расположенного в одном квартале к востоку и в двух к северу от места преступления. Фамилия владельца – Окадан.

– Бобби Окадан? Я работаю у него на участке.

– Да, я знаю.

– Мужчина, которого убили, – это не мистер Окадан.

– Нет.

– Тогда кто? Родственник, друг?

Таггарт ушел от ответа.

– Я удивлен, что вы не узнали собаку.

– Один золотистый ретривер не отличается от другого.

– Не совсем. У каждого есть индивидуальные особенности.

– Мишки, – вспомнил Митч.

– Это кличка собаки, – подтвердил Таггарт.

– Мы работаем на участке по четвергам, и домоправительница держит собаку в доме, чтобы она не путалась у нас под ногами. Так что я главным образом видел ее через стеклянные двери, которые выходят в сад.

– Судя по всему, Мишки этим утром выкрали с участка Окаданов, где-то в половине двенадцатого. Поводок и ошейник не принадлежат Окаданам.

– Вы хотите сказать: собаку украл мужчина, которого застрелили?

– Похоже на то.

Эти слова решили проблему с визуальным контактом. Теперь Митч просто не мог отвести глаз от детектива.

Но Таггарт наверняка пришел не для того, чтобы поделиться столь необычной информацией. Наверняка она послужила исходной точкой для умозаключений детектива и вопросов, которые он хотел задать Митчу в свете вновь открывшихся обстоятельств.

В доме зазвонил телефон.

Похитители обещали связаться с ним в шесть вечера. Но они могли разозлиться, если б позвонили раньше и не смогли его найти.

Митч начал подниматься с кресла, но слова Таггарта остановили его:

– На вашем месте я бы не снимал трубку. Скорее всего, это мистер Барнс.

– Игги.

– Мы с ним разговаривали полчаса тому назад. Я просил его не звонить сюда, пока я не поговорю с вами. С тех пор он боролся со своей совестью, и наконец совесть победила. Или проиграла, смотря с какой стороны посмотреть.

– Так о чем, собственно, речь? – спросил Митч, опустившись в кресло.

Игнорируя его вопрос, Таггарт задал встречный:

– Как по-вашему, сколь часто воруют собак, мистер Рафферти?

– Я даже не представлял себе, что их могут воровать.

– Такое случается. Но воруют их не так часто, как автомобили, – улыбка Таггарта не была заразительной. – Собаку нельзя разобрать на части, как «Порше». Хотя время от времени их крадут.

– Я вам верю.

– Породистая собака может стоить тысячи долларов. Но зачастую вор и не собирается ее продавать. Просто решил заполучить красивого, чистопородного пса, не заплатив ни цента.

Хотя Таггарт держал паузу, Митч не знал, что и сказать. Ему хотелось побыстрее закончить разговор. И при этом не терпелось узнать цель этого разговора. Конечно же, кража собаки была лишь прелюдией.

– Собак некоторых пород крадут чаще других, потому что они известны за свой кроткий нрав, неспособность противостоять вору. И золотистые ретриверы в этом смысле особенно популярны. Они легко идут на контакт с незнакомыми людьми и неагрессивны.

Детектив опустил голову, уперся взглядом в пол, словно размышляя над своей следующей фразой.

Митч не верил, что Таггарту нужно собираться с мыслями. У этого человека каждая мысль знала свое место, как марширующие на плацу солдаты.

– Собак обычно воруют из припаркованных на стоянках автомобилей, – наконец

продолжил детектив. – Люди оставляют собаку в салоне, дверцы не запирают. Когда возвращаются, Фидо уже нет, а потом кто-то зовет его Герцогом.

Осознав, что вцепился в подлокотники плетеного кресла с такой силой, будто его уложили на огромную сковороду и он ждет, пока палач разожжет под ней огонь, Митч попытался расслабиться.

– Или хозяин привязывает собаку к парковочному счетчику у магазина. Вор развязывает узел поводка и уходит со своим новым лучшим другом.

Еще пауза. Митч ее выдержал. Лейтенант Таггарт заговорил, не поднимая головы:

– Крайне редко, мистер Рафферти, собаку крадут со двора владельца ясным весенним утром. Все редкое, необычное разжигает мое любопытство. И я начинаю разбираться, что к чему.

Митч поднял руку и начал массировать шею, как, возможно, поступил бы расслабившийся человек, понимающий, что речь идет о чем-то, совершенно его не касающемся.

– Странное дело, вор пришел в такой район пешком и ушел на своих двоих с украденной собакой. Странно, что при нем не было никаких документов. Еще более странно, что его убили, едва он отшагал три квартала. А самое удивительное, мистер Рафферти, состоит в том, что вы, главный свидетель убийства, его знали.

– Но я его не знал.

– В свое время, – настаивал Таггарт, – вы знали его очень хорошо.

Глава 10

Белый потолок, белые половицы, белые плетеные кресла, черно-серая ночная бабочка. Если раньше крыльцо казалось Митчу таким знакомым, светлым и просторным, то теперь вдруг потемнело, сжалось, стало чужим.

Таггарт все еще не поднимал головы.

– Один из джейков присмотрелся к убитому и узнал его.

– Джейков?

– Один из полицейских. Сказал, что два года тому назад арестовывал этого парня по обвинению в хранении наркотиков после того, как остановил за нарушение правил дорожного движения. В тюрьму он не попал, но отпечатки его пальцев хранились в нашем архиве, поэтому мы быстро установили, кто он. Мистер Барнс говорит, что вы оба учились с убитым в одном классе средней школы.

Митчу очень хотелось, чтобы детектив встретился с ним взглядом. Таггарт, несомненно, отличил бы искреннее изумление от наигранного.

– Его звали Джейсон Остин.

– Я не просто учился с ним в одном классе, – ответил Митч. – Джейсон и я целый год снимали одну квартиру.

Вот тут Таггарт поднял на него глаза.

– Знаю.

– Игги сказал вам об этом.

– Да.

Митч попытался продемонстрировать полную открытость.

– После средней школы я год жил с родителями, учился на курсах.

– Декоративного садоводства.

– Совершенно верно. Потом поступил на работу в компанию, которая этим занималась, и уехал из родительского дома. Хотел иметь свою квартиру. Но полностью оплачивать ее не мог, поэтому мы с Джейсоном сняли одну на двоих.

Детектив опять наклонил голову, словно предпочитал смотреть Митчу в глаза, когда тот чувствовал себя не в своей тарелке.

– На тротуаре лежал не Джейсон, – уверенно добавил Митч.

Таггарт открыл клапан белого конверта.

– Его опознал не только полицейский, чьи слова подтвердили отпечатки пальцев, но и мистер Барнс.

Он вытащил из конверта цветную фотографию размером восемь на десять дюймов и протянул Митчу.

Полицейский фотограф изменил положение трупа, чтобы в объектив попали три четверти лица. И голову повернул влево, чтобы сама рана осталась за кадром.

Лицо чуть деформировалось пулей, которая вошла в один висок, пробила мозг и вышла между вторым виском и затылком. Левый глаз закрылся, зато правый чуть не вылезал из орбиты, придавая убитому сходство с циклопом.

– Возможно, это Джейсон, – признал Митч.

– Он самый.

– На месте преступления я видел только часть его лица. Правую, которая пострадала больше всего, ту, где вышла пуля.

– И вы, вероятно, не приглядывались.

– Нет. Не приглядывался. Как только я понял, что он мертв, у меня пропало всякое желание приглядываться.

– И на лице была кровь, – кивнул Таггарт. – Мы ее вытерли, прежде чем сфотографировали его.

– Кровь, ошметки мозга, поэтому я и не приглядывался.

Митч не мог оторвать глаз от фотографии. Она казалась ему пророческой. Мог прийти день, когда вот так сфотографируют его лицо. Потом покажут фотографию родителям и спросят: *«Это ваш сын, мистер и миссис Рафферти?»*

– Это Джейсон. Я не видел его лет восемь, может, и девять.

– Вы снимали с ним на пару квартиру, когда вам было восемнадцать?

– Восемнадцать, девятнадцать. Всего год.

– Примерно десять лет тому назад.

– Около того.

Джейсон, Митч это помнил, всегда держался на удивление спокойно, вел себя так, будто знает все секреты вселенной. Никто и ничто не могло его удивить.

А вот теперь, похоже, он удивился. Один глаз вылезает из орбиты, рот раскрыт. Да, лицо удивленного до глубины души человека.

– Вы вместе учились в школе, вместе снимали квартиру. Почему потом не виделись?

Пока Митч вертел в руках фотографию, Таггарт внимательно всматривался в него. И взгляд детектива пронзал насквозь.

– Мы многое воспринимали по-разному.

– Вы же не составляли семью. Просто на пару снимали квартиру. Поэтому и ставили перед собой разные цели.

– В принципе, мы хотели одного и того же, но расходились в выборе средств для достижения желаемого.

– Джейсон хотел получить все сразу и легко, – предположил Таггарт.

– Я думал, что его ждут крупные неприятности, и не хотел, чтобы они задели и меня.

– Вы – человек законопослушный, не ищите кривых путей.

– Я не лучше любого другого, наверняка хуже некоторых, но воровать бы я никогда не стал.

– Пока мы знаем о нем немного, но нам известно, что он арендовал дом в бухте Хантингтона за семь тысяч долларов в месяц.

– В месяц?

– Отличный дом, на самом берегу. И, судя по всему, он нигде не работал.

– Джейсон всегда полагал, что работа – это не для него. Он считал, что жить стоит только ради того, чтобы кататься на волнах.

– Митч, а вы в свое время тоже так думали?

– В последнем классе средней школы и чуть позже. Но потом понял, что этого недостаточно.

– А чего не хватало?

– Удовлетворенности от работы. Стабильности. Семьи.

– Теперь все это у вас есть. Жизнь идеальна, не так ли?

– Хороша. Очень хороша. Так хороша, что иногда заставляет нервничать.

– Но не идеальна. Чего не хватает теперь, Митч?

Митч не знал. Думал об этом время от времени, но ответа не находил.

– Вроде бы все есть. Мы бы хотели иметь детей. Может, тогда и достигнем идеала.

– У меня две дочери, – заметил детектив. – Одной – девять лет, второй – двенадцать.

Дети меняют жизнь.

– Я жду этого с нетерпением.

Митч осознал, что воспринимает Таггарта уже не с такой опаской. И напомнил себе, что расслабляться нельзя, соперничать с ним ему не под силу.

– Если не считать обвинения в хранении наркотиков, – сменил тему Таггарт, – Джейсон все эти годы не попадал в поле зрения полиции.

– Он всегда был везунчиком.

– Не всегда. – Таггарт указал на фотографию.

Митч более не хотел смотреть на нее. Вернул фотографию детективу.

– У вас дрожат руки.

– Дрожат, – согласился Митч. – Джейсон был мне другом. Мы столько смеялись вместе.

Вот и нахлынули воспоминания.

– Так вы не видели его и не разговаривали с ним десять лет.

– Почти десять.

Таггарт вернул фотографию в конверт.

– Но теперь вы узнали его.

– Крови нет, и видна большая часть лица.

– Когда вы увидели его, идущего с собакой, до того, как его убили, у вас не возникла мысль: *«Эй! А я ведь знаю этого парня!»*

– Он был на другой стороне улицы. Я только глянул на него, как раздался выстрел.

– И вы разговаривали по телефону, что вас отвлекало. Мистер Барнс говорит, что вы разговаривали по телефону, когда раздался выстрел.

– Совершенно верно. Я не присматривался к мужчине с собакой. Просто мельком глянул на них.

– Как мне показалось, мистер Барнс не способен на обман. Если он солжет, его нос ярко вспыхнет.

Митч не знал, намекает ли Таггарт, что вот ему, Митчу, полностью доверять нельзя. Поэтому улыбнулся:

– Игги – хороший человек.

Глядя на конверт, Таггарт спросил:

– С кем вы разговаривали по телефону?

– С Холли. Моей женой.

– Она звонила вам, чтобы сообщить о мигрени?

– Да. Чтобы сказать, что будет дома раньше.

Таггарт бросил взгляд на входную дверь.

– Надеюсь, ей уже лучше.

– Иногда голова может болеть целый день.

– Итак, оказалось, что мужчина, которого застрелили, раньше снимал с вами квартиру.

Вы понимаете, почему я нашел это более чем странным.

– Понимаю, – согласился Митч. – У меня у самого мурашки по коже бегут.

– Вы не виделись с ним больше девяти лет. Даже не разговаривали по телефону.

– У него появились новые друзья, другой мир. У меня не было желания общаться с

ними. А он более не появлялся в тех местах, где мы бывали вместе.

– Иногда совпадения – всего лишь совпадения. – Таггарт встал и направился к ступенькам.

С облегчением, вытирая вспотевшие ладони о джинсы, поднялся и Митч.

Остановившись на верхней ступеньке, по-прежнему не поднимая головы, Таггарт добавил:

– Мы еще не провели тщательный обыск дома Джейсона. Только начали. Но уже обнаружили одну странность.

Земля вращалась, уходя от медленно опускающегося солнца, яркий луч нашел шелку в листве перечного дерева, на мгновение ослепил Митча, заставил сощуриться.

Таггарт же говорил из тени:

– На кухне мы нашли ящик, в котором он держал мелочь, квитанции, ручки, запасные ключи; там же лежала одна визитная карточка. Ваша.

– Моя?

– «Биг грин», – процитировал Таггарт. – Декоративное садоводство, посадки, уход за растениями. Митчелл Рафферти».

Вот что привело детектива сюда, на север, так далеко от побережья. Сначала он побеседовал с Игги, который совершенно не умел врать, и выяснил у него, что между Митчем и Джейсоном существовала связь.

– Вы не давали ему визитную карточку? – спросил Таггарт.

– Нет, во всяком случае, не помню. Какого цвета визитка?

– Белая.

– Белыми я пользуюсь последние четыре года. Раньше они у меня были светло-зеленые.

– И вы не видели его больше девяти лет?

– Да.

– То есть, хотя вы потеряли след Джейсона, он, похоже, следил за тем, как идут ваши дела. Можете сказать почему?

– Нет. Понятия не имею.

Заговорил Таггарт после долгой паузы:

– У вас серьезные неприятности.

– Моя визитная карточка могла попасть к нему самыми разными путями, лейтенант. Это не означает, что он не упускал меня из виду.

Не поднимая глаз, детектив указал на белый поручень ограждения крыльца, где уютно устроились два крылатых насекомых.

– Термиты, – пояснил Таггарт.

– Скорее, летающие муравьи.

– В это время года термиты сбиваются в рои, не так ли? Вам надо бы внимательно осмотреть дом. На первый взгляд он крепкий и прочный, но, если потерять бдительность, термиты его сожрут и крыша рухнет вам на голову.

Вот тут детектив поднял голову и встретился с Митчем взглядом.

– Вы не хотите сказать мне что-нибудь еще, Митч?

– Сейчас – нет.

– Подумайте. Может, что и скажете.

Если бы Таггарт был с похитителями заодно, он разыграл бы эту партию иначе. Не проявлял бы такой настойчивости, дотошности. По всему чувствовалось, что для него в этом деле слишком много неясного.

«Если бы ты тогда раскололся, Митч, Холли уже была бы мертва».

Их предыдущий разговор могли записать издали. Техника подобное позволяла. Специальные направленные микрофоны улавливали каждое слово с расстояния в несколько сот футов. Он видел такое в кино. В фильмах, думал он, мало правды, но дистанционные направленные микрофоны действительно существуют. И Таггарт, как и Митч, мог не знать, что их разговор записывался на пленку.

Разумеется, сделанное однажды не составляло труда повторить. Микроавтобус, которого Митч никогда раньше не видел, стоял напротив его дома на противоположной стороне улицы. В кузове вполне хватало места для размещения подслушивающего оборудования.

Таггарт оглядел улицу, возможно, пытаясь понять, что заинтересовало Митча.

Дома тоже попадали под подозрение. Митч не знал всех соседей. Один из домов пустовал, и его выставили на продажу.

– Я вам не враг, Митч.

– Никогда не считал вас своим врагом, – солгал он.

– Все так думают.

– Я предпочитаю думать, что у меня нет врагов.

– У всех есть враги. Даже у святых.

– Откуда у святого могут взяться враги?

– Порочные ненавидят добродетельных только потому, что те добродетельны.

– Полагаю, в вашей работе все выглядит черно-белым.

– При всех оттенках серого, Митч, все у нас черное или белое.

– Меня всегда учили обратному.

– Знаете, мне тоже трудно верить в эту аксиому, пусть я каждый день получаю доказательства ее истинности. Оттенки серого менее контрастны, менее определены, жить с ними куда как проще.

Таггарт достал солнцезащитные очки из кармана рубашки, надел. Из того же кармана вытащил визитную карточку.

– Вы уже дали мне визитку, – напомнил Митч. – Она в моем бумажнике.

– На той только мой рабочий телефон. На эту я добавил номер моего мобильного. Я редко кому его даю. Можете звонить мне в любое время.

Митч взял визитку и заверил детектива:

– Я рассказал вам все, что знаю, лейтенант. Участие Джейсона в этой истории – для меня загадка.

Таггарт молча смотрел на него, отгородившись солнцезащитными очками.

Митч глянул на номер мобильного, сунул визитку в нагрудный карман рубашки.

А детектив, похоже, снова кого-то процитировал:

– «Память – это сеть. Человек вытаскивает ее из реки, полную рыбы, но двенадцать миль воды пробежали сквозь нее, не оставив следа»¹.

Таггарт спустился по ступенькам. По дорожке зашагал к улице.

Митч знал, что все сказанное им поймано сетью детектива, каждое слово и каждая интонация, каждое ударение и каждая заминка, каждое выражение лица и каждый жест, не просто слова, но и контекст, в котором они произносились. И с этим богатым уловом детектив будет разбираться с мастерством настоящего цыгана, гадающего на заварке. Поэтому откроется ему многое, и он обязательно вернется с новыми вопросами.

Таггарт миновал калитку, закрыл ее за собой.

Солнце вновь сдвинулось, его лучи более не пробивались сквозь листву, лицо Митча оказалось в тени, но по-прежнему горело, потому что и с самого начала согревал его не солнечный свет.

Глава 11

В семейной гостиной большой телевизор смотрел на него слепым глазом. Даже если бы Митч нажал кнопку на пульте дистанционного управления и заполнил экран яркими, идиотскими картинками, этот глаз увидеть его не мог. И, однако, он чувствовал, что за ним наблюдают, наблюдают с холодным пренебрежением.

¹ Один из афоризмов Оливера Уэнделла Холмса (1809–1894) – врача-физиолога, поэта, писателя, эссеиста, автора множества афоризмов.

Автоответчик стоял на угловом столике. Единственное сообщение оставил Игги:

«Извини, дружище. Мне следовало позвонить, как только он ушел. Но Таггарт, он как эта чертова гигантская волна, заслоняющая горизонт. Пугает до смерти, вызывает желание остаться на суше и просто наблюдать, как эта и ей подобные накатывают на берег».

Митч сел за письменный стол, открыл ящик, в котором Холли хранила их чековую книжку и выписки с банковского счета.

В разговоре с похитителем он переоценил свои финансовые возможности, потому что одиннадцати тысяч долларов у них не счету не было. Только 10 346 и еще пятьдесят четыре цента.

Кроме того, предстояла оплата счетов. Они лежали в другом ящике стола. Их Митч просматривать не стал. Его интересовали только активы.

Ежемесячный платеж по закладной снимался с банковского счета автоматически. Из выписки следовало, что за дом еще осталось заплатить 286 тысяч семьсот семьдесят долларов.

Недавно Холли прикидывала, что их дом стоит 425 тысяч. Безумная цена за маленькое бунгало в старом районе, но реальная. Многие хотели здесь жить, и немалая часть этой суммы приходилась на большой участок.

То есть, с учетом десяти тысяч на счету, в его распоряжении было порядка 150 тысяч долларов, гораздо меньше требуемых двух миллионов, а похититель, с которым он говорил, судя по голосу, не собирался торговаться.

Да и потом, продать дом, даже если бы нашелся покупатель, который прямо сегодня выложит деньги, ему бы не удалось. Дом принадлежал им обоим, поэтому он не мог обойтись без подписи Холли под договором купли-продажи.

У них не было бы дома, если бы Холли не унаследовала его от своей бабушки, Дороти, которая воспитала ее. На момент смерти Дороти сумма, которую оставалось выплатить за дом, была меньше, но с учетом налогов на наследство им пришлось взять больший кредит.

Итого он располагал десятью с небольшим тысячами долларов.

До этого момента Митч не полагал себя неудачником. Видел себя молодым мужчиной, который ответственно строит свою жизнь.

Ему было двадцать семь лет. Нельзя быть неудачником в двадцать семь лет.

И, однако, теперь сомневаться в этом не приходилось: хотя Холли составляла сердцевину его жизни и цены не имела, цену эту ему назначили, а заплатить он не мог.

Его переполняла горечь, но кого он мог винить, кроме себя? А толку в этом не было. От признания собственной вины один шаг до жалости к себе, а жалость эта ни к чему хорошему привести не могла. У него опустились бы руки, и Холли ждала смерть, потому что рассчитывать она могла только на него.

Даже если бы они уже выплатили кредит за дом, даже если бы на их банковском счету лежали полмиллиона долларов, то есть они добились бы невероятных успехов для молодой супружеской пары их возраста, этих денег не хватило бы, чтобы выкупить ее у похитителей.

И вот тут ему открылась истина: деньги спасти Холли не могли. Спасти ее мог только он, если еще оставалась такая возможность: его выдержка, его находчивость, храбрость, любовь.

Возвращая чековую книжку и выписку с банковского счета в ящик стола, Митч увидел конверт со своим именем, написанным почерком Холли, на лицевой стороне. В конверте лежала открытка с днем рождения, которую она купила за несколько недель до этого знаменательного события.

Фотография на открытке изображала морщинистого старика. Митч прочитал подпись: *«Даже в старости ты будешь мне нужен, дорогой».*

Митч раскрыл открытку и прочитал: *«К тому времени мне останется наслаждаться только выращиванием овощей, а ты готовишь прекрасный компот».*

Он рассмеялся. Представил себе, как рассмеялась Холли, когда в магазине раскрыла открытку и прочитала последнюю фразу.

Но смех внезапно перешел в слезы. За последние пять ужасных часов он не раз и не два мог расплакаться, но сдерживал себя. А вот открытка его добила.

Под отпечатанным текстом она написала: «*С днем рождения! Люблю, Холли*». Своим уверенным, аккуратным почерком.

Он буквально увидел ее кисть с зажатой в пальцах ручкой. Кисти ее выглядели такими миниатюрными, но обладали удивительной силой.

И вот, вспоминая силу ее миниатюрных рук, Митч перестал плакать, собрал волю в кулак.

Прошел на кухню, нашел ключи от автомобиля Холли. Они висели на гвоздике у двери черного хода. Ездила Холли на четырехлетней «Хонде».

Сняв мобильник с зарядного устройства, стоящего рядом с тостером, Митч вышел из дома и отогнал пикап к гаражу.

Открыл ворота. Белая «Хонда» сверкала: Холли мыла ее в воскресенье, во второй половине дня. Митч загнал пикап в гараж.

Вышел из машины и захлопнул водительскую дверцу, постоял между автомобилями, оглядывая гараж. Если кто-то здесь и был, то они наверняка услышали шум приближающегося пикапа и сбежали.

Если в гараже и пахло моторным маслом, то чуть-чуть. Потому что господствовали запахи земли и травы, идущие из кузова пикапа.

Митч посмотрел на низкий потолок, который служил полом второму этажу, занимавшему две трети первого. Те окна второго этажа смотрели на дом и могли послужить отличным наблюдательным пунктом.

Кто-то ведь знал, что Митч приехал домой раньше обычного, знал, когда он вошел на кухню. Телефон зазвонил через несколько секунд после того, как он увидел разбитую посуду и кровь.

Хотя наблюдатель мог тогда находиться в гараже, он мог и сейчас быть здесь, Холли рядом с ним не было. Он мог знать, где держат Холли, а мог и не знать.

Если наблюдатель, чье существование пока оставалось гипотетическим, и мог сказать, где найти Холли, Митчу тем не менее не следовало его искать. Эти люди поднаторели в насилии и не знали жалости. Что мог им противопоставить садовник?

Над головой скрипнула доска. Конечно же, гараж мог скрипнуть сам по себе, под действием силы тяжести.

Митч подошел к водительской дверце «Хонды», открыл ее. После короткой заминки сел за руль, оставив дверцу открытой.

Завел двигатель. Ворота тоже оставались открытыми, так что отравиться окисью азота он не мог.

Митч вышел из машины и захлопнул дверцу. Тот, кто находился наверху, если находился, наверняка бы решил, что дверцу захлопнули изнутри. Мог бы предположить, что Митч, перед тем как уехать, решил кому-то позвонить.

На стене висели садовые инструменты, которыми Митч работал на своем участке. В том числе разнообразные секаторы и ножницы. Но на оружие они определенно не тянули.

В итоге Митч остановил свой выбор на крепкой стальной лопатке с обтянутой резиной рукояткой.

Лезвие было широким и не столь острым, как у ножа, но достаточно острым.

Митч, однако, быстро понял, что противника, если он окажется наверху, надо бы не убить, а вывести из строя, скажем, оглушить. И даже если он и мог нанести человеку колющий удар, лопатка в сложившейся ситуации ему не годилась.

На противоположной стене висели другие инструменты. Митч выбрал газовый ключ с удлиненной ручкой.

Глава 12

Митч понимал, что на него нашло безумие, вызванное отчаянием. Бездействие стало невыносимым.

С удлиненным газовым ключом в правой руке он двинулся в глубь гаража, где в углу находилась крутая лестница, уходящая на второй этаж.

Продолжая реагировать, вместо того чтобы действовать самому, терпеливо ожидая шестичасового звонка (ждать оставалось один час и семь минут), он бы вел себя, как машина, чего и добивались похитители. Но даже «Феррари» иной раз заканчивали свой путь на свалке.

Почему Джейсон Остин украл собаку и почему именно его застрелили похитители, чтобы показать Митчу серьезность своих намерений, оставалось для него загадкой.

Интуиция, правда, подсказывала: похитители знали, что он знаком с Джейсоном, и это знакомство заставит полицию более пристально взглянуть на него. Они плели паутину косвенных улик, с тем чтобы свалить убийство Холли на Митча. И как знать, на суде, исходя из этих улик, присяжные могли признать его виновным и потребовать смертной казни.

А может, они проделывали все это лишь для того, чтобы он не смог обратиться за помощью к властям. Одиночку контролировать куда как проще.

Возможно, они и собирались возвращать ему жену в обмен на выкуп, если бы ему и удалось добыть два миллиона долларов только им ведомым способом. Если бы они смогли использовать его для ограбления банка или какого-то другого финансового учреждения, если бы они убили Холли после того, как получают деньги, и если бы им хватило ума не засветиться и не оставить следов, тогда Митчу (и, возможно, еще какому-нибудь козлу отпущения, пока ему незнакомому) пришлось бы держать ответ за оба преступления.

Одиноким, горюющим, презираемым, брошенный в тюрьму, он так бы и не узнал, кто был его врагами. И ему оставалось бы лишь гадать, почему они выбрали его, а не какого-либо другого садовника, плотника или каменщика.

Хотя отчаяние, которое гнало его вверх по лестнице, и заглушило страх, но тем не менее не лишило Митча здравого смысла. Он не взбежал по ступенькам, а поднимался медленно и осторожно, держа газовый ключ, как дубинку.

Деревянные ступеньки наверняка поскрипывали, но монотонный гул двигателя «Хонды», работавшего на холостых оборотах, заглушал эти звуки. Второй этаж со стороны лестницы стены не имел. Ее заменяло ограждение, которое тянулось во всю ширину гаража.

Свет, падавший из окон во всех трех стенах, освещал картонные коробки и другие вещи, которые хранились над гаражом по той простой причине, что в бунгало места им не хватило.

Коробки стояли рядами, где-то высотой в четыре фута, где-то – в семь. В проходах между ними царил сумрак. В дальнем конце все ряды заканчивались в футе-другом от стены, то есть подход к каждому проходу обеспечивался с обеих сторон.

Поднявшись по лестнице, Митч оказался напротив первого из проходов. Пара окон в северной стене давала достаточно света. Если бы между стеной и первым рядом коробок находился человек, Митч его бы увидел.

Второй проход оказался темнее первого, хотя дальний его конец освещался невидимыми окнами в западной стене, которые смотрели на дом. И свет этот очертил бы силуэт человека, если бы тот стоял в проходе.

Поскольку коробки были разных размеров, да и ставили их друг на друга не так чтобы аккуратно, в каждом проходе хватало ниш, где мог спрятаться даже взрослый мужчина.

Поднялся Митч очень тихо. Внизу двигатель «Хонды» работал еще не так долго, чтобы вызвать подозрения. Поэтому человек, находящийся на втором этаже, мог насторожиться, но, скорее всего, еще не осознал, что ему пора прятаться.

Третий проход заливал свет: окно находилось практически напротив него. Митч проверил четвертый проход, пятый и, наконец, шестой, который располагался у южной стены и освещался двумя запыленными окнами. Никого не обнаружил.

Необследованным оставался только один проход, у западной стены, в который

упирались все остальные проходы, вернее, его части, скрывающиеся за рядами коробок.

Подняв газовый ключ еще выше, Митч двинулся вдоль южной стены. Добравшись до поперечного прохода у западной стены, увидел, что он пуст.

На полу, однако, стояли технические устройства, которые он туда не ставил.

Более чем половину коробок на втором этаже занимали вещи, оставшиеся от Дороти. Главным образом керамические фигурки, которыми она украшала дом и участок по всем большим праздникам.

На Рождество она доставала из коробок пятьдесят или шестьдесят снеговиков самых разных размеров. К ним добавлялась добрая сотня Санта-Клаусов. Плюс керамические олени, ели, сани, колокольчики, фигурки детей и домики, которых хватало на целую деревню.

В бунгало для всей этой керамической коллекции Дороти места не было. Она доставала нужные фигурки на соответствующий праздник, а потом вновь убирала их в коробки.

Холли не захотела продать керамику. Так же, как и ее бабушка, она украшала дом к каждому празднику, а потом убирала фигурки обратно. Когда-нибудь, говорила Холли, они купят дом побольше и тогда смогут показать коллекцию бабушки во всей красе.

А пока в сотнях коробок лежали влюбленные, которые видели свет в День Валентина, пасхальные фигурки барашков, кроликов, святых, патриоты для Дня независимости, хеллоуинские призрак и черные коты, первые поселенцы для Дня благодарения и рождественские легионы.

Но на полу последнего прохода Митч увидел совсем не керамические фигурки. Там стояло электронное оборудование. Он опознал приемник и передатчик, но не смог определить предназначение еще трех устройств.

Все они были подключены к удлинителю на шесть или восемь розеток, от которого тянулся провод к ближайшей розетке в стене. Горящие индикаторные лампочки и подсвеченные дисплеи показывали, что все оборудование включено.

Оно и обеспечивало наблюдение за домом. Вероятно, комнаты и телефоны прослушивались.

Уверенный в том, что никто не мог заметить, как он поднялся на второй этаж и никого там не обнаружил, Митч решил, что оборудование работает в автоматическом режиме. Возможно, и управляется дистанционно.

Но в этот самый момент замигали индикаторные лампочки, а на одном из дисплеев замелькали числа: начался непонятный Митчу отсчет.

И тут же на мерное гудение двигателя «Хонды» наложился голос детектива Таггарта: *«Нравятся мне эти старые кварталы. Именно так выглядела Калифорния в ее лучшие годы».*

То есть прослушивались не только комнаты, но и переднее крыльцо.

Митч понял, что его перехитрили, за мгновение до того, как ствол уперся ему в затылок.

Глава 13

Митч вздрогнул, но не попытался ни повернуться к стрелку, ни отмахнуться газовым ключом. Знал, что толку не будет.

За последние пять часов он остро прочувствовал все свои недостатки, что следовало рассматривать как достижение, поскольку он привык верить, что недостатков у него нет.

Он мог быть архитектором собственной жизни, но уже осознал, что более не является хозяином своей судьбы.

«...до того, как вырубili апельсиновые рощи и понастроили море домов».

За спиной раздалось:

– Брось газовый ключ. Не наклоняйся, чтобы положить на пол. Просто брось.

У похитителя, с которым Митч разговаривал по телефону, был другой голос. Этот звучал моложе и произносил слова иначе, монотонно, с короткими паузами между каждым

предложением.

Митч выпустил дубинку из руки.

«...удобнее. Но вот случайно заехал в вашу округу».

Незнакомец выключил запись, воспользовавшись, судя по всему, пультом дистанционного управления.

– Ты, должно быть, хочешь, чтобы ее изрезали на куски и оставили умирать, как он и обещал.

– Нет.

– Может, мы допустили ошибку, выбрав тебя. Может, ты мечтаешь избавиться от нее.

– Не говорите так.

Но незнакомец продолжил:

– Большая страховка. Другая женщина. У тебя могут быть причины.

– Ничего такого нет и в помине.

– Может, ты с большей охотой поработал бы на нас, если бы мы пообещали убить ее.

– Нет. Я ее люблю. Очень люблю.

– Еще один такой же фортель, и она мертва.

– Я понимаю.

– Пошли обратно, тем же путем, каким ты сюда пришел.

Митч повернулся, повернулся и незнакомец, оставаясь у него за спиной.

Двинувшись по проходу, к первому из окон в южной стене, Митч услышал, как газовый ключ с удлиненной ручкой царапнул по дереву, когда незнакомец наклонился, чтобы поднять его с пола.

Наверное, он мог бы развернуться, ударить ногой, свалить с ног незнакомца, когда тот распрямлялся. Но он подозревал, что не сумел бы застать своего противника врасплох.

Пока он воспринимал этих безымянных людей как профессиональных преступников. Все так, но они были и кем-то еще, много хуже. Но он не мог сказать, кем именно.

Преступники, похитители, убийцы. Он не мог представить себе, что могло быть хуже, но точно знал: они хуже.

Незнакомец, который шел по проходу следом, приказал:

– Сядешь в «Хонду». Поедешь покататься.

– Хорошо.

– Иждидайся звонка в шесть часов.

– Хорошо. Буду ждать.

Когда они приближались к концу прохода, где требовалось повернуть налево и пересечь гараж, чтобы добраться до лестницы, случилось невероятное. Незнакомец, похоже, зацепился ногой за петлю на конце веревки, которая торчала из какой-то нижней коробки.

Митч не видел причины случившегося, только следствие. Башня из картонных коробок рухнула. Некоторые упали в проход, другие – на незнакомца.

Судя по надписям на коробках, в них лежали керамические фигурки, которые доставали на Хеллоун. Коробки не были тяжелыми, но их лавина пусть и не сбила незнакомца с ног, но бросила его вперед.

Митч увернулся от одной коробки и поднял руки, чтобы смягчить удар другой.

Падение одной башни тут же спровоцировало падение соседней.

Митч едва не потянулся к незнакомцу, чтобы остановить его. Потом сообразил, что попытка приблизиться может быть истолкована как нападение. Чтобы избежать неправильного толкования своих действий и не получить пулю в грудь или живот, Митч отошел в сторону, освобождая незнакомцу путь.

Старое сухое дерево ограждения могло удержать человека, если бы тот осторожно облокотился на поручень. Но ограждение не выдержало удара. Завизжали вырывающиеся из дерева гвозди. Часть поручня и две или три стойки подались вперед под напором незнакомца.

Он свалился вниз, на пол гаража. Высота была небольшой, каких-то восемь футов, но приземлился он со страшным грохотом, заглушив треск ломающегося дерева. И тут же

прогремел выстрел.

Глава 14

Падение первой коробки отделили от выстрела какие-то секунды. Митч остолбенел, не веря своим глазам.

Из ступора его вывела тишина. Тишина внизу.

Он поспешил к лестнице, слетел по ступенькам, пробежал мимо пикапа, мимо «Хонды», двигатель которой продолжал работать. Радостное возбуждение боролось в нем с отчаянием. Он не знал, что найдет, а потому не мог решить, какие должен испытывать чувства.

Незнакомец лежал лицом вниз, его голову и плечи накрыла перевернувшаяся тачка. Должно быть, при падении он зацепил ее край, она перевернулась и упала на него.

Одно лишь падение с восьми футов не могло полностью его обездвижить.

Тяжело дыша, и не потому, что сильно устал, Митч поставил тачку на колесо, откатил в сторону. С каждым вдохом в нос бил запах моторного масла, земли и травы, но, присев рядом с незнакомцем, он ощутил горький, резкий запах сгоревшего пороха и сладкий – крови.

Перевернул тело и впервые увидел лицо. Незнакомцу было лет двадцать пять. Чистая кожа, темно-зеленые глаза, густые ресницы. Не выглядел он человеком, который мог столь бесстрастно говорить о расчленении и убийстве женщины.

Он приземлился горлом на закругленный край металлического кузова тачки. Этот удар разорвал гортань и перекрыл трахею.

Правую руку он сломал, правая кисть оказалась под телом, на спусковой крючок он нажал рефлекторно. Указательный палец так и остался внутри предохранительной скобы. Пуля вошла в грудную клетку под ребрами. Минимальное кровотечение говорило о том, что попала она аккуратно в сердце, вызвав мгновенную смерть.

Если бы пуля не убила его мгновенно, причиной смерти, и тоже быстрой, стал бы разрыв дыхательных путей.

О такой удаче можно было только мечтать. Что бы это ни было, удача или что-то лучшее, удача или что-то худшее, Митч поначалу не знал, как воспринимать случившееся, хорошо это для него или плохо.

Врагов, конечно, стало меньше. С одной стороны, его это радовало, с другой, он сразу понял, что эта смерть только осложняет ситуацию.

Когда незнакомец не свяжется со своими сообщниками в установленное время, они позвонят ему. Если он не ответит, приедут, чтобы узнать, что с ним. Найдя мертвым, предположат, что его убил Митч, и тут же начнут рубить Холли пальцы и прижигать раны огнем, чтобы не допустить заражения крови.

Митч поспешил к «Хонде» и заглушил двигатель. С помощью пульта дистанционного управления закрыл ворота гаража.

Зажег свет, чтобы разогнать сгущающийся сумрак.

Он полагал, что единственный выстрел не услышали. А если и услышали, то приняли за что-то еще.

В этот час взрослые еще находились на работе. Некоторые дети уже могли вернуться из школы, но они наверняка слушали компакт-диски или с головой ушли в компьютерные игры, так что на приглушенный выстрел наверняка бы не отреагировали.

Митч вернулся к телу, постоял, глядя на него. Знал, что нужно делать, но не мог заставить себя сдвинуться с места.

Он прожил почти двадцать восемь лет, не сталкиваясь со смертью. А тут за один день в непосредственной близости от него погибли два человека.

В голове роились мысли и о собственной смерти. Он попытался их подавить, но поначалу ничего не вышло. Сердце стучало как бешеное, в ушах шумело.

Ему очень не хотелось обыскивать труп, но он прекрасно понимал, что без этого не

обойтись, и опустился рядом с убитым на колени.

Из руки, еще теплой, словно незнакомец не умер, а лишь изображал труп, Митч взял пистолет. Положил в тачку.

Если бы правая штанина не задралась при падении мужчины, Митч не увидел бы короткоствольного револьвера, закрепленного на ноге в лодыжечной кобуре.

Положив револьвер рядом с пистолетом, Митч взглянул на пустую кобуру и после короткого раздумья присоединил кобуру к оружию.

Обыскал карманы пиджака. Потом брюк.

Нашел ключи: один – от автомобиля, три – неизвестно от чего, хотел вернуть их обратно в карман, но потом отправил в тачку.

Нашел бумажник и мобильник. В первом могли быть документы, устанавливающие личность убитого, второй мог быть запрограммирован на быстрый набор номеров его сообщников.

Если бы телефон зазвонил, Митч не решился бы ответить. Даже если бы он и сумел симитировать голос убитого, то наверняка на чем-нибудь прокололся.

Он выключил телефон. У сообщников убитого возникли бы подозрения, когда им ответили бы, что телефон абонента выключен или находится вне зоны доступа, но они не стали бы действовать, исходя исключительно из подозрений.

Сдержав любопытство, Митч положил бумажник и мобильник в тачку. Предстояло заняться более важными делами.

Глава 15

Из кузова пикапа Митч достал брезентовое полотнище, которым пользовался, когда подрезал розы. Шипы не могли проткнуть брезент с той же легкостью, что и пленку.

Поскольку кто-то из похитителей мог приехать сюда, встревоженный тем, что убитый не отвечает на телефонные звонки, Митч понимал, что оставлять здесь труп нельзя.

От мысли, что придется ездить по городу с трупом в багажнике, начало жечь желудок. Митч сказал себе, что нужно купить таблетки, понижающие кислотность.

Брезент от частого использования стал мягким. Водонепроницаемым он, конечно, не был, но какое-то время жидкость держать мог.

Поскольку сердце незнакомца перестало биться практически мгновенно, крови из раны вытекло совсем немного. И кровавые пятна Митча не волновали.

Но он не знал, как долго тело будет лежать в багажнике. Несколько часов, сутки, двое? Рано или поздно другие жидкости, не кровь, просочатся сквозь брезент.

Он расстелил полотнище на полу, закатил на него труп. Митча едва не вырвало при виде того, как мотаются руки мертвеца, его голова.

Опасность, которая грозила Холли, требовала, чтобы он делал все необходимое для ее спасения, не обращая внимания на свои ощущения. Митч закрыл глаза, несколько раз глубоко вдохнул. Полностью подавил рвотный рефлекс.

Мотающаяся голова предполагала, что незнакомец при падении еще сломал и шею. То есть убил себя трижды: сломал шею, разорвал трахею и выстрелил в сердце.

Такое не следовало расценивать как удачу. Смерть другого человека – никак не улыбка судьбы. И о везении, пожалуй, речь не шла.

Экстраординарно – да. Экстраординарный несчастный случай. И странный. Но происшедший так вовремя.

Однако Митч еще не мог сказать, что этот инцидент пойдет ему на пользу. Наоборот, мог сильно навредить.

Перекатив труп на брезент, он не стал просовывать веревку в петли, чтобы потом затянуть ее. Время шло, и он боялся, что ему помешают привести все в порядок.

Поэтому просто закатал труп в брезент и подтащил к заднему бамперу «Хонды». Когда открывал багажник, его обуял ужас: в голову пришла абсурдная мысль, что в багажнике уже

лежит один труп, но, разумеется, там было пусто.

Ему никогда не снились кошмары, воображение не подбрасывало ему страшных «картинок». Вот Митч и задался вопросом: а может, мысль о втором трупе – предчувствие того, что в ближайшем будущем ему предстоит столкнуться с новыми мертвецами?

Загрузить труп в багажник оказалось работой не из легких. Незнакомец весил меньше Митча, но это был мертвый вес.

Если бы природа обделила Митча силой, если бы, в силу специфики своей работы, он не поддерживал хорошую физическую форму, труп мог взять над ним верх. К тому времени, когда Митч захлопнул дверцу багажника и запер ее на ключ, пот струился по нему рекой.

Тщательное обследование показало, что ни на тачке, ни на полу крови нет.

Он поднял с пола выбитые стойки и кусок поручня, вынес из гаража и спрятал в куче обрезков досок, которыми зимой топил камин в гостиной.

Вернувшись в гараж, поднялся по лестнице на второй этаж, подошел к судьбоносному месту в проходе у южной стены. И наконец-то понял, что произошло.

Клапаны большинства коробок заклеивали липкой лентой, но некоторые завязывали веревкой. И головка газового ключа попала в петлю одного из веревочных узлов.

Незнакомец дернул газовый ключ, когда он зацепился за петлю. В результате нижняя коробка сдвинулась с места, а остальные, потеряв устойчивость, посыпались вниз.

Большую часть коробок Митч поставил на прежние места. А другими загородил брешь в ограждении.

Заявившись в гараж и увидев эту самую брешь, друзья покойника могли истолковать ее как свидетельство борьбы.

Конечно, брешь они могли увидеть и снизу, но только из юго-восточного угла. А лестница находилась в северо-восточном, поэтому Митч рассчитывал, что снизу брешь они не увидят, сразу направившись к лестнице.

Хотя Митч мог бы сравить часть распирающей его злости, разбив газовым ключом подслушивающее электронное оборудование, которое стояло в проходе у западной стены, делать этого он не стал.

Когда поднял газовый ключ, вдруг решил, что он стал тяжелее, чем был раньше.

В застывшем воздухе гаража почувствовал какой-то подвох. Ему показалось, что за ним наблюдают, над ним смеются.

Неподалеку терпеливо ждали добычу раскинувшие сети пауки. И пара-тройка толстых весенних мух жужжала в непосредственной близости от шелковых ловушек.

Но наблюдало за ним нечто куда более страшное, чем мухи или пауки. Митч огляделся, никого и ничего не обнаружил.

Что-то пряталось от него, пряталось не в тених, пряталось не в проходах между коробками, нет, пряталось у него на виду. Он видел, но был слеп. Он слышал, но был глух.

Однако ощущение, что он не один, нарастало, сдавливало горло, грудь. А потом резко пропало.

Митч отнес газовый ключ вниз, вернул на прежнее место на стене.

Достал из тачки мобильник, бумажник, пистолет и револьвер, кобуру. Положил все это на переднее пассажирское сиденье «Хонды».

Выехал из гаража, припарковался за домом и быстренько сходил за пиджаком. Он был во фланелевой рубашке, ночь не могла быть такой холодной, чтобы пришлось надевать пиджак, поэтому требовался он Митчу для другого.

Выйдя у дома, он ожидал увидеть Таггарта, стоящего у «Хонды». Но обошлось, детектив не появился.

Вновь сев за руль, Митч положил пиджак на переднее пассажирское сиденье, укрыв им вещи покойника.

Часы на приборном щитке показывали то же время, что и наручные, – 5.11.

Митч выехал на улицу и повернул направо с трижды убитым мужчиной в багажнике и еще большими ужасами, которые роились у него в голове.

Глава 16

В двух кварталах от дома Митч припарковался у тротуара. Двигатель не выключил, сидел с закрытыми окнами и запертыми дверцами.

Не мог припомнить случая, чтобы прежде он запирали все дверцы, сидя в машине.

Он посмотрел в зеркало заднего обзора в полной уверенности, что замок багажника открылся, крышка поднялась и любой желающий может увидеть завернутый в брезент труп. Но, разумеется, крышка оставалась закрытой.

В бумажнике покойника лежали кредитные карточки и водительское удостоверение на имя Джона Нокса, выданное в штате Калифорния. С фотографии молодой человек, который приставлял к его затылку пистолет, улыбался, словно идол фанатов рок-музыки.

В бумажнике лежали пятьсот восемьдесят пять долларов, в том числе пять сотенных. Митч пересчитал деньги, не доставая их из отделения для наличных.

Содержимое бумажника ничего не говорило ни о профессии его владельца, ни о его личных интересах, ни о круге общения. Ни визитки, ни карточки библиотеки, ни карточки медицинской страховки. Никаких фотографий близких людей. Ни записок, ни карточки социального страхования, ни квитанций.

Согласно водительскому удостоверению, жил Нокс в Лагуна-Бей. Наверное, обыск его дома мог бы привести к каким-то интересным открытиям.

Митчу требовалось время, чтобы оценить риск визита в дом Нокса. Кроме того, ему требовалось заехать в одно место до шестичасового телефонного звонка.

Он убрал бумажник, мобильник покойного и ключи в бардачок. Револьвер и кобуру, закрепляемую на лодыжке, сунул под водительское сиденье.

Пистолет остался на пассажирском сиденье, скрытый пиджаком спортивного покроя.

По лабиринту улиц, застроенных жилыми домами, где никогда не наблюдалось интенсивного движения, проигнорировав ограничения скорости и даже несколько знаков «Стоп», Митч добрался до дома родителей в восточной части Оранджа в 5.35. Остановился на подъездной дорожке, вышел из машины, запер дверцу.

Красивый дом стоял на второй гряде холмов, третья возвышалась за ним. Улица с двумя полосами движения полого уходила вниз, к равнине. Вроде бы следом за ним никто не ехал.

С востока дул легкий ветерок. Высокие эвкалипты шептались друг с другом тысячами серебряно-зеленых листочков.

Снизу вверх Митч смотрел на единственное окно учебной комнаты. В восемь лет он провел в этой комнате двадцать дней при закрытых ставнях.

Ограничение информации, поступающей в мозг посредством органов чувств, помогает сосредоточиться, улучшает мыслительные процессы. Вот какое теоретическое обоснование подводилось под темную, тихую, пустую учебную комнату.

На звонок дверь открыл Дэниэль, отец Митча. В шестьдесят один год он оставался потрясающе красивым мужчиной. Волосы его были такими же густыми, что и в молодости, пусть и поседали.

Лицом он не уступал любому красавцу-киноактеру, а вот зубы казались слишком маленькими. Это были его зубы, все до единого. Он сохранил их благодаря каждодневному уходу. Отбеленные лазером, они сверкали, но, слишком маленькие, напоминали зерна белой кукурузы в початке.

На его лице отразилось неподдельное удивление.

– Митч. Кэтрин не говорила, что ты звонил.

Речь шла о матери Митча.

– Я не звонил, – признал Митч. – Понадеялся, что никому не помешаю, если наведаюсь без звонка.

– Практически всегда я чем-то занят, и тебе бы не повезло. Но как раз сегодня я свободен.

- Хорошо.
- Хотя я намеревался посвятить несколько часов чтению.
- Я ненадолго, – заверил его Митч.

Дети Дэниэля и Кэтрин Рафферти, уже взрослые, уважали право родителей на личную жизнь и понимали, что свой приезд нужно заранее с ними согласовать.

В холле, стоя на белом мраморном полу, Митч, поворачивая голову вправо-влево, смотрел на бесконечное число отражений Митча в двух огромных зеркалах, забранных в рамы из нержавеющей стали.

- Кэти дома? – спросил он.
- У девочек выездной вечер, – ответил отец. – Она, Донна Уотсон и эта ужасная Робинсон пошли то ли в театр, то ли в кино.

– Я надеялся увидеться с ней.

– Они придут поздно. – Отец закрыл входную дверь. – Всегда приходят поздно. Болтают целый вечер. А потом стоят на подъездной дорожке и продолжают болтать. Ты знаешь эту Робинсон?

- Нет. Впервые слышу о ней от тебя.
- Она так раздражает. Не понимаю, почему Кэтрин нравится ее компания. Она – математик.
- Я не знал, что математики раздражают тебя.
- Эта раздражает.

Родители Митча защитили докторские диссертации по психологии, оба были профессорами Калифорнийского университета, поэтому круг их общения состоял главным образом из гуманитариев. И появление в этом круге математика могло раздражать, как раздражает попавший в туфлю камешек.

- Я только что смешал себе виски с содовой, – продолжил отец. – Налить тебе что-нибудь?
- Нет, благодарю, сэр.
- Я уже стал для тебя сэром?
- Извини, Дэниэль.
- Биологическое родство...
- ...не должно даровать социальный статус, – закончил Митч.

От всех пятерых детей Рафферти ожидалось, что по достижении тринадцати лет они перестанут называть родителей «мама» и «папа» и перейдут на имена. Кэтрин, мать Митча, предпочитала, чтобы ее называли Кэти, а вот отец не желал, чтобы Дэниэль превращался в Дэнни.

Будучи молодым человеком, доктор Дэниэль Рафферти имел четкое представление о том, как должно воспитывать детей. Кэти такого представления не имела, вот почему ее заинтересовали нетрадиционные методы Дэниэля, и ей хотелось знать, принесут ли они ожидаемый результат.

Какое-то время они постояли в холле, словно Дэниэль не знал, как продолжить общение с сыном, а потом сказал:

- Пойдем, посмотришь на мое последнее приобретение.

Они пересекли большую гостиную, обставленную стальными столиками со стеклянной поверхностью, серыми кожаными диванами и черными стульями. В произведениях искусства также доминировала черно-белая гамма, иногда с одним цветовым элементом: синим прямоугольником, мазком зеленого, желтой полоской.

Шаги Дэниэля Рафферти гулко отдавались от паркета из красного дерева. Митч двигался бесшумно, как призрак.

- В кабинете Дэниэль указал на стол:
- Это самый красивый кусок дерьма в моей коллекции.

Глава 17

Обстановка кабинета в полной мере соответствовала гостинной, добавлялись только подсвеченные полки, на которых размещалась коллекция полированных каменных шаров.

Последний экземпляр коллекции, размером чуть больше бейсбольного мяча, лежал на декоративной бронзовой подставке, которая стояла на столе. Алые вены с желтыми точками змеились по насыщенному медно-коричневому фону.

Непосвященный мог бы подумать, что перед ним кусок полированного гранита. На самом деле речь шла об экскрементах динозавра, которые время и давление превратили в камень.

– Минералогический анализ подтверждает, что это был хищник, – сообщил отец Митча.

– Тираннозавр?

– Размеры всей кучи предполагают, что динозавр был поменьше.

– Горгозавр?

– Если бы это нашли в Канаде, датированное поздним Юрским периодом, тогда мы могли бы говорить о горгозавре. Но кучу нашли в Колорадо.

– Поздний Юрский? – переспросил Митч.

– Да, поэтому это, скорее всего, дерьмо цератозавра.

Отец взял со стола стакан с виски и содовой, а Митч подошел к выставочным полкам.

– Несколько дней тому назад я звонил Конни.

Конни, старшая из сестер, тридцати одного года от роду, жила в Чикаго.

– Она все еще торчит в пекарне? – спросил отец.

– Да, только теперь пекарня принадлежит ей.

– Ты серьезно? Да, естественно, для нее типичный случай. Даже если она ступит одной ногой в трясину, все равно пойдет дальше.

– Она говорит, что ей нравится.

– Другого она сказать не может, независимо от того, правда это или нет.

Конни защитила диплом магистра по политологии, прежде чем прыгнула с борта корабля в океан свободного предпринимательства. Некоторых такая перемена удивила, но Митч понимал сестру.

Коллекция шаров из дерьма динозавров выросла с тех пор, как Митч видел ее в последний раз.

– Сколько их у тебя, Дэниэль?

– Семьдесят три. За последнее время мне удалось добыть четыре великолепных экспоната.

Некоторые шары не превышали двух дюймов в диаметре. А самые большие отлично смотрелись бы на дорожках для боулинга.

Преобладали оттенки коричневого, красного и золотого. В большинстве встречались вкрапления других цветов.

– В тот же вечер я говорил с Меган, – добавил Митч.

У двадцатидевятилетней Меган был самый высокий в семье Рафферти ай-кью, хотя и у остальных коэффициент интеллектуального развития значительно превышал средний уровень. Каждый из детей проходил тест три раза: в девять, тринадцать и семнадцать лет.

После второго курса Меган бросила учебу в колледже. Она жила в Атланте и руководила процветающей фирмой по уходу за собаками: владела магазином и предлагала обслуживание на дому.

– Она звонила на Пасху, спрашивала, сколько яиц мы покрасили, – отец поморщился. – Полагаю, думала, что это смешно. Кэтрин и я обрадовались тому, что она не объявила о своей беременности.

Меган вышла замуж за Кармина Маффуци, каменщика с ладонями с суповую тарелку. Дэниэль и Кэти считали, что муж сильно уступает ей в интеллектуальном развитии. Они ожидали, что она осознает допущенную ошибку и разведется с ним до того, как рождение ребенка усложнит ситуацию.

Митчу Кармин нравился. Покладистым характером, заразительным смехом и вытатуированной Птичкой Твити¹ на правом бицепсе.

– А вот этот похож на порфир. – Митч указал на пурпурно-красный шар с золотыми блестками.

Недавно он разговаривал по телефону и с младшей из сестер, Портией, но не стал упоминать об этом, чтобы избежать ссоры.

Дэниэль отошел в угол, добавил в стакан и виски, и содовой.

– Два дня тому назад Энсон приглашал нас на обед.

Энсон, тридцатитрехлетний брат Митча, самый старший из пятерых детей, виделся с Дэниэлем и Кэти чаще остальных.

Справедливости ради следует сказать, что Энсон всегда был любимчиком родителей, и возникающие у него идеи никогда не встречались ими в штыки.

С другой стороны, статус любимчика Энсон заработал тем, что всегда оправдывал ожидания Дэниэля и Кэти. В отличие от остальных детей он наглядно доказал, что методы воспитания Дэниэля могут приносить плоды.

В классе он учился лучше всех, был звездой школьной футбольной команды, но отказался от предлагаемых ему спортивных стипендий. Хотел, чтобы по достоинству оценивали не его силу, а ум.

Академический мир был курятником, а Энсон – лисой. Он поглощал знания с аппетитом изголодавшегося хищника. Степень бакалавра получил за два года, магистра – за один, в двадцать три защитил докторскую диссертацию.

Энсон не вызывал неприязни ни у брата, ни у сестер, они не испытывали к нему вражды. Наоборот, если бы они провели тайное голосование, выбирая в семье фаворита, все четверо отдали бы голоса за своего старшего брата.

Доброе сердце и врожденное обаяние позволяли Энсону радовать родителей, не уподобляясь им. Это достижение по значимости не знало равных. Конкурировать с ним могла бы разве что удачная попытка ученых девятнадцатого века, имеющих в своем распоряжении паровые машины и примитивные аккумуляторы, отправить человека на Луну.

– Энсон только что подписал контракт с правительством Китая, – сообщил Дэниэль.

На каждой из бронзовых подставок имелась наклейка, извещающая, чье именно окаменевшее дерьмо красуется на ней: бронтозавра, диплодока, брахиозавра, игуанодона, стегозавра, трицератопса или какого другого ящера.

– Он будет консультировать министра торговли...

Митч не знал, какие методы анализа окаменевших экскрементов позволяли столь точно определить тип динозавра, который их «выкакал». Возможно, надписи на наклейках появились на основе гипотез, не имевших под собой убедительного научного обоснования.

В некоторых сферах человеческого знания абсолютно точные ответы получить пока не удавалось, но Дэниэль не обращал внимания на подобные мелочи.

– ...а также министра образования.

Успехи Энсона давно уже использовались, чтобы побудить Митча подумать о более амбициозной карьере, но попытки эти результата не приносили. Он восхищался Энсоном, но не завидовал ему.

И пока Дэниэль расписывал очередное достижение Энсона, Митч взглянул на часы, с тем чтобы уйти до звонка похитителя и поговорить с ним в таком месте, где его никто не услышит. Но до назначенного срока оставалось еще восемнадцать минут.

Ему казалось, что он пробыл в родительском доме как минимум минут двадцать, а на самом деле прошло только семь.

– У тебя встреча?

Митч уловил нотку надежды в голосе отца, но несколько не вознегодовал. Он давно уже

¹ **Птичка Твити** – кенарь Твити, герой мультфильмов, придуманный Бобом Клампеттом и появившийся на экранах в 1942 г. Вместе с котом Сильвестром составлял одну из самых знаменитых пар мультипликационного мира. В 1947 г. мультфильм «Пирог Твити» получил премию «Оскар».

понял, что в отношениях с родителями нет места таким сильным и мучительным эмоциям, как негодование.

Автор тринадцати занудных книг, Дэниэль полагал себя титаном психологии, человеком несокрушимых принципов и убеждений, скалой в реке американского интеллектуализма, вокруг которой менее значимых ученых уносило в забвение.

Митч на сто пятьдесят процентов верил, что его отец никакая не скала. Куда больше ему подходило бы сравнение с летящей по воде тенью, от которой река не начинает ни бурлить, ни успокаиваться.

И негодование по отношению к столь эфемерному человеку превратило бы Митча в еще большего безумца, чем капитан Ахав с его вечным преследованием белого кита.

С самого детства Энсон убеждал Митча и сестер поменьше злиться, проявлять терпение, с юмором воспринимать подсознательную бесчеловечность отца. И теперь Дэниэль вызывал у Митча исключительно безразличие и желание побыстрее с ним расстаться.

В тот день, когда Митч ушел из дома, чтобы снять квартиру напололам с Джейсоном Остином, Энсон сказал ему: если ты сейчас не будешь злиться на отца, то со временем ты начнешь его жалеть. Тогда Митч ему не поверил и на текущий момент относился к отцу со сдержанным снисхождением.

– Да, – кивнул он, – у меня встреча. Мне пора.

Уставившись на сына со жгучим интересом, который лет двадцать тому назад поверг бы Митча в ужас, Дэниэль спросил:

– На предмет чего?

Какие бы планы в отношении Митча ни строили похитители Холли, его шансы на выживание были невелики. И он даже подумал, что, возможно, это его последний шанс повидаться с родителями.

О предмете встречи говорить Митч не мог, а потому ушел от прямого ответа:

– Я приехал поговорить с Кэти. Может, заеду завтра.

– Поговорить о чем?

Ребенок может любить мать, которая не способна на ответную любовь, но со временем он понимает, что его чувство изливается не на плодородную почву, а на камень, где ничего вырасти не может. А потом вся жизнь ребенка может определяться укоренившейся в его душе злостью и жалостью к себе.

Если мать – не монстр, если она всего лишь эмоционально не связана с детьми и поглощена собой, если она не активный мучитель, а всего лишь пассивный наблюдатель, у ребенка появляется третий вариант. Он может даровать ей помилование, не прощая, и находит в себе сострадание к ней, осознав, что ее ограниченное эмоциональное развитие не позволяет ей в полной мере наслаждаться жизнью.

При всех ее научных достижениях Кэти ничего не знала ни о потребностях детей, ни об узах материнства. Она верила в причинно-следственный принцип взаимодействий между людьми, в необходимость вознаграждать правильное поведение, но под наградами подразумевала исключительно материалистическое.

Она верила в совершенство человечества. Полагала, что детей необходимо воспитывать в жестких рамках, из которых нельзя выйти. И все для того, чтобы дети стали достойными членами общества.

Она не специализировалась на этом направлении психологии. И, соответственно, могла бы и не стать многодетной матерью, если бы не встретила мужчину, который придерживался твердых принципов в воспитании детей и создал систему для их реализации.

Поскольку Митч не мог прийти в этот мир без помощи матери, а ее беспомощность в вопросах воспитания не вызвала у него злобы, он относился к ней с нежностью, которая, однако, не тянула на любовь и даже привязанность. На большее она рассчитывать не могла, учитывая, что сентиментальность в ней отсутствовала напрочь. Эта нежность, однако, постепенно перерождалась в жалость, которую он не испытывал к отцу.

– Ничего важного, – ответил Митч. – Поговорим в другой раз.

– Я могу передать ей твои слова. – Дэниэль следом за Митчем пересекал гостиную.

– Не нужно ничего передавать. Я оказался неподалеку, вот и заехал, чтобы поздороваться.

Поскольку ранее подобного нарушения семейного этикета никогда не случилось, его слова Дэниэля не убедили.

– Что-то тебя тяготит.

«Думаю, ограничение информации, поступающей в мозг посредством органов чувств, скажем, на неделю, проведенную в учебной комнате, позволит избавиться от этих тягот», – хотелось сказать Митчу.

Но он улыбнулся и сказал другое:

– Я в порядке. И все у меня хорошо.

Но Дэниэль, который совершенно не разбирался в чаяниях человеческого сердца, обладал удивительным нюхом на финансовые проблемы.

– Если речь о деньгах, ты знаешь мою позицию.

– Я пришел не за ними, – заверил его Митч.

– Первейшая обязанность родителей, какой бы вид животных мы ни взяли, научить потомство самодостаточности. Дичь должна научиться убегать, хищник должен научиться охотиться.

Митч открыл входную дверь.

– Я – самодостаточный хищник, Дэниэль.

– Хорошо. Рад это слышать.

Он одарил Митча улыбкой, и тому показалось, что маленькие, неестественно белые зубы отца стали заметно острее с того момента, как он видел их в последний раз.

На этот раз Митч не смог заставить себя улыбнуться в ответ, даже для того чтобы окончательно развеять подозрения отца.

– Паразитизм, – продолжил Дэниэль, – не характерен ни для Homo sapiens, ни для любого вида млекопитающих.

Пожалуй, немногие дети могли услышать такую фразу от одного из своих родителей.

На крыльце Митч обернулся:

– Передай Кэти привет.

– Она будет поздно. Они всегда задерживаются, когда к ним присоединяется эта Робинсон.

– Математики, – пренебрежительно бросил Митч.

– Особенно эта.

Митч захлопнул дверь. Спустившись с крыльца и отойдя на несколько шагов, обернулся. Внимательно оглядел дом, понимая, что, возможно, уже никогда его не увидит.

Он не только жил здесь, но и учился с первого по двенадцатый класс. И большую часть своей жизни провел в этом доме, а не вне его.

Как всегда, его взгляд остановился на одном окне второго этажа, которое закрывалось ставнями изнутри. Окне учебной комнаты.

Теперь, когда дети покинули дом, для чего родители использовали эту комнату?

Дорожка огибала дом, вместо того чтобы вести прямо к улице, и когда Митч опустил глаза, то оказался лицом не к двери, а к одной из двух стеклянных панелей, которые располагались по обе стороны от нее, и увидел отца.

Дэниэль стоял перед большим зеркалом, разглядывая свое лицо. Поправил седые волосы. Протер уголки рта.

Митч понимал, что подсматривать нехорошо, но не мог отвести глаз.

Ребенком он верил, что у родителей есть секреты, и он, вызнав их, сможет освободиться. Дэниэль и Кэти, однако, знали, как хранить секреты, если они и были, всех держали на расстоянии вытянутой руки.

В холле Дэниэль большим и указательным пальцем ущипнул левую щеку, потом правую, чтобы придать им румянца.

Митч подозревал, что отец уже и забыл о его появлении в доме, благо приходил он не за деньгами.

В холле Дэниэль вертелся перед зеркалом, словно гордясь шириной плеч, узостью талии.

И как легко было представить себе, что отец, стоящий между зеркалами, не отбрасывал тысячу отражений, как Митч, потому что был не человеком, а призраком.

Глава 18

В 5.50, через четверть часа после прибытия к дому Дэниэля и Кэти, Митч уже отъехал от него. Повернул за угол, быстро миновал полтора квартала.

До наступления темноты оставались еще добрых два часа. Если бы кто-то ехал следом, он бы без труда смог заметить «хвост».

Митч свернул на пустую автостоянку у церкви.

Красный кирпичный фасад с многоцветными витражами поднимался к шпилью, который вворачивался в небо и отбрасывал густую тень на асфальт автомобильной стоянки.

Опасения отца были беспочвенными. Митч не собирался просить денег.

Его родители были людьми обеспеченными. Они могли легко расстаться с сотней тысяч долларов. Эта сумма нисколько не отразилась бы на их благосостоянии. Однако, даже попросив у них двести тысяч, Митч добыл бы лишь десятую часть затребованного с него выкупа.

Но он никогда не обратился бы к ним с такой просьбой, зная, что они откажут, исходя исключительно из своих теорий, определяющих отношения детей и родителей.

Опять же, он уже начал подозревать, что похитителям требуется нечто большее, чем деньги. Пока он понятия не имел, что им нужно, помимо наличных, но похищение жены садовника, который не зарабатывал в год и ста тысяч, не имело никакого смысла, если только они не хотели получить что-то особенное, и единственным источником был только он.

Ранее он исходил из того, что похитители задумали ограбление и хотят использовать его в качестве робота с дистанционным управлением. Этот сценарий Митч по-прежнему не отбрасывал, но уже предполагал, что возможно и иное развитие событий.

Из-под водительского сиденья он достал револьвер с укороченным стволом и лодыжечную кобуру.

Внимательно оглядел оружие. Судя по всему, предохранителя не было.

Откинув барабан, Митч обнаружил, что патронов пять. Это его удивило, он ожидал насчитать шесть.

Все знания об оружии он почерпнул из книг и фильмов.

Несмотря на все разговоры Дэниэля о том, что первейшая обязанность родителей – научить детей самодостаточности, он не смог подготовить Митча к встрече с такими, как Джон Нокс.

«Дичь должна научиться убегать, хищник должен научиться охотиться».

Родители воспитали его дичью. Но теперь, когда Холли попала в руки убийц, бежать Митчу было некуда. Он бы скорее умер, чем спрятался, оставив ее им на растерзание.

Застежка-липучка позволила закрепить кобуру повыше лодыжки. Из-под штанины она не высовывалась. Он не любил расклешенные джинсы, но эта пара отлично скрыла компактный револьвер.

Он надел пиджак. Прежде чем выйти из машины, намеревался засунуть пистолет за пояс, на пояснице, чтобы не виднелся из-под пиджака.

Пистолет он осмотрел так же внимательно, как револьвер. И вновь не обнаружил предохранителя.

После нескольких неудачных попыток вытащил обойму. Насчитал восемь патронов, оттянув затвор, увидел девятый.

Вставив обойму в рукоятку и услышав щелчок, указывающий, что она заняла

положенное место, Митч положил пистолет на пассажирское сиденье.

Зазвонил мобильник. Часы на приборном щитке показывали 5.59.

– Тебе понравился визит к папе и маме? – спросил похититель.

Слежки он не заметил, и тем не менее они знали, где он был.

– Я им ничего не сказал, – без запинки ответил он.

– А зачем заезжал? За пирожными или молоком?

– Если вы думаете, что я могу получить у них деньги, то вы ошибаетесь. Они не столь богаты.

– Мы знаем, Митч. Мы знаем.

– Дайте мне поговорить с Холли.

– Не в этот раз.

– Дайте мне поговорить с Холли.

– Расслабься. С ней все в порядке. В следующий раз ты с ней поговоришь. Это та самая церковь, в которую ходили ты и твои родители?

На стоянке других автомобилей не было, ни один не проезжал мимо. На другой стороне улицы автомобили стояли только на подъездных дорожках, ни одного – у тротуара.

– Вы ходили в эту церковь? – переспросил похититель.

– Нет.

И хотя Митч сидел в закрытой машине с запертыми дверцами, ощущал он себя мышью в открытом поле, на которую внезапно упала тень ястреба.

– Ты был алтарным служкой, Митч?

– Нет.

– Это правда?

– Вы, похоже, знаете обо мне все. И вам известно, что это правда.

– Для человека, который никогда не был алтарным служкой, Митч, ты очень уж похож на алтарного служку.

Он не ответил, полагая, что ответа не требуется, но, поскольку похититель держал паузу, сказал:

– Я не понимаю, о чем вы.

– Во всяком случае, не о том, что ты набожный. И не о том, что ты всегда говоришь правду. В разговоре с лейтенантом Таггартом ты показал себя изворотливым лжецом.

В двух предыдущих разговорах похититель говорил только по делу, как и положено профессионалу до мозга костей. А тут вдруг болтовня ни о чем. Не вязалось все это с тем обликом, который сложился у Митча.

Но, с другой стороны, собеседник называл себя манипулятором. И прямо сказал, что Митч для него – марионетка, которой он будет управлять.

Поэтому пустопорожняя болтовня, несомненно, преследовала какую-то цель, пусть она и ускользала от Митча. Похититель определенно хотел сбить его с толку, чтобы потом добиться нужного ему результата.

– Митч, ты уж не обижайся, но ты наивен, словно алтарный служка.

– Раз вы так говорите, будем считать, что так оно и есть.

– Говорю. Я так говорю.

Возможно, похититель хотел разозлить его, потому что злость путала мысли, а может, этим похититель выражал сомнения в его способности справиться с тем делом, которое ему собирались поручить, только покорностью и послушанием многого не добьешься.

Но Митчелл уже признал собственную беспомощность в сложившейся ситуации. И они не могли унижить его еще больше. Он и так полагал себя абсолютной никчемностью.

– Твои глаза широко открыты, Митч, но ты ничего не видишь.

Эта фраза расстроила его куда сильнее, чем все остальное, сказанное похитителем. Менее часа тому назад, на втором этаже гаража, ему в голову пришла та же самая мысль, которую он выразил практически теми же словами.

Загрузив труп Джона Нокса в багажник, Митч вернулся на второй этаж, чтобы понять,

что же произошло. Увидев конец газового ключа, зацепившийся за петлю узла, сообразил, что к чему.

И в тот самый момент почувствовал, что за ним наблюдают, над ним посмеиваются. Его внезапно осенило, что на втором этаже он может найти для себя разгадку куда более важной тайны, и разгадка вот она, у него перед глазами.

И тут же пришла мысль, что он видит, но слеп, что слышит, но глух.

А теперь вот этот насмешливый голос по телефону: *«Твои глаза широко открыты, Митч, но ты не видишь»*.

Сверхъестественное, и это уже не казалось ему преувеличением. Он чувствовал, что похитители не только наблюдают за ним и слушают его в любое время и в любом месте, но могут читать его мысли.

Митч потянулся к пистолету на переднем пассажирском сиденье. Нет, непосредственной угрозы не было, но пистолет добавлял уверенности.

– Ты здесь, Митч?

– Я слушаю.

– Я позвоню в половине восьмого.

– Опять ждать? Зачем? – Нетерпение грызло его, и он не мог взять это чувство под контроль, хотя понимал, что поспешность только навредит. – *Давайте решим все прямо сейчас*.

– Успокойся, Митч. Я как раз собирался сказать, что тебе нужно делать, когда ты меня перебил.

– Тогда, черт побери, скажите.

– Хороший алтарный служка знает ритуал литании. Хороший алтарный служка выполняет указания, но ни во что не вмешивается. Еще раз прервешь меня, и тебе придется ждать до половины девятого.

Митч подавил нетерпение. Глубоко вдохнул, медленно выдохнул.

– Я понимаю.

– Хорошо. Итак, после окончания нашего разговора ты поедешь в Ньюпорт-Бич, в дом твоего брата.

От удивления у него вырвалось:

– В дом Энсона?

– Побудешь у него до моего следующего звонка в половине восьмого.

– А почему нужно впутывать в это моего брата?

– В одиночку тебе не справиться с тем, что предстоит сделать.

– Но что нужно сделать? Вы мне не сказали.

– Скажем. Скоро.

– Если нужны двое мужчин, вторым необязательно должен быть он. Я не хочу втравливать Энсона в эту историю.

– Подумай, Митч. Кто лучше, чем твой брат? Он тебя любит, так? Он не хочет, чтобы твою жену изрезали на куски, как свинью на бойне.

Все несчастное детство Митча Энсон был надежной веревкой, которая удерживала его на плаву. Именно Энсон поднимал паруса надежды, когда казалось, что нет ветра, который может их наполнить.

Именно старшему брату он был обязан умиротворенностью разума и счастьем, которые обрел, наконец-то вырвавшись из родительского дома, свободой души, которая позволила ему завоевать Холли.

– Вы меня подставите, – сказал Митч. – Если я не смогу сделать то, что вы хотите, или что-то пойдет не так, вы меня подставите, и все будет указывать на то, что Холли убил я.

– Петля затянута гораздо туже, чем ты это себе представляешь, Митч.

Они могли гадать, куда подевался Джон Нокс, но точно не знали, что его труп лежит в багажнике «Хонды». И мертвый похититель был доказательством той истории, которую Митч мог рассказать властям.

А мог ли? Он не рассматривал все версии, которыми полиция могла интерпретировать смерть Нокса, и, возможно, большинство из них только усугубили бы его вину, а не помогли оправдаться.

– Я хочу сказать, что вы точно так же поступите с Энсоном. Закуете в цепи косвенных уликов, чтобы добиться его содействия. Так вы работаете.

– Все это не будет иметь ровно никакого значения, если вы сделаете то, что нам нужно, и получите ее назад.

– Но это несправедливо, – запротестовал Митч и внезапно осознал, что простодушием и доверчивостью и на самом деле уж очень похож на алтарного служку.

Похититель рассмеялся:

– То есть ты полагаешь, что с тобой мы поступаем по справедливости? Так?

Сжимающая рукоятку пистолета рука стала холодной и мокрой от пота.

– Ты бы предпочел, чтобы мы оставили в покое твоего брата и разрешили взять в напарники Игги Барнса?

– Да, – ответил Митч и тут же ощутил укол совести: слишком быстро он согласился пожертвовать другом, чтобы спасти любимого брата.

– И это будет справедливо по отношению к мистеру Барнсу?

Отец Митча верил, что от стыда нет социальной пользы, это признак суеверности, и здравомыслящий человек, ведущий рациональную жизнь, должен быть свободен от него. Дэниэль также верил, что образование нужно и для того, чтобы изгнать из человека способность испытывать стыд.

– Мистер Барнс, – продолжил похититель, – не самый острый нож в ящике. Даже по этой причине твой друг не может стать достойной заменой твоему брату. А теперь поезжай к Энсону и жди нашего звонка.

Смирившись с неизбежным, но в отчаянии от того, что может подвергнуть брата опасности, Митч спросил:

– И что я должен ему сказать?

– Абсолютно ничего. Я требую, чтобы ты ему ничего не говорил. Я – опытный кукловод, не ты. Позвонив, я дам ему послушать, как кричит Холли, а потом объясню, что к чему.

Митч разом встревожился.

– Совсем необязательно заставлять ее кричать. Вы обещали не причинять ей боль.

– Я обещал не насиловать ее, Митч. Никакие твои слова не покажутся твоему брату столь же убедительными, как ее крик. Я разбираюсь в этих делах лучше тебя.

Пистолет мог выскользнуть из холодной, потной руки. А когда рука еще начала и трястись, Митч предпочел положить оружие на переднее пассажирское сиденье.

– А если Энсона нет дома?

– Он дома. Трогайся, Митч. Сейчас час пик. Ты же не хочешь опоздать в Ньюпорт-Бич к назначенному сроку.

И похититель разорвал связь.

А когда Митч нажал на клавишу со словом «END», действие это показалось ему пророческим.

На мгновение он закрыл глаза, пытаясь успокоить расшатанные нервы, тут же открыл, потому что с закрытыми глазами чувствовал себя уязвимым.

Едва он завел двигатель, стоя ворон поднялась с мостовой, из теней под шпилем, с самого шпиля.

Глава 19

Хотя Ньюпорт-Бич славился гаванью для яхт, особняками и заградительными ценами в магазинах, там хватало места не только для сказочно богатых людей. Энсон жил в районе Корона-дель-Мар, занимая половину двухквартирного дома.

Укрытый тенью массивной магнолии дом, построенный по архитектурным канонам Новой Англии, не поражал размерами, но казался очень уютным.

Дверной звонок проиграл первые аккорды «Оды к радости» Бетховена.

Энсон открыл дверь, прежде чем Митч успел второй раз нажать на кнопку звонка.

Внешне Энсон разительно отличался от Митча: медведеподобный, с грудью колесом, толстой шеей. И хотя в школьной футбольной команде он играл на месте куотербека, то есть разыгрывающего, что говорило о быстроте как мыслей, так и действий, выглядел он, скорее, как центральный защитник.

И его красивое, широкое, открытое лицо всегда находило повод улыбнуться. А уж при виде Митча он просто расплылся от радости.

– Fratello mio!¹ – воскликнул Энсон, обнимая брата и увлекая его в дом. – Entrino!² Entrino!

В доме пахло чесноком, луком, беконом.

– Готовишь что-нибудь итальянское? – спросил Митч.

– Bravissimo, fratello piccolo!³ Только по запахам и моему скверному итальянскому ты сделал блестящий вывод. Позволь мне повесить твой пиджак.

Митч не стал оставлять пистолет в машине. Заткнул его за пояс на поясице.

– Нет, мне и так удобно. Останусь в пиджаке.

– Пойдем на кухню. Меня страшила перспектива обеда в одиночестве.

– На страх у тебя иммунитет.

– Иммунитета от страха не бывает, маленький брат.

По обстановке чувствовалось, что в доме живет мужчина. Упор делался на морскую тематику. На картинах парусники боролись со штормами и неслись по волнам под грозными небесами.

С детства Энсон верил, что истинной свободы на суше не найти – только в море, под парусом.

Он обожал книги про пиратов, истории морских битв, легенды о поисках сокровищ. Многие читал вслух Митчу, который мог слушать его часами.

Дэниэля и Кэти укачивало, даже когда они катались на весельной лодке по пруду. Именно их отвращение к воде послужило первым толчком, пробудившим интерес Энсона к морской жизни.

В уютной, благоухающей ароматами готовки кухне он указал на кастрюлю на плите, над которой поднимался пар.

– Zappa massaia.

– И что за суп massaia?

– Классический суп домохозяйки. В отсутствие жены мне пришлось обратиться к моей женской половине, когда мне захотелось его сварить.

Иногда Митч просто не мог поверить, что такая чуждая эмоций пара, как их родители, могли произвести на свет столь жизнерадостного сына, как Энсон.

Кухонные часы показывали 7.24. Его задержала пробка, вызванная дорожно-транспортным происшествием.

На столе стояла бутылка кьянти и ополовиненный стакан. Энсон открыл дверцу буфета, взял с полки второй стакан.

Митч едва не отказался от вина. Но потом решил, что один стакан голову ему не затуманит, а вот нервы отчасти может и успокоить.

Наливая кьянти, Энсон разразился тирадой, имитируя голос их отца:

– Да, я рад тебя видеть, Митч, хотя я не заметил твоего имени в списке наших сегодняшних гостей, и я собирался этим вечером помучить морских свинок, гоняя их по лабиринту, к стенкам которого подведен электрический ток.

1 Брат мой (*иск. ит.*).

2 Заходи (*иск. ит.*).

3 Bravo, маленький братец (*иск. исп.-ит.*).

– Я как раз приехал от него, – сообщил брату Митч, беря стакан.
– Тогда понятно, откуда твоя подавленность и серый цвет лица. – Энсон поднял стакан, произнося тост: – *La dolce vita*¹.

– За твою новую работу в Китае.
– Меня опять использовали, как иголку?
– Как и всегда. Но он давил не так сильно, чтобы проткнуть меня насквозь. Похоже, перспективы большие.

– Работы в Китае? Он, должно быть, раздул из мухи слона. Они не распускают коммунистическую партию и не сажают меня на императорский трон.

Митч ничего не смыслил в тех вопросах, по которым давал консультации Энсон. Тот защитил докторскую диссертацию по лингвистике, науке о языках, но, кроме того, прекрасно разбирался в компьютерных языках и теории преобразования в цифровую форму, что бы это ни означало.

– Всякий раз, когда я покидаю их дом, у меня возникает желание зарыться в землю, поработать руками, что-то делать.

– Они заставляют тебя обратиться к чему-то реальному.
– Совершенно верно. Хорошее вино.
– После супа мы будем есть *lombo di maiale con castagne*.
– Мне не удастся переварить то, что я не могу произнести.
– Свиную отбивную с грецкими орехами.
– Звучит неплохо, но обедать мне не хочется.
– Еды хватит. Рецепт рассчитан на шесть порций. Я не знаю, как дробить составляющие, поэтому всегда готовлю на шестерых.

Митч взглянул на окна. Хорошо: жалюзи опущены и закрыты.

Со столика, на котором стоял телефонный аппарат, он взял блокнот и ручку.

– В последнее время плавал под парусом?

Энсон мечтал о покупке яхты. Достаточно большой, чтобы не испытывать клаустрофобию при многодневном походе вдоль побережья или даже в плавании на Гавайские острова, но при этом управляемой экипажем из двух человек, включая капитана, то есть самого Энсона.

Под вторым человеком Энсон подразумевал свою подругу. При всей своей медведеобразной внешности он любил не только море, но и женщин.

И женщины это чувствовали. Их притягивало к нему точно так же, как луна притягивает приливы.

Но при этом Энсон не составлял конкуренцию Дон Жуану. Большинству дам, которые выказывали интерес к нему, он давал отбой. А каждая из тех, в которой он надеялся найти свой идеал, уходила от него, разбивая сердце, хотя он и не прибегал к столь мелодраматическим выражениям.

На текущий момент ему принадлежала маленькая, восемнадцатифутовая лодка, «Американский парус». Она стояла на якоре в гавани и никак не тянула на яхту. Но, учитывая его удачу в любви, создавалось ощущение, что яхта его мечты появится у Энсона гораздо быстрее, чем он найдет себе подходящего матроса.

– У меня хватало времени только на то, чтобы немного поплавать по бухте, – ответил Энсон на вопрос Митча.

Сев за стол, Митч начал писать печатными буквами в блокноте.

– Мне тоже нужно найти себе хобби. Ты вот плаваешь под парусом, отец собирает окаменевшее дерьмо динозавров.

Он вырвал листок и через стол пододвинул к Энсону, чтобы тот смог прочитать запись: «ТВОЙ ДОМ, ВЕРОЯТНО, ПРОСЛУШИВАЕТСЯ».

На лице брата отразилось изумление. Митч подумал, что, должно быть, такое же изумление отражалось и на его лице, когда Энсон читал ему захватывающие истории о

¹ За сладкую жизнь (*ит.*).

пиратах, морских сражениях, поисках сокровищ. Поначалу Энсон, похоже, подумал, что начинается какое-то увлекательное приключение, не понимая нависшей над ним опасности.

Чтобы скрыть затянувшееся молчание Энсона, Митч продолжил:

– Он только что купил новый экземпляр. Говорит, что это экскременты цератозавра. Из Колорадо, Поздний Юрский период.

Пододвинул к брату второй листок, с другой надписью: «ЭТО СЕРЬЕЗНО. Я ВИДЕЛ, КАК ЭТИ ЛЮДИ УБИЛИ МУЖЧИНУ».

Когда Энсон прочитал и это послание, Митч достал из внутреннего кармана пиджака мобильник и положил на стол.

– Такое наследство, коллекция полированного дерьма, как раз в духе наших семейных традиций.

Когда Энсон выдвинул из-под стола стул и сел, на его лице удивление сменилось тревогой. Однако он поддержал этот ничего не значащий разговор.

– И сколько у него экспонатов?

– Он мне говорил. Я не запомнил. Но можно сказать, что его кабинет превратился в выгребную яму.

– Некоторые из шаров красивые.

– Очень красивые, – согласился Митч и написал: «ОНИ ПОЗВОНЯТ В ПОЛОВИНЕ ВОСЬМОГО».

Ничего не понимая, Энсон беззвучно, одними губами, спросил:

– Кто? Зачем?

Митч покачал головой. Указал на часы. 7.27.

И они продолжали обсуждать коллекцию отца, пока ровно в половине восьмого не раздался звонок. Только зазвонил не мобильник Митча, а телефонный аппарат на столике.

Энсон вопросительно посмотрел на Митча.

На случай, что звонят Энсону и время звонка случайно совпало с названным похитителем, который позвонит по мобильнику, Митч показал брату, что трубку должен снять он.

Энсон ее и снял после третьего звонка. Просиял, услышав, кто звонит:

– Холли!

Митч закрыл глаза, наклонил голову, закрыл лицо руками и только по реакции Энсона узнал, когда закричала Холли.

Глава 20

Митч ожидал, что примет участие в разговоре, но похититель говорил только с Энсоном, и не дольше трех минут.

Содержание первой части разговора тайны для Митча не составило: по репликам брата он понимал все. А вот о чем шла речь последние две минуты, он уже не понимал: брат отвечал все реже, а тон его становился все мрачнее.

– Чего они от нас хотят? – спросил Митч, как только Энсон положил трубку.

Вместо того чтобы ответить, Энсон подошел к столу, одной рукой взялся за бутылку кьянти, второй – за стакан, осушил его, наполнил вновь.

Митч в изумлении увидел, что и его стакан пуст. А он вроде бы лишь пару раз отпил по маленькому глотку. Когда Энсон захотел наполнить и его стакан, покачал головой.

Но Энсон наполнил, несмотря на его протесты.

– Если в твоём сердце бушует такой же пожар, как в моем, мы сожжем это вино, как только его выпьем.

Руки Митча тряслись, и не от выпитого вина, наоборот, оно могло унять дрожь.

– Микки? – позвал Энсон. Такое прозвище старший брат придумал ему в особенно трудный период их детства.

Митч оторвал взгляд от трясущихся рук. Посмотрел на Энсона.

– Ничего с ней не случится. Обещаю тебе, Микки. Клянусь, с Холли ничего не случится. Ничего.

В годы формирования характера Митча его брат был надежным капитаном, который уверенно вел их корабль сквозь шторма, пилотом, вылетающим на защиту в час беды. Возможно, на этот раз он переоценивал свои возможности, обещая благополучную посадку, потому что полет контролировали похитители Холли.

– Чего они от нас хотят? – вновь спросил Митч. – Это что-то реальное, мы сможем это сделать, или какое-то безумие, как мне и показалось в тот момент, когда он впервые потребовал у меня два миллиона?

Вместо того чтобы ответить, Энсон сел. Наклонился вперед, положил могучие руки на стол, стакан практически полностью исчез в огромных кистях.

Он по-прежнему выглядел медведем, но уже не плюшевым. Женщины, которых тянуло к нему, как приливы – к луне, увидев его в таком состоянии, наверняка перешли бы на более высокую орбиту.

Закаменевшая челюсть, раздувающиеся ноздри, ледяной взгляд глаз порадовали Митча. Он знал, что все это означает. Когда Энсон сталкивался с несправедливостью, он не отходил в сторону, а прилагал все силы, чтобы наказать тех, кто ее творил.

Но к облегчению, которое испытывал Митч, понимая, что теперь получил мощное подкрепление в борьбе за спасение Холли, примешивалось и чувство вины.

– Извини. Я и представить себе не мог, что тебя втянут в это дело. За меня все решили. Извини.

– Тебе не за что извиняться. Абсолютно не за что.

– Если бы я повел себя иначе...

– Если бы ты повел себя иначе, возможно, Холли была бы уже мертва. Так что пока ты все делал правильно.

Митч кивнул. Ему очень хотелось верить в слова, только что сказанные братом. Но он все равно чувствовал себя совершенно беспомощным.

– Чего они от нас хотят? – в третий раз повторил он.

– Прежде всего, Микки, я хочу знать все, что произошло. Этот сукин сын не сказал мне и малой части. Я хочу знать все, от самого начала до твоего звонка в дверь моего дома.

Митч оглядел кухню, гадая, где могут стоять «жучки».

– Может, они слушают нас, может, и нет, – добавил Энсон. – Это не имеет значения, Микки. Они уже знают все, что ты собираешься мне рассказать, потому что *они сделали это с тобой*.

Митч кивнул. Укрепил дух кьянти. А потом пересказал старшему брату все события этого чудовищного дня.

На случай, что их все-таки подслушивают, опустил только эпизод с Ноксом, встречу с ним, его падение и все прочее.

Энсон слушал внимательно, лишь несколько раз прерывал Митча уточняющими вопросами. Когда Митч закончил, посидел с закрытыми глазами, переваривая услышанное.

Среди детей Рафферти у Меган был самый высокий ай-кью, но Энсон уступал ей самую малость. Опасность, грозящая Холли, не уменьшилась за последние полчаса, но Митч полагал, что теперь, когда в игру вошел его старший брат, ее шансы на спасение значительно возросли.

При проверках ай-кью третье место было за ним. Да, теперь решением проблемы занялся более умный человек, но куда больше Митча подбадривало другое: теперь он был не один.

В одиночку он мало что мог.

Энсон поднялся со стула.

– Посиди, Микки, я сейчас вернусь, – и покинул кухню.

Митч смотрел на телефонный аппарат. Гадал, сможет ли он опознать подслушивающее устройство, если разберет телефон на составные части.

Он глянул и на часы. 7.48. Ему дали шестьдесят часов на поиски денег, осталось только пятьдесят два.

И правильно ли ходят часы. События, которые привели Митча сюда, вымотали его донельзя, отняли последние силы. Ему казалось, что все шестьдесят часов уже прошли.

Выпитое вино эффекта не давало. Поэтому он осушил еще один стакан.

Вернулся Энсон, надевший пиджак спортивного покроя.

– Нам нужно кое-куда съездить. Я тебе обо всем расскажу в машине. И мне бы хотелось, чтобы за руль сел ты.

– Дай мне минутку, чтобы допить вино, – ответил Митч и написал в блокноте: «ОНИ МОГУТ ЗАСЕКАТЬ МОЮ МАШИНУ».

Хотя никто не ехал следом за ним к родительскому дому, похитители знали, что он там побывал. И позднее, когда он припарковался у церкви, чтобы дожидаться шестичасового звонка, определили его точное местоположение.

«Это та самая церковь, в которую ходил ты и твои родители?»

Если они поставили «маячки» на его пикап и «Хонду», то могли следовать за ним на расстоянии, не появляясь в поле зрения, определяя его местонахождение с помощью электроники.

Хотя Митч не знал, как практически можно все это осуществить, он понимал: использование такой техники однозначно указывает на то, что похитители Холли – изощренные преступники, располагающие немалыми ресурсами, то есть попытки к сопротивлению едва ли приведут к успеху.

Профессионализм преступников имел и положительную сторону: увеличивалась вероятность того, что операция, на которую они собирались подрядить Митча и Энсона, будь то ограбление или что-то еще, могла принести желаемый результат. То есть при удаче похитители получили бы выкуп, а он – Холли.

В ответ на предупреждение, прозвучавшее в последней записке, Энсон выключил газ под кастрюлей супа и взял с подноса ключи от своего внедорожника.

– Давай поедem на моем «Экспедишн». За руль сядешь ты.

Митч поймал брошенные ему ключи, потом быстренько собрал записки, скомкал и бросил в корзинку для мусора.

Братья вышли через дверь кухни. Энсон не стал выключать свет, не запер и дверь, понимая, что в сложившейся ситуации запертая дверь остановит только тех, кто и так не хотел входить в его дом. А вот другим, которых не хотел бы пускать он, замок помехой не станет.

Они пересекли небольшой дворик, в котором росли папоротники и несколько карликовых декоративных деревьев, вошли в гараж, где стояли «Экспедишн» и «Бьюик» модели 1947 года «Супер Вуди Уэйген», которую Энсон любовно восстановил буквально по винтику.

Митч сел за руль внедорожника.

– А если они установили «маячки» и на эти машины?

– Не важно, – ответил Энсон, закрывая за собой водительскую дверцу. – Я собираюсь в точности сделать все, что они хотят. Если они смогут следить за нами, то лишь в этом убедятся.

Выехав задним ходом из гаража в проулок, Митч спросил:

– И чего они хотят, что мы должны сделать? Просвети меня.

– Они хотят перевести два миллиона баксов на номерной счет в банке на Больших Каймановых островах.

– Что ж, все лучше, чем отдавать их центами, двести миллионов чертовых центов, но у кого мы должны взять эти деньги?

Яростно-красный свет заката заливал проулок.

Энсон нажал на кнопку пульта дистанционного управления, привел в действие электрический мотор, опускающий ворота гаража.

– Нам не придется ни у кого их брать. Это мои деньги, Микки. Они хотят мои деньги, и они смогут их получить за освобождение Холли.

Глава 21

Горящее небо «зажигало» и проулок, сияние кузнечной печи заполнило салон «Экспедишн».

В отсвете заходящего солнца лицо Энсона стало злобным, глаза грозно сверкали, но голос оставался, как и прежде, мягким:

– Все, что у меня есть, – твое, Микки.

Митч какое-то время в изумлении молчал, словно, пересекая городскую улицу, оглянулся и увидел первобытный лес на том месте, где только что стояли дома.

– У тебя есть два миллиона долларов? Откуда у тебя два миллиона долларов?

– Я знаю дело, которым занимаюсь, и мне не чуждо трудолюбие.

– Я уверен, что знаешь. Чем бы ты ни занимался, ты все делаешь отлично, но ты не живешь, как богатый человек.

– Не хочу. Роскошь и статус меня не интересуют.

– Я знаю людей, которые не стремятся показать, что у них есть деньги, но...

– Меня интересуют идеи, – прервал его Энсон, – и я хочу обрести реальную свободу, а не видеть свою физиономию на страницах светской хроники.

Митч все еще блуждал в лесу новой реальности.

– Ты хочешь сказать, что у тебя есть два миллиона в банке?

– Мне придется продать активы. Это можно сделать по телефону, с помощью компьютера, как только завтра откроется биржа. На все уйдет максимум три часа.

Сухие семена надежды начали прорасти под дождем этих удивительных, потрясающих новостей.

– И сколько: сколько у тебя денег? – спросил Митч. – Я хочу сказать, всего?

– На выплату уйдут практически все мои акции, но у меня останется квартира, которая почти полностью оплачена.

– То есть ты практически разоришься. Я не могу этого допустить.

– Если я заработал эти деньги один раз, то заработаю и второй.

– Не так много. Не так легко.

– Мне решать, что делать с моими деньгами, Микки. И я хочу потратить их на то, чтобы Холли благополучно вернулась домой.

Сквозь пылающий алый свет, сквозь сгущающиеся тени по проулку шел дворовый кот.

Митч так разволновался, что не решался заговорить, не доверял своему голосу, смотрел на кота и медленно, глубоко дышал.

– Из-за того, что я не женат и у меня нет детей, эти паразиты похитили Холли, чтобы добраться до меня.

Митча очень уж поразило признание Энсона, что тот – богатый человек, вот он и не сразу отреагировал на очевидное объяснение похищения его жены.

– Если бы у меня был более близкий человек, – продолжил Энсон, – если бы они могли ударить меня с этой стороны, тогда похитили бы мою жену или ребенка, а Холли никто бы не тронул.

Кот остановился перед внедорожником, уставился на Митча. В залитом закатным огнем проулке только зеленые кошачьи глаза сохранили естественный цвет.

– Они могли похитить одну из наших сестер, не так ли? Меган, Конни, Портю? Я бы поступил точно так же.

– Но ты жил, как любой другой представитель среднего класса. Откуда они узнали?

– Меня сдал кто-то из работающих в банке, на бирже. Червоточина обнаружилась там, где ее не должно было быть.

– Ты представляешь себе кто?

– У меня еще не было времени подумать об этом, Микки. Спроси меня завтра.

Дворовый кот сблизился с внедорожником, скрылся из виду.

В тот же самый момент с земли поднялась птица, воробей или голубь, ударилась крылом о стекло водительской дверцы, полетела в более безопасное место.

Митч вздрогнул от удара, ему вдруг почудилось, что это кот, нырнув под внедорожник, вылетел из-под него птицей.

– Я не видел возможности обратиться к копам. – Митч повернулся к старшему брату. – Но теперь все изменилось. У тебя такая возможность есть.

Энсон покачал головой.

– Они застрелили человека у тебя на глазах, чтобы ты понял, что к чему.

– Да.

– И ты понял.

– Да.

– Я тоже понял. Они будут убивать без жалости, пока не получат то, что им нужно, и убийства будут вешать на тебя или на нас обоих. Сначала мы вернем Холли, а потом пойдем к копам.

– Два миллиона долларов.

– Это всего лишь деньги, – пожал плечами Энсон.

Митч помнил слова брата о том, что он не жаждет видеть свою физиономию на страницах светской хроники, его больше интересуют идеи и «обретение настоящей свободы».

Теперь он повторил эти три слова и добавил:

– Я знаю, что это означает. Парусная яхта. Жизнь в море.

– Это не важно, Микки.

– Конечно, важно. С такими деньгами ты близок к тому, чтобы купить такую яхту и обрести жизнь без цепей.

Теперь пришла очередь Энсона искать кота или что-то другое, на что он мог смотреть, не встречаясь взглядом с младшим братом.

– Я знаю, что ты все планируешь наперед, – продолжил Митч. – Всегда таким был. И когда ты собирался выйти на пенсию и уплыть в море?

– Это всего лишь детская мечта, Микки. Пираты, морские битвы.

– Когда? – настаивал Митч.

– Через два года. В тридцать пять. Значит, придется поработать еще несколько лет. И, возможно, эти деньги я заработаю раньше, чем думаю. Мой бизнес быстро развивается.

– Договор с Китаем?

– С Китаем, и не только. Я силен в том, чем занимаюсь.

– Я не откажусь от твоего щедрого предложения. Я готов умереть ради Холли, поэтому не остановил бы тебя, даже если бы ты полностью разорился ради ее спасения. Но я не хочу, чтобы ты преуменьшал свою жертву. Это огромная жертва.

Энсон наклонился к Митчу, обнял его, прижался своим лбом к его, так что они смотрели не друг на друга, а на консоль между ними.

– Вот что я тебе скажу, брат.

– Скажи.

– Я бы никогда об этом не упомянул. Но так чувство вины не будет глотать твою печень: знай, ты – единственный, кто нуждался в помощи.

– Это ты про что?

– Как, по-твоему, Конни купила свою пекарню?

– Ты?

– Я так структурировал ссуду, что она превратилась в череду ежегодных подарков, не облагаемых налогом. Я не хочу, чтобы мне возмещали эти деньги. Мне это в радость. Да и собачий магазин Меган из той же серии.

– И ресторан, который открывают Портия и Френк? – спросил Митч.

- Да.
- Не отрываясь от лба брата, глядя вниз, Митч задал еще вопрос:
- Как же они узнали, что ты так богат?
- Они не узнали. Я видел, что им нужно. Пытался понять, что нужно тебе, но ты всегда полагался исключительно на собственные силы.
- Зато теперь от тебя требуется нечто большее, чем ссуда на покупку пекарни или открытие маленького ресторанчика.
- Да брось ты.
- Митч нервно рассмеялся, а Энсон продолжил:
- Мы все выросли в крысином лабиринте Дэниэля и надеяться можем только друг на друга. Только это и имело значение. До сих пор имеет, *fratello piccolo*. И будет иметь до окончания веков.
- Я никогда этого не забуду.
- И правильно. Будешь моим вечным должником.
- Митч вновь рассмеялся.
- Буду до конца жизни бесплатно ухаживать за твоим садом.
- Эй, братец?
- Что?
- Не будешь сморкаться на капот?
- Нет, – пообещал Митч.
- Хорошо. Я люблю чистую машину. Готов ехать?
- Да.
- Уверен?
- Да.
- Тогда в путь.

Глава 22

Только узкая полоска кровоточила на горизонте, тогда как над головой темнело небо, по одну сторону от шоссе – море, а луна еще не поднялась, чтобы посеребрить пустынные пляжи.

Энсон сказал, что ему нужно подумать, а в движущемся автомобиле думается очень даже легко, потому что легко представить себе, что ты на яхте, идущей под парусом. Направление движения он задал: на юг.

В этот час автомобилей на Тихоокеанской береговой автостраде было немного, и Митч оставался в крайнем правом ряду, никуда не торопясь.

– Они позвонят мне домой завтра в полдень, – нарушил долгое молчание Энсон, – чтобы узнать, как идет сбор денег.

– Не нравится мне этот трансфер на Каймановы острова.

– Мне тоже. Тогда у них будут и деньги, и Холли.

– Лучше бы нам встретиться лицом к лицу, – сказал Митч. – Они приводят Холли, мы приносим пару чемоданов с деньгами.

– Также не вариант. Они возьмут деньги. А потом перестреляют нас всех.

– Нет, если мы будем вооружены.

На лице Энсона отразилось сомнение.

– Их это пугает? Они поверят, что мы умеем обращаться с оружием?

– Вероятно, нет. Поэтому мы возьмем оружие, которое не требует меткости. Скажем, ружья.

– А где мы возьмем ружья? – спросил Энсон.

– Мы можем их купить в оружейном магазине. К примеру, в Уол-Марте.

– Я не уверен, что их продадут сразу.

– Ружья продадут. Ограничения касаются только пистолетов и револьверов.

– Нам придется потренироваться.
– Немного, чтобы привыкнуть к ним.
– Может, поедим на шоссе Ортеги? После того, как купим ружья. Там застроили домами еще не всю пустыню. Мы сможем найти укромное местечко и пострелять.

Митч молча вел внедорожник, Энсон молча сидел рядом, на восточных холмах сверкали огнями дорогие дома, на западе чернело море, над головой чернело небо, красная полоска на горизонте исчезла вместе с самим горизонтом.

– Нереально все это, – наконец вырвалось у Митча. – Я про ружья.
– Как в кино, – согласился Энсон.
– Я – садовник. Ты – лингвист.
– В любом случае похитители не позволят нам ставить условия, – указал Энсон. – Правила вводит тот, у кого сила.

Автострада изогнулась дугой, поднялась, потом спустилась в Лагуна-Бич.

Туристический сезон открылся в середине мая. Люди гуляли по тротуарам, шли на обед, возвращались с обеда, разглядывали витрины закрытых магазинов и галерей.

Когда Энсон предложил перекусить, Митч ответил, что он не голоден.

– Ты должен есть, – настаивал Энсон.
– И о чем мы будем говорить за обедом? – упорствовал Митч. – О спорте? Мы же не хотим, чтобы кто-то подслушал наш разговор о сложившейся ситуации.
– Тогда мы поедем в автомобиле.

Митч припарковался перед китайским рестораном. Нарисованный на окнах дракон широко разевал пасть.

Энсон остался в автомобиле, Митч вошел в ресторан. Девушка, которая обслуживала клиентов, желающих взять заказ с собой, заверила его, что все будет готово через десять минут.

Оживленный разговор посетителей нервировал Митча. Беззаботный смех вызывал негодование.

Поначалу запахи риса, сладкого чили, жареных шариков из теста, корицы, чеснока, орешков разожгли аппетит. Но тут же Митчу вдруг стало душно, в горле пересохло, во рту появился кислый привкус.

Холли оставалась в руках убийц.

Они били ее.

Заставили кричать, чтобы крики эти слышал он, слышал Энсон.

И заказ обеда в китайском ресторане, потребление пищи, любые деяния обыденной жизни выглядели предательством по отношению к Холли, преуменьшали отчаянность ее положения.

Если она слышала все то, что говорил похититель Митчу (насчет пальцев, которые отрежут по одному, языка, который последует за пальцами), тогда страх не отпускал ее ни на секунду, ужасный, непереносимый страх.

И когда Митч представил себе этот страх, представил себе ее, связанную, в крошечной тьме, беспомощность наконец-то начала перерождаться не просто в злость – в ярость, от которой лицо запылало огнем, глаза защипало, дыхание перехватило.

Вопреки всякой логике, его вдруг охватила дикая зависть по отношению к этим счастливым людям, которые наслаждались вкусной едой и хорошей компанией. Ему хотелось сдергивать их со стульев, превращать их лица в кровавое месиво.

Ненависть вызывал и уютный интерьер. Хотелось рвать и метать, превратить в хаос царящий в ресторане порядок, заглушить свою беду всплеском насилия.

Какой-то нарыв, давно зревший в глубинах его сознания, теперь вскрылся и выплеснул переполнявший его гной, побуждая Митча топтать фонарики из цветной бумаги, крушить ширмы, срывать со стен деревянные иероглифы, покрытые красной эмалью, разбивать окна...

Поставив на прилавок два больших белых пакета с заказанной едой, девушка

почувствовала бурю, что разбушевалась в душе Митча. Глаза ее широко раскрылись, она внутренне напряглась.

Только неделей раньше психически больной человек в соседней пиццерии убил кассиршу и двух официантов, прежде чем другой посетитель, бывший коп, уложил его двумя выстрелами. Девушка, возможно, уже прокручивала в голове кадры телевизионных репортажей той бойни.

Осознание, что он может напугать ее, стало для Митча поворотным пунктом. Ярость сменилась злостью, последняя уступила место печали. Выброс адреналина в кровь прекратился, сердце замедлило свой бег.

Выходя из ресторана в теплую весеннюю ночь, он увидел, что его брат разговаривает по мобильнику.

Когда Митч сел за руль, Энсон как раз закончил разговор.

– Опять они? – спросил Митч.

– Нет. Есть тут один парень, с которым, думаю, нам нужно поговорить.

Передавая Энсону пакет больших размеров, Митч полюбопытствовал:

– Какой парень?

– Мы попали в глубокие воды, которые кишат акулами. Мы им не соперники. Поэтому нам нужен совет человека, который подскажет, что нужно сделать, чтобы нас не съели.

Хотя раньше Митч пытался убедить брата обратиться к властям, теперь он дал задний ход:

– Они ее убьют, если мы кому-то расскажем о случившемся.

– Они сказали – никаких копов. Мы не собираемся обращаться в полицию.

– И все-таки мне тревожно.

– Микки, я понимаю, сколь велик риск. Мы балансируем на тонкой струне. Но, боюсь, ничего хорошего не будет, если мы и дальше станем идти у них на поводу.

Устав от собственной беспомощности, соглашаясь с братом в том, что за покорность и повиновение им воздадут презрением и жестокостью, Митч сдался:

– Хорошо. А ты уверен, что нас сейчас не подслушивают?

– Да. Чтобы прослушивать разговоры в автомобиле, одного микрофона мало. Нужен еще микроволновый передатчик и источник энергии.

– Правда? Я этого не знал. Да и откуда?

– А я знаю. Оборудование это достаточно объемное. Спрятать его сложно, на установку требуется довольно-таки много времени.

Палочками Энсон брал из одного контейнера мясо по-сичуански, из другого – рис с грибами.

– А как насчет направленных микрофонов?

– Я смотрел те же фильмы, что и ты. Направленный микрофон лучше всего работает в безветренную погоду. Посмотри на деревья. Сегодня у нас задувает.

Митч ел жаркое из курицы пластмассовой вилкой. На вкус внимания не обращал. До вкуса ли, когда Холли грозит смертельная опасность.

– А кроме того, направленным микрофоном, установленным в автомобиле, на ходу не поймать разговор, который ведут в другом.

– Тогда давай помолчим, пока не тронемся с места.

– Микки, черта между разумной осторожностью и паранойей очень узкая.

– Я уже давно ее пересек, – ответил Митч, – и дороги назад для меня нет.

Глава 23

От куриного жаркого во рту остался неприятный привкус, который Митч безуспешно пытался смыть диетколой.

Они по-прежнему ехали на юг. Дома и деревья закрывали море, лишь изредка они видели его черную гладь.

Энсон маленькими глоточками пил лимонный чай из высокого бумажного стакана.

– Его фамилия – Кэмпбелл. Он – бывший агент ФБР.

Митч аж подпрыгнул.

– Вот уж к кому нам ни в коем случае нельзя обращаться.

– Ударение на *бывший*, Микки. Бывший агент. В двадцать восемь лет его ранили, ранили тяжело. Другие так бы и жили на пенсию по потере трудоспособности, благо она высокая, но он создал собственную бизнес-империю.

– А если на «Экспедишн» стоит «маячок»? Тогда они узнают, что мы поехали к бывшему фэбээровцу.

– Они не могут знать, что он служил в ФБР. Если им вообще что-то известно о нем, то они знают, что несколько лет тому назад мы вместе вели дела. Так что со стороны все будет выглядеть так, будто я собираю выкуп.

Шины чуть шуршали по асфальту, но Митчу казалось, что автострада под ними – поверхность пруда, а он – комар, который будет уверенно лететь над ней, пока его не съест выпрыгнувшая из воды рыба.

– Я знаю, какая почва нужна бугенвиллее, сколько света требует тот или иной цветок. Но все это для меня другая вселенная.

– Для меня тоже, Микки. Вот почему нам нужна помощь. И больше, чем Джулиан Кэмпбелл, о темной стороне этого мира не знает никто.

Митч уже чувствовал, что каждое принятое ими решение – вопрос жизни и смерти. Одна ошибка, и для его жены все будет кончено.

А если они и дальше будут продолжать в том же духе, то нарастающая тревога вгонит его в ступор. Чрезмерная активность не могла спасти Холли. Результатом бездействия могла стать ее смерть.

– Хорошо, – вздохнул он. – И где живет Кэмп-белл?

– Пока едем прямо. Потом сворачиваем на автостраду А-5. Он живет в Ранчо-Санта-Фе.

Так назывался район к северо-востоку от Сан-Диего, известный дорогими отелями, полями для гольфа и поместьями стоимостью в десятки и сотни миллионов долларов.

– Прибавь газа, и мы доберемся туда за полтора часа.

Находясь вдвоем, они чувствовали себя вполне комфортно и не разговаривая. Возможно, потому, что детьми, по отдельности, провели немало времени в учебной комнате. А звукоизоляция в ней была даже лучше, чем в звукозаписывающей студии. Никакие шумы окружающего мира туда не проникали.

В этой поездке молчание Митча разительно отличалось от молчания его старшего брата. Митч напоминал космонавта, который потерял связь с кораблем и барахтается в вакууме, при нулевой силе тяжести.

Энсон же погрузился в раздумья. Его мозг работал с точностью и скоростью хорошего компьютера, анализируя различные варианты.

Они мчались по А-5 уже минут двадцать, когда Энсон неожиданно спросил:

– У тебя не возникало ощущение, что все детство нас держали ради выкупа?

– Если бы не ты, я бы их ненавидел, – ответил Митч.

– Я их иногда ненавижу, – признался Энсон. – Пусть на короткие мгновения, но очень сильно. Они слишком жалкие для долговременной ненависти. С тем же успехом можно всю жизнь ненавидеть Санта-Клауса за то, что он не существует.

– Помнишь, как меня поймали с книгой «Паутина Шарлотты?»¹

– Тебе было почти девять лет. И ты двадцать дней провел в учебной комнате. – Энсон процитировал Дэниэля: – «Фэнтези – дверь в суеверия».

– Говорящие животные, застенчивая свинья, умная паучиха...

– «Разлагающее влияние, – процитировал Энсон, – первый шаг в мир необоснованных и иррациональных верований».

¹ «Паутина Шарлотты» – роман американского писателя Элвина Брукса Уайта (1899–1985), классика американской детской литературы написанный в 1952 году.

Их отец не видел в природе загадочности, воспринимал природу как зеленую машину.
– Лучше бы они нас били, – сказал Митч.
– Гораздо лучше. Синяки, сломанные кости – все это привлекает внимание Службы защиты детей.

Следующую долгую паузу нарушил Митч:

– Конни в Чикаго, Меган в Атланте, Портia в Бирмингеме. Почему мы с тобой по-прежнему здесь?

– Может, нам нравится климат, – пожал плечами Энсон. – Может, мы не думаем, что расстояние лечит. Может, мы чувствуем, что у нас есть незаконченное дело.

Последнее объяснение представлялось Митчу логичным. Он часто думал о том, что скажет родителям, если появится возможность обсудить поставленные ими цели и методы их достижения или жестокость попытки лишить детей веры в чудо.

Следуя указателям, он свернул с автострaды и поехал в глубь материка. Ночные бабочки, словно огромные снежинки, кружили в свете фар, а потом разбивались о ветровое стекло.

Джулиан Кэмпбелл жил за высокой стеной. Два массивных каменных столба, словно часовые, охраняли внушительные чугунные ворота. Кованые виноградные лозы змеились по воротам, «вливаясь» в огромный венок по центру.

– Эти ворота, должно быть, стоят столько же, что и мой дом, – прокомментировал Митч.

– В два раза дороже, – заверил его Энсон.

Глава 24

Слева от ворот в глухую стену встроили будку охранника. Едва «Экспедишн» остановился, открылась дверь, и из нее вышел высокий молодой мужчина в черном костюме.

Его умные глаза лишь на мгновение задержались на Митче, как сканер кассира – на цифровом коде товара.

– Добрый вечер, сэр, – и его взгляд переместился с Митча на Энсона. – Рад вас видеть, мистер Рафферти.

Без единого звука кованые чугунные ворота распахнулись. За ними лежала двухполосная подъездная дорожка, вымощенная плитами из кварцита. Вдоль дороги росли пальмы. Ствол каждой подсвечивался, а кроны образовывали над дорогой полог.

Поместье вызвало у Митча ощущение, что грехи человечества прощены и на Земле вновь появился райский сад.

По подъездной дорожке они проехали четверть мили. С обеих сторон простирались просторные, причудливо подсвеченные лужайки и сады.

– Шестнадцать ухоженных акров, – пояснил Энсон.

– На такой территории должны работать как минимум двенадцать человек.

– Я уверен, что работает не меньше.

Крыша из красной черепицы, стены, выложенные плитами известняка, высокие окна, из которых струился золотистый свет, колонны, балюстрады, террасы: архитектору, похоже, дали карт-бланш, и он оправдал ожидания, создав шедевр. Построенный в итальянском стиле огромный особняк не подавлял размерами, наоборот, казался очень уютным, радушно встречающим гостей.

Подъездная дорожка заканчивалась на площади, в центре которой располагался пруд с фонтаном. Пересекающиеся струи сверкали в ночи. Рядом с прудом Митч и припарковался.

– У этого парня есть лицензия на печатанье денег?

– Он занимается шоу-бизнесом. Кинотеатры, казино, многое другое.

Великолепие поместья и особняка потрясло Митча, но при этом у него появилась надежда. Джулиан Кэмпбелл определенно мог им помочь. Если, уволенный из ФБР после тяжелого ранения, помешавшего продолжить службу, он сумел стать таким богачом, значит,

он действительно знал многое такое, что могло оказаться весьма полезным.

На террасе их приветствовал седовласый мужчина, вылитый дворецкий, он сказал, что его фамилия Уинслоу, и пригласил в дом.

Следом за Уинслоу они пересекли холл, выложенный белым мрамором, с лепным потолком, потом гостиную длиной в восемьдесят и шириной в шестьдесят футов и, наконец, вошли в обшитую панелями красного дерева библиотеку.

На риторический возглас Митча: «Столько книг!» – Уинслоу ответил, что в библиотеке чуть больше шестидесяти тысяч томов, добавил: «Мистер Кэмп-белл будет с вами через минуту», – и отбыл.

Площадью библиотека превышала бунгало Митча и предлагала как минимум с десяток «островков» с диванами и креслами, где гости или хозяева могли полистать приглянувшуюся книгу.

Они сели в кресла напротив друг друга, разделенные кофейным столиком, и Энсон удовлетворенно вздохнул:

- Вот так и нужно жить.
- Если он такой же импозантный, как и особняк.
- Лучше, Микки. Джулиан просто чудо.
- Должно быть, ты у него очень высоко котируешься, раз он сразу же согласился принять нас, в одиннадцатом часу вечера.

Энсон печально улыбнулся:

- Что скажут Дэниэль и Кэти, если я из скромности не приму твой комплимент.
- «Скромность ведет к неуверенности в себе, – процитировал Митч. – Неуверенность в себе – к застенчивости. Застенчивость – синоним робости. Робость характерна для слабаков. Слабаки не наследуют землю¹, они служат тем, кто напорист и знает себе цену».

- Я тебя люблю, маленький брат. Ты – удивительный человек.
- Я уверен, что и ты мог это процитировать. Слово в слово.
- Я не об этом. Ты воспитывался в этом крысином лабиринте, и тем не менее я не знаю большего скромника.

- У меня есть недостатки, – заверил его Митч. – И много.
 - Видишь? Я назвал тебя скромником, и ты так самокритично отреагировал.
- Митч улыбнулся:
- Наверное, я мало чему научился в учебной комнате.
 - Лично для меня учебная комната не была самым худшим, – отметил Энсон. – Что я не смогу стереть из памяти, так это игру «Избавление от стыда».

Кровь бросилась Митчу в лицо.

- «Стыд не имеет общественной пользы. Стыд – признак предрассудков».
- Когда они впервые заставили тебя сыграть в «Избавление от стыда», Микки?
- Думаю, лет в пять.
- И как часто ты в нее играл?
- Наверное, раз пять или шесть.
- Я, насколько помню, прошел через эту игру одиннадцать раз, последний в тринадцать лет.

Митч скорчил гримасу.

- Я помню. Ты играл целую неделю.
- Ходить голым двадцать четыре часа в сутки, тогда как все были одетыми. Отвечать перед всеми на наиболее интимные вопросы, касающиеся личных мыслей, привычек, желаний. Справлять малую и большую нужду в присутствии двух членов семьи, один из которых обязательно сестра, не иметь ни одного мгновения, проведенного в одиночестве. Тебя это избавило от стыда, Микки?
- Посмотри на мое лицо, – ответил Митч.

¹ Здесь Дэниэль, которого цитирует Митч, противопоставляет себя Библии: «А кроткие наследуют землю и наслаждаются множеством мира» (Пс. 36:11).

– От него можно зажигать свечку. – Энсон добродушно рассмеялся: – Черт, ничего мы ему не подарим на День отца².
– Даже флакон одеколона? – спросил Митч.
И этот шуточный диалог корнями уходил в детство.
– Даже горшок с мочой.
– Как насчет мочи без горшка?
– А в чем я ее ему принесу?
– Окружишь любовью и донесешь, – ответил Митч, и они улыбнулись друг другу.
– Я горжусь тобой, Микки. Ты их побил. С тобой у них не получилось так, как со мной.
– А как получилось у них с тобой?
– Они сломали меня, Митч. У меня нет стыда, нет чувства вины. – Из-под пиджака спортивного покроя Энсон вытащил пистолет.

Глава 25

Митч сдержал улыбку, ожидая завершения шутки, к примеру, он не удивился бы, если б пистолет оказался зажигалкой или хитроумным устройством, стреляющим мыльными пузырями.

Если бы соленое море замерзло и сохранило цвет, то ничем не отличалось бы от глаз Энсона. Они оставались чистыми, как всегда, и взгляд по-прежнему был прям, но они приняли оттенок, которого Митч никогда не видел, наверное, даже представить себе не мог, что такое возможно.

– *Два миллиона*. Если на то пошло, – в голосе Энсона слышалась только грусть, без толики злобы, – я бы не заплатил два миллиона для того, чтобы выкупить тебя, так что Холли умерла в тот самый момент, когда ее похитили.

Лицо Митча превратилось в маску, а горло забила каменная крошка, которая не пропускала ни слова.

– Некоторые люди, которых я консультировал, иной раз натывались на варианты, способные принести им крохи, а мне – очень даже много. Не по моей основной работе, потому что эти проекты несли в себе немалую криминальную составляющую.

Митч пытался сосредоточиться, услышать то, что говорил Энсон, но в голове стоял грохот: его представления об одном из самых близких ему людей рушились, как стены дома, съеденного термитами.

– Люди, похитившие Холли, – это команда, которую я собрал для реализации одного из таких проектов. Они получили приличные деньги, но узнали, что моя доля оказалась больше, чем я им говорил, и теперь их обуяла жадность.

Значит, Холли похитили не только потому, что у Энсона хватало денег для выкупа, но и по другой причине, главной причине: Энсон обманул ее похитителей.

– Они боялись выйти прямо на меня. Я представляю собой немалую ценность для некоторых серьезных людей, которые разорвут любого, кто посмеет меня задеть.

Митч предположил, что очень скоро встретится с одним из этих «серьезных людей», но, какую бы угрозу ни представлял для него этот человек, она была смехотворно мала по сравнению с предательством брата.

– По телефону они сказали, что убьют Холли, если я не выкуплю ее, а потом застрелят тебя на улице, как застрелили Джейсона Остина. Тупоголовые младенцы. Они думают, что знают меня, но понятия не имеют, каков я на самом деле. Никто этого не знает.

Митч дрожал всем телом, потому что внутри у него все похолодело, мысли напоминали снежный буран.

– Джейсон, между прочим, входил в их команду. Безмозглый серфингист. Он думал, что его дружки намереваются застрелить собаку, чтобы ты понял серьезность их намерений. Застрелив его, они убедили тебя куда как больше, да еще увеличили долю, которая должна

² День отца – праздничный день, отмечаемый с 1910 г. в третье воскресенье июня.

достаться каждому.

Разумеется, Энсон знал Джейсона так же давно, как Митч. Только, в отличие от младшего брата, все эти годы поддерживал с ним отношения.

– Ты хочешь мне что-нибудь сказать, Митч?

Возможно, другой человек задал бы тысячу злых вопросов, высказал горькие упреки, но Митч сидел как истукан, слишком велико было эмоциональное и интеллектуальное потрясение: там, где раньше бурлила субтропическая природа, воцарилась арктическая пустыня. Новая реальность была для него *Terra incognita*¹, и этот человек, внешне неотличимый от его брата, был не братом, которого он знал всю жизнь, а полнейшим незнакомцем.

Энсон, похоже, принял молчание брата за вызов, возможно, даже за оскорбление. Наклонился вперед, желая увидеть хоть какую-нибудь реакцию. Говорил он все тем же мягким голосом любящего брата, как будто его голосовые связки не могли перестроиться на более резкий тон.

– Чтобы тебе не казалось, что ты значишь для меня меньше, чем Меган, Конни и Портia, я хочу кое-что прояснить. Я не помогал им деньгами. Все это вранье, братец. Я тобой манипулировал.

Поскольку он слишком уж явно ждал ответа, Митч предпочел промолчать.

Человека, заболевшего лихорадкой, может бить озноб, вот и взгляд Энсона оставался ледяным, хотя чувствовалось, что внутри у него все кипит.

– Два миллиона не разорили бы меня, братец. По правде говоря, мое состояние приближается к восьми миллионам.

Митч по-прежнему молчал.

– Яхту я купил в марте. А с сентября я буду давать консультации в море, через спутниковую антенну. Свобода. Я ее заработал, и никому не получить от меня даже двух центов.

Дверь библиотеки закрылась. Кто-то пришел и хотел, чтобы дальнейшее происходило без лишних свидетелей.

Поднявшись с кресла, с пистолетом на изготовку, Энсон еще раз попытался добиться от Митча хоть какой-то реакции.

– Надеюсь, ты найдешь хоть какое-то утешение в том, что для Холли все закончится раньше, чем в полночь с субботы на воскресенье.

Уверенность в себе и грациозность высокого мужчины, который появился в библиотеке, определенно говорили за то, что в его роду были пантеры. Серо-стальные глаза сверкали любопытством, ноздри ловили какой-то ускользающий запах.

Энсон же продолжал, обращаясь к Митчу:

– Меня не будет дома, когда они позвонят завтра в полдень, они не смогут найти меня по мобильнику и поймут, что со мной у них ничего не вышло. Убьют ее, тело где-нибудь спрячут и смоятся.

Уверенный в себе мужчина был в элегантных кожаных туфлях, брюках из черного шелка и серой шелковой рубашке, под цвет глаз. Золотой «Ролекс» сиял на руке, поблескивали отполированные ногти.

– Пытать ее они не будут, – Энсон все говорил. – Это блеф. Скорее всего, даже не изнасилуют перед тем, как убьют, хотя я на их месте, конечно же, изнасиловал бы.

Двое крепких мужчин вышли из-за кресла Митча, взяли его в клещи. Каждый держал в руке пистолет с глушителем, а такие глаза, как у них, человек обычно видел в зоопарке, стоя у клетки с хищником.

– У него оружие под пиджаком, на поясице, – сказал им Энсон. Добавил, уже Митчу: – Я нащупал его, когда обнимал тебя, братец.

Теперь Митч задался вопросом: а почему он сам ничего не сказал Энсону о пистолете, когда они ехали в «Экспедишн» и их не могли подслушать? Возможно, в самых глубоких

¹ Неизвестная земля (лат.).

катакомбах его подсознания таилось недоверие к старшему брату, в котором он не желал себе признаться.

У одного из телохранителей кожа оставляла желать лучшего. Угри покрывали все лицо. Он приказал Митчу встать, и Митч поднялся с кресла.

Другой телохранитель задрал полу пиджака и взял пистолет.

Когда ему велели сесть, Митч повиновался.

Наконец он обратился к Энсону, но сказал только одну фразу:

– Мне тебя жалко.

Сказал правду, но в жалости этой было только сострадание и ни капли нежности, жалость эта граничила с отвращением.

Впрочем, какой бы ни была эта жалость, Энсону она не требовалась. Он сказал, что гордится Микки, потому что тот прошел через родительское горнило и остался самим собой, а вот он сам сломался. То была ложь, испытанный прием манипулятора.

Он гордился свойственными ему хитростью и безжалостностью. Услышав, что Митч жалеет его, он разозлился донельзя, глаза сузились, губы разошлись в злобном оскале.

Словно почувствовав, что Энсон сейчас выстрелит в брата, одетый в шелк мужчина поднял руку, «Ролекс» блеснул в свете ламп:

– Только не здесь.

После короткого колебания Энсон вернул пистолет в плечевую кобуру.

А Митч вдруг вспомнил слова детектива Таггарта, произнесенные им восемью часами раньше. Он не знал, откуда эти слова, не было у него уверенности, что они в полной мере отражают сложившуюся ситуацию, но чувствовал, что обязан произнести их вслух:

– Кровь вопиет ко мне от земли.

На мгновение Энсон и вновь пришедшее трио застыли, как фигуры на картине, в библиотеке воцарилась мертвая тишина, ночь и та замерла за дверьми в сад, а потом Энсон вышел за дверь, телохранители отступили на пару шагов, по-прежнему контролируя каждое движение Митча, мужчина, одетый в шелк, устроился на подлокотнике кресла, в котором только что сидел Энсон.

– Митч, – сказал он, – ты сильно разочаровал своего брата.

Глава 26

Такой золотистый загар Джулиан Кэмпбелл мог приобрести, лишь пользуясь собственным солярием. Рельефная мускулатура говорила о наличии домашнего тренажерного зала и персонального тренера, а гладкое лицо, все-таки Джулиану было за пятьдесят, – личного хирурга.

Рану, которая оборвала его фэбээровскую карьеру, Митч не заметил, как и признаков инвалидности. Триумф Джулиана над физическими недостатками, должно быть, не уступал его экономическим успехам.

– Митч, меня раздражает любопытство.

– Насчет чего?

Вместо ответа Кэмпбелл продолжил:

– Я – человек практичный. Если в моем бизнесе что-то нужно сделать, я это делаю, а потом не страдаю от болей в желудке.

Митч расшифровал его слова просто: Кэмпбелл не позволяет себе мучиться угрызениями совести.

– Я знаю многих, которые делают то, что должны. Практичных людей.

Через тринадцать с половиной часов похитители намеревались позвонить в дом Энсона. Если он, Митч, не сможет снять трубку, Холли умрет.

– Но впервые столкнулся с человеком, который готов пришить собственного брата, чтобы доказать, что здесь он – самый крутой.

– Ради денег, – поправил его Митч.

Кэмпбелл покачал головой:

– Нет. Энсон мог попросить меня проучить этих щенков. Они только думают, что им все дозволено.

Митч понял, что сюрпризы для него не закончились.

– Через двенадцать часов они умоляли бы нас взять деньги за то, что вернут тебе жену в целости и сохранности.

Митч ждал. Ему не оставалось ничего другого, как ждать.

– У этих парней есть матери. Мы сожгли бы дом одной, возможно, разбили бы лицо другой, так, чтобы для восстановления того, что было, потребовался бы десяток пластических операций. Еще у одного есть дочь от бывшей жены. Она ему очень дорога. Мы остановили бы ребенка по пути из школы, раздели бы догола, сожгли одежду. Потом сказали бы папаше: в следующий раз мы сожжем одежду прямо на маленькой Сюзи.

Раньше, по наивности, Митч хотел затянуть Игги в эту историю, чтобы оградить Энсона.

Теперь задавался вопросом: хотел ли он, чтобы других невинных людей избивали, жгли, калечили ради спасения Холли? Может, нужно благодарить бога за то, что ему не предоставили право выбора.

– Если бы за двенадцать часов мы пообщались с десятком их родственников, эти щенки привезли бы твою жену назад, рассыпаясь в извинениях, да еще подарили бы ей сертификат в «Нордстром»¹ на новый гардероб.

Оба телохранителя не спускали глаз с Митча.

– Но Энсон, – продолжил Кэмпбелл, – хочет поставить себя так, чтобы больше никто не недооценивал его. Пусть и не напрямую, он посылает сигнал и мне. Должен сказать... я впечатлен.

Митч не мог позволить им увидеть всю глубину охватившего его ужаса. Они могли предположить, что предельный страх может толкнуть его на безрассудный поступок, и тогда будут наблюдать за ним еще более пристально, чем теперь.

Он понимал, что должен выказывать страх, не просто страх – отчаяние, обреченность. Когда человек чувствует обреченность, он лишается воли к борьбе.

– Вот меня и распирает любопытство, – повторил Кэмпбелл, вернувшись к тому, с чего начал. – Раз уж твой брат хочет так поступить с тобой: что ты ему сделал?

– Любил его, – ответил Митч.

Кэмпбелл посмотрел на него так, как застывшая цапля смотрит на подплывающую рыбу, потом улыбнулся:

– Да, такое возможно. А что, если бы в один из дней он захотел ответить взаимностью?

– Он всегда хотел пойти далеко и попасть туда быстро.

– Сентиментальность – обуза, – вставил Кэмпбелл.

Голосом, который сел от обреченности, Митч ответил:

– Да, это цепь и якорь.

С кофейного столика Кэмпбелл взял пистолет, который один из телохранителей вытащил из-за пояса Митча.

– Ты когда-нибудь из него стрелял?

Митч едва не ответил, что нет, тут же вспомнил, что в обойме недостает одного патрона: Нокс случайно нажал на спусковой крючок и пустил себе пулю в сердце.

– Один раз. Чтобы понять, какие это вызывает ощущения.

На губах Кэмпбелла заиграла улыбка:

– И ощущения пугающие?

– Не то слово.

– Твой брат говорит, что оружие – это не твое.

– Он знает меня лучше, чем я – его.

– Где ты его взял?

¹ «Нордстром» – известная сеть универмагов. Первый открылся в 1901 году.

– Моя жена полагала, что в доме должен быть пистолет.
– Не могу с ней не согласиться.
– Он лежал в ящике прикроватного столика с того самого дня, как мы его купили, – солгал Митч.
Кэмпбелл поднялся. Вытянув правую руку, нацелил пистолет в лицо Митчу:
– Встать.

Глава 27

Глядя в слепой глаз пистолета, Митч выполнил приказ.
Оба безымянных телохранителя сменили позиции, встали так, чтобы при необходимости открыть стрельбу по Митчу, не попав под пули своих.
– Сними пиджак и положи на стол, – последовал следующий приказ Кэмпбелла.
Митч подчинился, потом, в соответствии с третьим приказом, вывернул карманы джинсов. Их содержимое: ключи, бумажник, пару смятых бумажных салфеток – положил на кофейный столик рядом с пиджаком.
Вспомнил себя мальчиком в темноте и тишине. Вместо того чтобы сосредоточиваться на уроке, которому должно было научить его заточение, он вел воображаемые разговоры с паучихой Шарлоттой, свиньей Уилбуром, крысой Темплтоном. Тем самым он наиболее близко подходил к тому, чтобы бросить кому-то вызов: с тех пор такого не повторялось.
Он сомневался, что эти люди застрелят его прямо в доме. Даже оттертая и более невидимая нево-оруженным глазом, кровь оставляла белковый след, который могли выявить специальные реактивы.
Один из телохранителей взял со столика пиджак Митча, обыскал карманы, нашел только сотовый телефон.
– Как вы, бывший герой ФБР, дошли до такого? – спросил Митч хозяина дома, который не спускал с него глаз.
Изумление лишь на короткий миг отразилось на лице Кэмпбелла.
– Этой сказочкой Энсон заманил тебя сюда? Джулиан Кэмпбелл – герой ФБР?
Хотя телохранители определенно были не из смешливых, один, с гладкой кожей, все-таки хохотнул, а второй улыбнулся.
– И вы, наверное, зарабатываете деньги не в шоу-бизнесе, – добавил Митч.
– В шоу-бизнесе? Возможно, это и справедливо, – признал Кэмпбелл. – Только шоу-бизнес – понятие очень уж растяжимое.
Прыщавый телохранитель достал из кармана сложенный мешок для мусора. Расправил его, раскрыл.
– И вот что еще, Митч, – продолжил Кэмп-белл, – если Энсон сказал тебе, что эти два джентльмена собираются принять обеты священников, должен тебя предупредить, они не собираются.
Телохранители вновь улыбнулись.
Прыщавый засунул в мешок пиджак спортивного покроя, сотовый телефон, другие вещи, лежавшие на кофейном столике. Прежде чем бросить в мешок бумажник, достал из него деньги и протянул Кэмпбеллу.
Митч остался на ногах, ждал.
Все трое заметно расслабились. Теперь они точно знали, с кем имеют дело.
Он был братом Энсона, но только по крови. Он был дичью, а не охотником. Они знали: он может только подчиняться, сопротивления не окажет. Уйдет в себя. Со временем начнет просить о пощаде.
Они знали его, знали таких, как он, и телохранитель, после того, как уложил вещи Митча в мешок, достал наручники.
Прежде чем Митча попросили вытянуть руки перед собой, он сделал это сам.
Телохранитель, который держал наручники, замялся, Кэмпбелл пожал плечами, после

чего наручники защелкнулись на запястьях Митча.

– Ты, похоже, устал, – сказал Кэмпбелл.

– Ужасно устал, – подтвердил Митч.

Кэмпбелл положил пистолет на кофейный столик.

– Такое случается.

Митч не стал проверять прочность наручников. Запястья они держали крепко, цепь между ними была короткой.

Кэмпбелл тем временем пересчитал сорок один доллар, которые телохранитель достал из бумажника Митча. Когда он заговорил, в голосе даже появились мягкие нотки:

– Ты, возможно, даже заснешь по пути.

– Куда мы поедем?

– Я знал одного парня, который проспал всю ночь в такой вот поездке. Было даже жалко будить его, когда мы прибыли на место.

– Вы поедете? – спросил Митч.

– Нет, давно уже не ездил. Я останусь здесь, с моими книгами. У тебя все будет хорошо. В конце концов, у всех все становится хорошо.

Митч посмотрел на стеллажи.

– Вы какие-то прочитали?

– Исторические. История зачаровывает меня, обожаю читать о том, что на ее примерах никто ничему не учится.

– А вас она чему-нибудь научила?

– Я и есть история. То, чему никто не хочет учиться.

Пальцы Кэмпбелла, ловкие, словно у фокусника, легко, без лишних движений, убрали деньги Митча в бумажник.

– Эти господа отведут тебя в автомобильный павильон. Не через дом, через сад.

Митч предположил, что прислуга, ночные горничные, дворецкий, возможно, не знали о тех делах, которыми занимался Кэмпбелл, или прикидывались, что не имеют о них ни малейшего понятия.

– Прощай, Митч. Все у тебя будет хорошо. И скоро. Но ты, возможно, успеешь подремать по пути.

Пристроившись к Митчу с двух сторон, держа его под руки, телохранители повели его через библиотеку к дверям в сад. Прыщавый, он шел справа, вдавил ствол пистолета Митчу в бок, не сильно, как напоминание.

Прежде чем переступить через порог, Митч оглянулся и увидел, что Кэмпбелл уже стоит у стеллажа, разглядывает названия книг на одной из полок.

Вероятно, выбирал, что же ему почитать на сон грядущий. А может, и не на сон. Пауки не спят, так же как и история.

Терраса, ступени, еще терраса, телохранители не позволяли Митчу сбавить шаг.

Луна утонула в плавательном бассейне, бледная, как призрак.

По садовым дорожкам, под кваканье лягушек, по просторной лужайке, через рощицу эвкалиптов с серебристыми листьями, кружным путем они вышли к большому, но элегантному зданию, по периметру которого росли декоративно подстриженные, подсвеченные кусты жасмина.

Телохранители продолжали энергично вести Митча к цели.

Он же глубоко вдыхал сладкий аромат жасмина.

В павильоне стояли восстановленные автомобили 1930-х и 1940-х годов – «Бьюики», «Линкольны», «Паккарды», «Кадиллаки», «Понтиаки», «Форды», «Шевроле», «Кайзеры»¹,

¹ «**Кайзеры**» – автомобили, выпускаемые промышленной корпорацией Генри Джона Кайзера (1882–1967), который гораздо больше известен тем, что организовал конвейерное производство грузовых судов типа «Либерти» с рекордным сроком строительства – четыре с половиной дня от закладки до спуска на воду. Наиболее известны модели «Кайзер Манхэттен» и «Кайзер Вирджиния».

студебеккеры¹, даже «Такер торпидо»². Как драгоценные камни на ярко освещенных пяточках.

Автомобилей, находящихся в повседневном использовании, здесь не было. Очевидно, приведя его в главный гараж, телохранители рисковали столкнуться с кем-то из обслуживающего персонала.

Прыщавый сунул руку в карман, достал ключи, открыл багажник темно-синего «Крайслера Виндзор» конца 1940-х годов. «Залезай».

Здесь его не пристрелили по той же причине, что и в библиотеке. Там не хотели пачкать пол, тут опасались повредить коллекционный экземпляр.

Багажник был куда просторнее, чем в современных автомобилях. Митч улегся на бок, в позе зародыша.

– Ты не сможешь открыть багажник изнутри, – предупредил прыщавый. – В те дни о безопасности детей так не заботились³.

– Мы поедem сельскими дорогами, где никто тебя не услышит, – добавил его напарник. – Поэтому, как бы ты ни шумел, толку от этого не будет.

Митч промолчал.

– Но нас это разозлит, – предупредил прыщавый. – И тогда по прибытии на место тебе достанется сильнее, чем могло бы.

– Я этого не хочу, – ответил Митч.

– Кто ж захочет? – пожал плечами прыщавый.

– Лучше бы вам не пришлось это делать.

– Теперь уже ничего не изменишь, – подал голос напарник прыщавого.

Свет падал на них сзади, так что лица телохранителей нависали над Митчем затененными овалами. Тем не менее он разглядел, что на одном читалось полнейшее безразличие, а на втором презрение.

Они захлопнули багажник, оставив Митча в абсолютной темноте.

Глава 28

Холли лежит в темноте, молясь о том, чтобы Митч остался в живых.

За себя она боится меньше, чем за него. Похитители при ней постоянно носят лыжные маски, и она полагает, что они не стали бы скрывать свои лица, если бы собирались ее убить.

Маски они носят не потому, что такая мода. Никто не выглядит красавцем в лыжной маске.

Если ты урод, как Призрак оперы, тогда, возможно, у тебя может возникнуть желание носить лыжную маску. Но теория вероятностей не допускает, чтобы все четверо были отвратительными уродами.

Разумеется, даже если они и не собираются причинять ей вреда, действительность может разойтись с их планами. В критический момент ее могут случайно застрелить. Или события заставят похитителей поступить с ней не так, как намечалось.

Прирожденная оптимистка, Холли с детства верила и верит, что жизнь имеет смысл и не закончится до того, как человек найдет свое предназначение. Вот Холли и не верит, будто что-то может пойти не так. Не сомневается, что ее освободят, целой и невредимой.

Она верит, что можно реализовать будущее, придумывая его себе. Нет, конечно, она не может стать знаменитой актрисой, представляя себя получающей «Оскара». Упорная работа,

¹ Студебеккеры – в России больше известны грузовики этой марки, но компания до 1965 года производила и легковые автомобили (наиболее известные модели: «Старлайнер» и «Аванти»).

² «Такер торпидо» – быстроходный, надежный и долговечный автомобиль, разработанный в 1948 г. Престоном Такером. Однако фирма «Такер корпорейшн» разорилась, не выдержав жесткой конкуренции, произведя только 49 автомобилей.

³ Замки багажников современных моделей, продаваемых в США, должны снабжаться устройством, позволяющим открывать их изнутри. Сделано это, прежде всего, потому, что в багажнике, играя, может закрыться ребенок.

трудолюбие, а не одни лишь желания обеспечивают продвижение по карьерной лестнице.

В любом случае она не хотела становиться знаменитой актрисой. Ей пришлось бы проводить много времени со знаменитыми актерами, а от большинства нынешних знаменитостей просто трясет.

Освободившись, она намеревается есть марципаны, шоколадное мороженое и картофельные чипсы до тех пор, пока ей не станет стыдно или дурно. Она не блевала с детства, но на свободе даже рвота является признаком жизни.

Освобождение она намеревается отпраздновать походом в «Детский стиль», этот магазинчик в торговом центре, и купить огромного плюшевого медведя, которого видела в витрине, недавно проходя мимо. Такого белого, пушистого, милого.

Даже девочкой-подростком она любила плюшевых медведей. А теперь один ей просто необходим.

Освободившись, она собирается потрахаться с Митчем. Да так, что потом у него будет такое ощущение, будто по нему проехал поезд.

Что ж, не очень романтический образ. Николас Спаркс¹, книги которого расходятся миллионными тиражами, такого не напишет.

«Она занималась с ним любовью всеми фибрами своего существа, душой и телом, и когда, наконец, страсть их иссякла, он распластался на кровати, словно бросился под колеса локомотива».

Представлять себя автором бестселлеров не стоит и пытаться, потеря сил и времени. К счастью, она ставит перед собой другую цель: продавать недвижимость.

Вот она и молится, чтобы ее прекрасный муж выжил в этом кошмаре. Он физически прекрасен, но самое прекрасное в нем – его нежное сердце.

Холли любит его за нежное сердце, за мягкость, но тревожится, что некоторые особенности характера Митча, скажем, пассивное принятие того, с чем сталкивает его жизнь, приведут к гибели.

Он не лишен силы, в нем есть железный стержень, который иногда, очень незаметно, но дает о себе знать. Без этого его бы раздавили вырожденки-родители. Без этого Холли не позволила бы ему привести ее к алтарю.

Вот она и молится, чтобы он оставался сильным, оставался живым.

Молясь, размышляя о похитителях, обжорстве, блевотине и больших плюшевых медведях, она не оставляет попытки вытащить из половицы гвоздь. Она всегда славилась умением заниматься несколькими делами сразу.

Половицы нестроганные. Холли подозревает, что они еще и очень толстые, а потому гвозди более длинные, чем в обычных половицах.

У гвоздя, который ее интересует, большая плоская шляпка. Размер шляпки говорит о том, что гвоздь достаточно длинный, чтобы сойти за шпильку.

В кризисной ситуации шпилька может послужить оружием.

Плоская шляпка не утоплена в дерево. Она возвышается над половицей где-то на шестнадцатую часть дюйма. Зазор невелик, но она все-таки может ухватиться за шляпку и раскачивать гвоздь из стороны в сторону. Хотя гвоздь не шевелится, одно из достоинств Холли – терпение. Она будет раскачивать гвоздь, будет представлять себе, как он начинает шататься, и в конце концов вытащит его из половицы.

Как же ей хочется, чтобы у нее были накладные акриловые ногти. Они так красиво выглядят, и, когда она станет агентом по продаже недвижимости, они у нее обязательно будут. С хорошими акриловыми ногтями ей было бы проще управляться со шпилькой.

С другой стороны, они ломаются и трескаются куда быстрее и при меньших нагрузках, чем те ногти, которые получены от природы. Если б у нее, Холли, были накладные акриловые ногти, возможно, они сильно ограничили бы ее возможности.

¹ **Спаркс Николас** – известный американский писатель, один из немногих представителей сильного пола, добившихся успеха в жанре дамского романа. Первый роман, «Блокнот», опубликован в 1996 г. Двенадцатый, «Дорогой Джон», появился на прилавках в октябре 2006 г.

В идеале в момент похищения хотелось бы иметь акриловые ногти на левой руке и натуральные на правой. И еще стальные зубы во рту.

Наручник охватывает ее правую лодыжку. Короткая цепь тянется к кольцу, ввинченному в пол. Второй наручник зацеплен за кольцо. Поэтому руки у нее свободные, и она может вытаскивать пока еще не поддающийся ее усилиям гвоздь.

Похитители в какой-то степени позаботились о ее удобствах. Дали надувной матрас, чтобы лежать на нем, а не на полу, упаковку с шестью бутылками воды, горшок. Недавно принесли ей половину пиццы с сыром и перчиками.

Все это не говорит о том, что они – милые люди. Они совсем не милые люди.

Когда захотели, чтобы Митч услышал, как пленница кричит, ударили ее. Когда захотели, чтобы Энсон услышал то же, внезапно дернули за волосы, да так сильно, что она уже распрощалась со скальпом.

Хотя это не те люди, которых можно встретить в церкви, они не получают от жестокости удовольствия. Они – зло, но у них есть деловая цель, вот они к ней и движутся.

Один из них злобный и *безумный*.

Этот тревожит ее больше всего.

Они не посвятили ее в свои планы, но Холли понимает, что они похитили ее, чтобы через Митча чего-то добиться от Энона.

Она не знает, почему они думают, что Энсон найдет деньги на выкуп, но ее не удивляет, что в центре всего этого водоворота стоит Энсон. Она давно уже чувствовала, что все видят не того Энона, какой он на самом деле.

Изредка она перехватывает его брошенные на нее взгляды, а любимому брату мужа так смотреть негоже. Когда он понимает, что его разоблачили, хищная похоть исчезает под привычным обаянием, да так быстро, что поневоле задумываешься, а не привиделось ли тебе все это.

Иногда, когда он смеется, смех этот кажется ей искусственным. Но в этом она одинока. Остальные находят смех Энона заразительным.

Она ни с кем не делилась сомнениями насчет Энона. Пока она не встретила Митча, у него были только сестры (они разлетелись по всем сторонам света), брат и страсть к земле, желание работать с растениями. Она всегда стремилась к тому, чтобы обогатить его жизнь, и ничего не собиралась у него отнимать.

Она абсолютно доверяет могучим рукам Митча и, попав в них, мгновенно засыпает безо всяких сновидений. В каком-то смысле в этом и состоит супружеская жизнь (когда всем довольны и муж, и жена): полнейшее доверие сердца, души, разума.

Но, зная, что ее судьба в руках Энона, она, возможно, совсем не уснет, а если и уснет, то ей будут сниться кошмары.

Она расшатывает, расшатывает, расшатывает гвоздь, пока пальцы не начинают болеть. Тогда она берется за шляпку двумя другими пальцами.

В темноте и тишине минуты текут, и она старается не думать о том, как день, начавшийся так радостно, мог превратиться в такой вот кошмар. После того, как Митч ушел на работу, и прежде чем на ее кухню ворвались люди в масках, она использовала один предмет, который купила вчера, но до утра слишком нервничала, чтобы пустить его в дело. Задержка месячных составляла уже девять дней, и, согласно тесту на беременность, она ждала ребенка.

Уже год она и Митч на это надеялись. И вот надо же, узнать об этом в такой день.

Похитители не знают, что в их руках две жизни, и Митч не знает, что от его хитрости и храбрости зависит спасение не одной жизни, а двух, но Холли *знает*. И знание это одновременно и радость, и душевная боль.

Она представляет себе трехлетнего ребенка (иногда девочку, иногда мальчика), играющего во дворе их дома, смеющегося. Она представляет ребенка более ярко, чем что-либо еще, в надежде, что все так и будет.

Она говорит себе, что будет сильной, что не заплачет. Она не рыдает, не нарушает

тишину, но, случается, слезы приходят.

Чтобы остановить горячий поток, она с еще большим рвением набрасывается на гвоздь, этот упрямый чертов гвоздь, в ослепляющей тьме.

После долгого-долгого периода тишины она слышит удар: упало что-то полое и металлическое.

Напрягшись, ждет, но удар не повторяется. И какие-либо другие звуки не раздаются.

Удар этот что-то ей напоминает. Что именно, она вспомнить не может, однако интуиция говорит: ее судьба подвешена на этом ударе.

Она может воспроизвести звук по памяти, но поначалу не может связать его с источником.

Какое-то время спустя начинает подозревать, что звук этот не настоящий, а плод ее воображения. То есть прозвучал он в ее голове, а не за стенами этой комнаты. Странная идея, но настойчивая.

Потом она вспоминает источник этого звука, действительно, она же слышала его сотни раз, хотя тогда он не вызывал зловещих ассоциаций, и внутри у нее все леденеет. Звук этот – удар захлопывающейся крышки багажника автомобиля.

Да, да, кто-то захлопнул крышку багажника, то ли в реальности, то ли в ее воображении, но мороз пробрал ее до мозга костей. Она сидит выпрямившись, забыв про гвоздь, затаив дыхание, и лишь через какие-то мгновения медленно выпускает из легких застоявшийся воздух, чтобы так же медленно вдохнуть.

Часть II

Ты умрешь ради любви? Убьешь?

Глава 29

В конце 1940-х, если у тебя был «Крайслер Виндзор», ты знал, что двигатель в автомобиле большой, потому и работал он, как большой. В шуме двигателя слышалось биение сердца быка, его яростное фырканье, тяжелый стук копыт.

Война закончилась, ты выжил, большая часть Европы лежала в руинах, но родная страна осталась нетронутой, и тебе хотелось *чувствовать*, что ты жив. Тебе не требовалась звуковая изоляция двигательного отсека. Тебе не требовались технические штучки, уменьшающие шум двигателя. Ты хотел получить мощь, габариты, скорость.

Вибрация двигателя передавалась в багажник через корпус и каркас. А шум усиливался и затихал в полном соответствии со скоростью движения автомобиля.

Митч ощущал запах выхлопных газов, возможно, прохутился глушитель, но, похоже, угроза задохнуться избытком окиси азота над ним не висела. Куда более сильными были запах резинового коврика, на котором он лежал, и собственного пота.

Хотя в багажнике было так же темно, как и в учебной комнате в доме родителей, в остальном эта учебная комната на колесах не отсекала информационного потока, который воспринимался органами чувств. И однако, по мере того как позади оставались миля за милей, Митч начал усваивать один из величайших уроков своей жизни.

Его отец говорит, что мы рождаемся вовсе не для того, чтобы понять естественный закон жизни. С его материалистической точки зрения, мы должны вести себя не согласно какому-либо кодексу, а исключительно исходя из собственных интересов.

Рациональность всегда в интересах человека, говорит Дэниэль. Таким образом, любой рациональный поступок – правильный, хороший и достойный восхищения.

В философии Дэниэля зла не существует. Кража, изнасилование, убийство невинного – эти и другие преступления всего лишь иррациональны, потому что тот, кто их совершает, ставит под угрозу собственную свободу.

Дэниэль признает, что уровень иррациональности зависит от шансов преступника

избежать наказания. Таким образом, те иррациональные поступки, которые принесли нужный результат и имели для преступника исключительно положительные последствия, могут быть правильными и достойными восхищения, пусть и не приносящими пользы обществу.

Воры, насильники, убийцы и им подобные могут исправиться благодаря психотерапии и реабилитации, а могут и не исправиться. В любом случае, говорит Дэниэль, они – не зло, они – иррационалисты (которые могут вернуться, а могут и не вернуться в лоно рационализма), и ничего больше.

Митч думал, что все эти постулаты отскакивали от него, как горох от стены, что его не спалил огонь учения Дэниэля Рафферти. Но огню свойствен дым, и сын слишком уж долго коптился в фанатизме отца, вот часть этого дыма все-таки в него и проникла.

Он мог видеть, но был слеп. Он мог слышать, но был глух.

В этот день, в эту ночь Митч лицом к лицу сошелся со злом. И зло это было таким же реальным, как камень.

Хотя к иррациональному человеку следует отнестись с состраданием, следует попытаться направить его на путь истинный с помощью психотерапии, злему можно дать только отпор, обрушиться на него со всей яростью праведного гнева.

В библиотеке Джулиана Кэмпбелла, когда один из телохранителей достал наручники, Митч тут же вытянул руки перед собой. Не стал ждать приказа.

Если бы он не казался сломленным, кротким и покорным судьбе, они могли бы сцепить руки у него за спиной. В таком случае потребовалось бы гораздо больше усилий, чтобы достать револьвер из кобуры на лодыжке, а уж точно выстрелить просто бы не удалось.

Кэмпбелл даже отметил усталость Митча, правда, он имел в виду усталость разума и сердца.

Они думали, что знают таких людей, каким был Митч, и, скорее всего, знали. Но они не знали, каким человеком он мог стать, когда на кону стояла жизнь его жены.

Удивленные тем, что он не умел обращаться с пистолетом, который у него забрали, они представить себе не могли, что у Митча имеется еще и револьвер. Не только хорошие люди разочаровываются в своих ожиданиях.

Митч подтянул штанину джинсов и достал револьвер, отцепил кобуру, отбросил ее.

Ранее он проверил оружие и не нашел предохранитель. В кино у некоторых моделей пистолетов предохранители были, у револьверов – никогда.

Если бы ему удалось прожить два следующих дня и вернуть Холли, он бы никогда больше не позволил поставить себя в такое вот положение.

Первый раз откинув барабан, он обнаружил, что гнезд, и соответственно патронов, пять, а не шесть, как он ожидал.

И от него на пять выстрелов требовалось два точных попадания, которые несли с собой смерть, а не легкое ранение.

Багажник мог открыть только один из телохранителей Кэмпбелла. Но лучше бы их было двое, тогда Митч мог застать врасплох их обоих.

Оба могли подойти к багажнику с оружием на изготовку или только один. Если один, Митчу пришлось бы ориентироваться достаточно быстро, чтобы начать именно с него.

Мирный человек готовился к тому, чтобы применить силу, и, естественно, его осаждали мысли, которые только мешали: *«Будучи подростком, телохранитель с угрями на лице страдал от насмешек окружающих, вот и пошел по кривой дорожке»*.

Сочувствие к дьяволу – мазохизм в лучшем случае. Смертный приговор сочувствующему – в худшем.

Какое-то время, подпрыгивая на ухабах, вибрируя в такт мощного двигателя, Митч представлял себе, к чему может привести насилие после того, как откроется крышка багажника. Потом постарался не представлять.

Согласно его светящимся часам, они ехали по шоссе чуть больше тридцати минут, а потом свернули на грунтовую дорогу. Маленькие камушки, вылетая из-под колес,

забарабанили по днищу.

Он чувствовал пыль, слизывал с губ солончаковый вкус, но воздуха хватало, Митч не задыхался.

Через двенадцать минут, по грунтовке они ехали с небольшой скоростью, автомобиль медленно остановился. Двигатель еще работал с полминуты, потом водитель выключил его.

После сорока пяти минут грохота внезапная тишина оглушала.

Открылась одна дверца, потом вторая.

Они шли к багажнику.

Устроившись лицом к заднему бамперу, Митч расставил ноги, уперся ступнями в задний борт. Он не мог сесть, пока не поднялась крышка, вот и ждал, согнувшись, прижимаясь к ней головой, словно на занятиях в гимнастическом зале пытался достать пальцами мысков.

Из-за наручников револьвер приходилось держать двумя руками, но, возможно, пользы от этого было больше, чем вреда.

Шагов Митч не слышал, только гулкие удары своего сердца, но удары эти перекрыл звук поворачивающегося в замке ключа.

Перед мысленным взором мелькал образ Джейсона Остина, получившего пулю в голову, мелькал и мелькал, будто один и тот же кадр фильма: пуля попадает в голову Джейсона, череп разлетается, пуля попадает в голову Джейсона, череп разлетается...

Когда крышка багажника откинулась, Митч осознал, что лампочки, которая зажигалась бы автоматически, в багажнике нет, и начал распрямлять спину, одновременно вытягивая руки с револьвером перед собой.

Полная луна расплескала молоко, подсветив двух телохранителей.

Глаза Митча адаптировались к темноте, их нет. Он сидел в темноте, они стояли в лунном свете. Они полагали его смирным, сломленным, беспомощным, а он таким не был.

Первый раз он надавил на спусковой крючок неосознанно, но почувствовал отдачу, увидел дульную вспышку, услышал, как пуля попала в цель, и тут же нажал на спусковой крючок вторично.

Два выстрела в упор вышибли один силуэт из залитой лунным светом ночи.

Второй силуэт попятился от автомобиля, и Митч, повернувшись к нему, еще трижды нажал на спусковой крючок, выпустив во второго телохранителя три пули.

При следующем нажатии ударник вошел в контакт с бойком, но выстрела не последовало, и Митч напомнил себе: *«В барабане только пять патронов. Только пять!»*

Ему нужно выбираться из багажника. Без патронов он – рыба в бочке. Выбираться. Выбираться из багажника.

Глава 30

Слишком быстро поднявшись, Митч ударился головой о крышку багажника, чуть не рухнул обратно, но по инерции смог все-таки перевалиться через задний борт.

Его левая нога ступила на твердую землю, но правая угодила на получившего две пули телохранителя. Он покачнулся, вновь наступил на тело, оно сдвинулось, и Митч упал.

Откатился от лежащего к краю дороги. Его остановила зеленая изгородь из кустов мескаля, который он узнал по масляному запаху.

Револьвер он потерял. Значения это не имело. Патронов в нем не осталось.

Лунный свет заливал узкую грунтовую дорогу, кусты, земляную обочину, булыжники.

Сверкающий хромом «Крайслер Виндзор» в этом свете казался пришельцем из будущего, попавшим в какой-то примитивный мир, космическим кораблем с далеких звезд. Водитель выключил фары одновременно с двигателем.

Телохранитель, на которого Митч наступил дважды, вылезая из багажника, не вскрикнул. Не дернулся, не схватил Митча. Скорее всего, умер.

Возможно, второй тоже был мертв. Вылезая из багажника, Митч потерял его из виду.

Если хотя бы одна из трех последних пуль угодила в него, ему предстояло стать сытным обедом для стервятников.

На дороге хватало песка, состоящего в основном из кремния. Из кремния выплавляли стекло, из стекла изготавливали зеркала. Так что узкая дорога отражала свет лучше, чем растительность или окружающая дорогу земля.

Распластавшись на дороге, Митч осторожно поднял голову. Второго тела на дороге не увидел.

Если бы он не ранил второго телохранителя, тот наверняка уже бросился бы в атаку и расстрелял Митча в тот самый момент, когда он выбирался из багажника «Крайслера».

А вот раненный он мог затаиться в кустах или за большим валуном. Мог быть где угодно, возможно, перевязывал рану, обдумывая дальнейшие действия.

Телохранитель мог злиться, но наверняка не испытывал страха. Насилие являлось составной частью его жизни. Он был социопатом. Испугать такого очень даже непросто.

А вот Митч боялся человека, укрывшегося в ночи. Он боялся даже того, что лежал на дороге у заднего бампера «Крайслера».

И пусть этот парень почти наверняка умер, он все равно пугал Митча. Ему не хотелось приближаться к нему.

Но ему приходилось делать именно то, чего делать он не хотел, потому что у этого сукиного сына, умер он или всего лишь потерял сознание, было оружие. Митчу требовалось заполучить оружие. И быстро.

Он только что узнал, что способен на насилие. Пусть и в пределах самообороны, но его поразила калейдоскопическая быстрота событий, следовавших за первым выстрелом, скорость, с которой следовало принимать решения, новые трудности, возникавшие одна за другой. На дальней стороне дороги второй телохранитель мог укрыться за кустами или за несколькими валунами. Если ветерок и дул с моря, то на таком расстоянии от берега пустыня целиком засасывала его в себя. Так что листву могла шевелить рука только человека, но никак не природы.

Но в лунном свете Митч не улавливал ни малейшего движения. Все листочки застыли.

Понимая, что движение выдаст и его, со скованными руками, Митч на животе пополз к телохранителю, лежащему у заднего бампера.

В его открытых и немигающих глазах монетками застыл лунный свет.

Около тела в этом свете поблескивало что-то знакомое и металлическое. Митч уже протянул руку, но тут же понял, что на дороге лежит ставший бесполезным его револьвер.

Обеими руками, соединенными короткой цепью, он принялся ощупывать тело. Одной рукой угодил во что-то теплое и мокрое. К горлу подкатила тошнота, по телу пробежала дрожь, он вытер руку об одежду мертвеца.

И когда уже пришел к выводу, что убитый им телохранитель вышел из «Крайслера» без оружия, наткнулся на рифленую рукоятку пистолета, которая торчала из-под трупа. Вытащил пистолет.

Раздался выстрел. Мертвец дернулся, получив пулю, которая предназначалась Митчу.

Он бросился к «Крайслеру» и услышал второй выстрел, услышал свистящий звук пролетающей совсем рядом смерти, услышал, как пуля ударила в автомобиль и отлетела в сторону, не пробив толстого металла. Услышал еще какой-то свист, словно одним выстрелом оставшийся в живых телохранитель выпустил две пули, но, скорее, тут Митчу что-то прислышалось.

Поскольку теперь автомобиль находился между ним и стрелком, Митч почувствовал себя в большей безопасности, однако ощущение это тут же испарилось, как дым.

Стрелок мог обойти «Крайслер» как спереди, так и сзади. Право выбора оставалось за ним, как и момент начала активных действий.

Митчу же одновременно предстояло контролировать два направления. Задача невыполнимая.

А враг мог появиться в любой момент.

Митч поднялся с земли и, согнувшись в три погибели, метнулся от автомобиля, прочь с дороги, в заросли мескаля, которые затрещали, выдавая его местонахождение.

За обочиной начинался уходящий вниз склон. Митч считал это добрым знаком. Если бы склон поднимался, он оказался бы на виду у противника, а его широкая спина стала бы удобной мишенью с того самого момента, как оставшийся в живых телохранитель показался бы из-за «Крайслера».

Повезло ему и в том, что почва на склоне была твердой и песчаной, то есть он не попал на камни, которые выскальзывали бы из-под ног и катились вниз с предательским шумом. Луна освещала ему путь, поэтому он лавировал между кустами, а не ломился сквозь них. Удержаться на ногах удавалось не без труда, поскольку скованные руки не способствовали сохранению равновесия.

Миновав тридцатифутовый склон, Митч повернул направо. С учетом положения луны вроде бы двинулся на запад.

Стрекотали цикады. Кричала какая-то незнакомая птица.

Он наткнулся на островки высокой травы, которая доходила ему до пояса. Островки не контактировали друг с другом, ревностно оберегая свои границы, так что Митчу пришлось лавировать и между ними. Сухие травинки царапались, кололи, как иглы, даже резали. Углубившись на территорию островков, Митч присел и оглянулся. Никто его не преследовал.

Долго скрываться в траве он не собирался. Уязвимую позицию у автомобиля покинул лишь для того, чтобы выгадать пару минут и обдумать сложившуюся ситуацию.

Он понимал, что оставшийся в живых телохранитель не уедет на «Крайслере». Джулиан Кэмпбелл не относился к тем боссам, которым докладывали о неудаче, рассчитывая сохранить работу или жизнь.

Кроме того, такие люди обожали охоту на человека, а Митч показал себя опасной дичью. Так что охотником должна была руководить не только жажда насилия, благодаря которой он и подписался на такую работу, но гордость и желание отомстить за напарника.

И Митч не мог пойти на то, чтобы затаиться до зари или убежать. У него не было ни малейшего желания вступать в смертельную схватку с профессиональным убийцей, но он слишком хорошо понимал, каковы будут последствия ухода от этой схватки.

Если бы второй телохранитель выжил и доложил о случившемся Кэмпбеллу, информация о том, что он, Митч, целехонек и на свободе, рано или поздно попала бы к Энсону. И Митч потерял бы шанс застать старшего брата врасплох.

Скорее всего, Кэмпбелл не рассчитывал получить отчет о выполнении порученного дела этой ночью. Возможно, он даже не ждал возвращения своих прислужников раньше второй половины следующего дня.

Скорее, Кэмпбелл хватился бы «Крайслера Виндзор», а не телохранителей. Вполне возможно, что этот автомобиль он полагал одной из жемчужин своей коллекции.

Митчу требовалось застать старшего брата врасплох, требовалось оказаться в его доме к полудню следующего дня, чтобы ответить на звонок похитителей. Холли находилась в еще более опасном положении, чем прежде.

Он не мог прятаться, а его враг не стал бы. Хищнику и дичи (кем бы кто ни оказался) предстояла смертельная схватка.

Глава 31

Затаившись в траве, Митч вспоминал грохот двух выстрелов, посвист пуль, которые едва не достались ему, когда он вытаскивал пистолет из-под трупы.

Если бы у его противника пистолет был с глушителем, как в библиотеке, выстрелов он бы просто не услышал.

В столь пустынном месте стрелок наверняка не боялся привлечь к себе ненужное внимание, но снял глушитель не потому, что ему нравился грохот выстрелов. Причина, конечно же, была иная.

Глушители, скорее всего, запрещены законом. Они позволяют убивать без шума. И использовались зачастую там, где выстрел мог вызвать подозрения, скажем, в особняке, где не приходилось рассчитывать на благонадежность всего обслуживающего персонала.

Логика быстро привела Митча к надлежащему выводу: глушитель шел в ход лишь при стрельбе с очень близкого расстояния, потому что *он существенно уменьшал точность стрельбы*.

Если ты стоял вплотную к пленнику в библиотеке или заставил его опуститься перед тобой на колени в пустынном месте, пистолет с глушителем принес бы желаемый результат в обоих случаях. Но если расстояние до цели составляло двадцать, а то и тридцать футов, глушитель, возможно, настолько снижал вероятность попадания, что было проще запустить в цель пистолетом.

Посыпались мелкие камни.

Звук донесся справа. Повернувшись на него, Митч чуть приподнялся.

В пятидесяти футах от него второй телохранитель сидел на корточках, словно горбатый тролль. Ждал, пока окончательно затихнет вызванный его неловким движением шум.

Даже неподвижный, телохранитель не мог сойти за большой валун. Он привлекал к себе внимание, потому что оказался на широкой полосе начисто лишенной растительности солончаковой земли, которая блестела под луной.

Если бы Митч не укрылся в траве, если бы продолжил продвижение на запад, он бы встретился с телохранителем на открытой местности, лицом к лицу, прямо-таки как в вестернах.

Поначалу Митч решил подождать, не меняя позиции, и начать стрелять после того, как телохранитель подойдет ближе.

Но интуиция подсказала, что такие вот заросшие высокой травой или кустами участки в наибольшей степени интересуют стрелка. Тот ожидал, что Митч будет прятаться, и, конечно же, приближался бы к траве с максимальной осторожностью.

Митч не знал, что и делать, потому что пока преимущество определено было на его стороне. Он мог стрелять из укрытия, тогда как тролль был на виду. Он еще ни разу не выстрелил из этого пистолета, а тролль уже растратил два патрона.

Запасная обойма. Будучи профессионалом, телохранитель не мог не иметь запасной обоймы.

Митч понимал, что телохранитель, если и направится в сторону заросшего травой участка, где он прятался, постарается принять необходимые меры предосторожности, чтобы не стать мишенью.

А если бы Митч выстрелил и промахнулся – из-за расстояния, плохого освещения, недостатка практики, ответил бы прицельным огнем.

Трава укрывала от глаз, но не от пуль. Восемь выстрелов сразу, а потом еще десять: Митч наверняка бы их не пережил.

По-прежнему не разгибаясь, телохранитель приблизился на два шага. И снова замер.

Внезапно Митча осенило. Поначалу идея показалась ему безрассудной, но тут же он понял, что это едва ли не единственный его шанс на спасение.

Присев, направился в противоположную от стрелка сторону, рассчитывая на то, что трава будет еще долго разделять их.

Под стрекот цикад и крики неизвестной ночной птицы Митч продвигался на восток, повторяя пройденный ранее путь, но в обратном направлении. Добрался до того места, где спустился с дороги. Подниматься не стал, понимая, что на склоне окажется легкой добычей стрелка, который уже наверняка находится между островками травы.

Преодолев еще футов шестьдесят, нашел широкую, вымытую дождями ложбинку в ровной поверхности склона.

Чтобы помогать себе руками при подъеме, Митч засунул пистолет за пояс. Ранее лунный свет показывал ему путь, но теперь тени только мешали и путали. Поднимаясь по ложбинке, он наткнулся на чью-то нору. Подумал о змеях, но тут же заставил себя отогнать

эту мысль.

Ложбинку он преодолел, не попавшись на глаза второму телохранителю, выполз сначала на обочину, потом на середину дороги. Встал только там.

Если бы он попытался обойти противника сзади, укрываясь между островками травы и в кустах, то наверняка обнаружил бы, что и противник движется совсем не по прямой, меняет курс в надежде удивить и застать врасплох. Они бы долго кружили на небольшом пятачке, охотник и дичь, то и дело находя следы друг друга, пока один из них не допустил бы роковую ошибку.

И если считать происходящее игрой, первым ошибся бы Митч, менее опытный игрок. Так что надеяться он мог только на нестандартные ходы, действия, которые его противник, профессиональный киллер, никак не мог ожидать. Пока срабатывала именно такая тактика.

Поскольку Митч уже удивил их револьвером, телохранитель понимал, что он не сломлен, не парализован страхом, готов защищаться до конца, как загнанный в угол зверь.

Но едва ли мог ожидать, что загнанный в угол зверь, однажды обретя свободу, добровольно вернется в тот самый угол, из которого ему удалось вырваться.

Коллекционный «Крайслер» стоял в шестидесяти футах от него, с приоткрытой крышкой багажника.

Митч поспешил к автомобилю, остановился рядом с трупом. Пустые глаза наполнял свет небес. Луна посеребрила покрывающие лицо прыщи.

Эти глаза напоминали две черных дыры, которые так затягивали, что Митч не сомневался: еще пару минут, и он просто не сможет оторвать от них взгляд.

Но, с другой стороны, чувство вины его не мучило. В отличие от своего отца, он понимал, что жизнь имеет смысл и предназначение, а человек имеет право защищать ее всеми доступными способами, даже идя на убийство.

Правда, убийство это не доставило ему ни малейшей радости. Он чувствовал, что его ограбили, лишили чего-то очень дорогого. Зовите это невинностью, но он потерял нечто гораздо большее, потому что уже никогда не смог бы радоваться жизни так, как прежде.

Оглянувшись, Митч устался на землю в поисках оставленных им следов. При ярком солнечном свете их, возможно, и удалось бы разглядеть, но только не ночью.

Под зачаровывающим лунным светом пустыня, казалось, забылась в глубоком сне, расцвеченная в самые разные оттенки черного и белого. Каждая тень смотрелась твердой, как железо, каждый предмет, наоборот, казался нематериальным, сотканным из дыма.

Митч заглянул в багажник, куда не попадал лунный свет. Темный, с откинутой крышкой багажник «Крайслера» напоминал пасть огромного, не знающего жалости чудовища. Митч не видел дна, словно перед ним была волшебная камера хранения, способная вместить немереное количество багажа.

Он вытащил пистолет из-за пояса.

До предела поднял крышку, забрался в багажник, крышка вернулась на место.

На ощупь определил, что глушитель навинчен на ствол пистолета. Открыл его и отложил в сторону.

Рано или поздно, не найдя Митча в высокой траве, в кустах, в вымытой дождями ложбинке на насыпи, телохранитель вернулся бы, чтобы держать «Крайслер» под наблюдением. Не могло у него быть сомнений в том, что дичь объявится у автомобиля, в надежде, что ключи остались в замке зажигания.

Профессиональный убийца не способен понять, что хороший муж никогда не уедет от данных им обетов, от своей жены, от надежды жить в мире, где его близким ничего не грозит.

Если бы телохранитель решил устроить наблюдательный пункт за автомобилем, он мог пересечь дорогу, залитый лунным светом. Двигался бы осторожно и быстро, но все равно на какое-то время стал бы отличной мишенью.

Существовала вероятность, что телохранитель устроится у переднего бампера «Крайслера». Но если бы по прошествии времени пленник так и не появился, он мог предпринять еще одну попытку осмотреть окружающую территорию и, возвращаясь к

автомобилю, подставиться под выстрелы Митча.

Прошло лишь семь или восемь минут с того момента, как сладкая парочка открыла крышку багажника, чтобы нарваться на выпущенные из револьвера пули. Выживший телохранитель, конечно, не стал бы проявлять нетерпение. Но со временем, убедившись, что его ожидание у «Крайслера» и осмотр кустов и заросших травой участков земли результата не дают, он пришел бы к выводу, что пора возвращаться домой, каким бы сильным ни был его страх перед боссом.

И вот тут, если б такого не случилось раньше, ему не оставалось ничего другого, как обойти автомобиль сзади, чтобы заняться трупом. Возможно, он захотел бы загрузить труп в багажник.

Митч полусидел, полулежал, окутанный темнотой, голову он поднял ровно настолько, чтобы задний борт не мешал видеть дорогу.

Он уже убил одного человека.

Он собирался убить второго.

Пистолет тяжелым камнем лежал в руке. Дрожащими пальцами второй он провел по вороненой стали, ища предохранитель. Не нашел.

Глядя на пустынную, залитую лунным светом дорогу, уходящую в глубь пустыни, он ощущал, что на место потери (невинности, детского ожидания, что жизнь может приносить только счастье и радость) приходило что-то еще, и это что-то не было злом. Образовавшаяся в его душе дыра заполнялась, но он еще не мог сказать, чем именно.

Из багажника автомобиля он видел лишь очень небольшой кусочек окружающего мира, но зато на этом кусочке распознавал гораздо больше, чем прежде. В критический момент восприимчивость его органов чувств, похоже, резко возросла.

Посеребренная дорога одним концом уходила к горизонту, а вторым ныряла под задний борт «Крайслера».

Некоторые торчащие из земли камни содержали вкрапления слюды, которая поблескивала под луной, и казалось, что звезды светят не только с небес.

С севера на юг, неспешно покачивая крыльями, летела большая сова, бесшумная, как призрак. Буквально над дорогой она начала резко набирать высоту и скрылась из виду.

Митч наконец-то начал осознавать, что на смену невинности, заполняя образовавшуюся в душе пустоту, приходила способность восторгаться красотой и загадочностью всего того, что окружало его в любой момент жизни.

Но мысли о красоте и загадочности ушли, уступив место ужасу и мрачной решимости, когда оставшийся в живых телохранитель вернулся и повел себя совсем не так, как предполагал Митч.

Глава 32

Вернулся телохранитель настолько бесшумно, что Митч не подозревал о его присутствии, пока не услышал, как с легким щелчком открылась одна из дверей «Крайслера».

Мужчина появился со стороны переднего бампера. Открыл дверь, пусть лампочка под потолком осветила его, превратив в мишень, забрался в машину и очень тихо закрыл дверь за собой.

Если он сел за руль, то определенно намеревался уехать.

Нет. Он не мог уехать с открытым багажником. И, уж конечно, не мог оставить труп на дороге.

Митч ждал, не издавая и звука.

Затих и телохранитель.

Постепенно тишина обрела физическую составляющую. Митч чувствовал, как давит она на кожу, барабанные перепонки, немигающие глаза, словно благодаря тишине воздух сгустился до плотности воды на глубине в добрую тысячу футов.

Телохранитель, должно быть, сидел в темноте, оглядывая ночь, ожидая, что серебристый свет луны откроет ему того, кого он хотел увидеть.

Но пустыня застыла в ночи.

В сложившихся обстоятельствах любое движение Митча отозвалось бы и в салоне. Автомобиль словно превратился в лодку. И стоило Митчу чуть шевельнуться, как телохранитель догадался бы, где тот находится.

Прошла минута. Другая.

Митч представил себе сидящего в машине телохранителя лет тридцати. Может, тридцати пяти, с такой чистой, гладкой, мягкой кожей, что казалось, будто жизнь никогда не была его, да и не собиралась ударить.

Митч попытался представить себе, что делает этот мужчина с гладким лицом, какие строит планы. Но происходящее в голове телохранителя оставалось для него тайной за семью печатями. С тем же успехом он мог представлять себе, что думает ящерица о Боге, дожде или бес-траве.

По прошествии какого-то времени телохранитель чуть переместился, и движение это многое подсказало Митчу. Близость сопровождавшего движение звука однозначно указала, что мужчина находится не за рулем «Крайслера», а на заднем сиденье.

Поначалу он наклонялся вперед, наблюдал как за дорогой, так и за территорией по обе ее стороны. А потом вот откинулся на сиденье, кожаная обивка зашуршала, пружины чуть скрипнули.

Тыльная сторона спинки заднего сиденья являлась и дальней стенкой багажника. То есть от Митча телохранителя отделяли фут-другой.

Они находились так же близко, как по пути из библиотеки в павильон, где стояли раритетные автомобили.

Лежа в багажнике, Митч думал о той короткой прогулке.

Из салона вновь донесся какой-то низкий звук, приглушенный спинкой заднего сиденья: телохранитель то ли кашлянул, то ли застонал.

Возможно, одна из трех последних пуль Митча все-таки попала в него. Рана, скорее всего, не была тяжелой, иначе он давно бы уже уехал отсюда, но могла доставлять определенные неудобства и, возможно, заставила отказаться от дальнейших поисков Митча.

И теперь телохранитель сидел в автомобиле, надеясь, что Митч все равно вернется. Он, разумеется, предполагал, что подбираться к автомобилю Митч будет очень осторожно, но и представить себе не мог, что смерть грозила ему из темных глубин багажника.

Полусидя, полулежа в этом примитивном аналоге учебной комнаты, Митч вспоминал, как его вели из библиотеки к автомобильному павильону: луну, плавающую в пруду, ствол пистолета, упершийся в бок, кваканье лягушек, ветки кустов, *ствол пистолета, упершийся в бок*.

Такая старая модель не могла иметь противопожарной стенки или металлической панели безопасности между багажником и спинкой заднего сиденья. В спинке могла быть пластиковая панель ДВП¹ толщиной в четверть дюйма, а может, ее тыльную сторону всего лишь обтянули материей.

Толщина набивки спинки заднего сиденья не превышала шести дюймов. По плотности набивка, понятное дело, превосходила воздух, так что скорость пули замедлилась бы.

Но барьер не был пуленепробиваемым. Диванная подушка никак не могла уберечь от десяти пуль большого калибра.

Размышляя об этом, Митч полусидел, полулежал на левом боку, глядя в ночь через щель между задним бортом и крышкой багажника.

Ему нужно было повернуться на правый бок для того, чтобы направить пистолет на дальнюю стенку багажника, то есть на тыльную сторону заднего сиденья.

Он весил сто семьдесят фунтов. Не требовалось защищать диплом по физике, чтобы понять, что автомобиль обязательно отреагирует на перемещение такой массы.

¹ ДВП – древесноволокнистая плита.

Быстро повернуться, открыть огонь — и обнаружить, что он ошибся в оценке перегородки между багажником и кабиной. И если металлическая пластина все-таки была, она защитила бы телохранителя, а пули рикошетом могли попасть в него.

И тогда убийца будет точно знать, где его найти, раненного, без единого патрона.

Капелька пота упала с кончика носа на уголок рта.

Ночь выдалась теплой, но отнюдь не жаркой.

Желание действовать натягивало нервы, как тетиву лука.

Глава 33

Митч лежал в нерешительности, когда из памяти всплыл крик Холли и звук резкого удара, вызвавшего этот крик.

От размышлений его отвлек реальный звук: сидевший в машине мужчина несколько раз сдавленно кашлянул.

Этот приглушенный кашель наверняка не услышали бы за пределами автомобиля. Как и прежде, приступ кашля длился лишь несколько секунд.

Может, его причиной стала полученная телохранителем рана. Но с тем же успехом кашель могла вызывать и аллергия на пыльцу какого-нибудь растения пустыни.

Митч решил, что перекатится на другой бок, когда телохранитель вновь закашляется.

В щели между задним бортом и крышкой багажника пустыня, казалось, темнела, потом светлела, темнела и опять светлела, снова и снова, но Митч быстро понял, что перемены освещенности синхронизированы с ударами сердца и не имеют никакого отношения к остроте зрения.

В какой-то момент ему показалось, что пошел снег. Освещенные луной фосфоресцирующие крылышки мотыльков напоминали снежинки, которые кружились над дорогой.

Скованные руки Митча с такой силой сжимали пистолет, что начали болеть костяшки пальцев. Указательный палец правой руки лежал на предохранительной скобе, а не на самом спусковом крючке, поскольку Митч боялся, что палец может непроизвольно дернуться и произойдет случайный выстрел.

Несмотря на то, что сердце стучало, как отбойный молоток, неспешно текущая река времени и вовсе превратилась в застойный пруд.

Зубы Митча сцепились намертво. Он слышал, как воздух с шипением входит в легкие, потом выходит обратно. Открыл рот, чтобы дышать более спокойно.

В последние несколько часов интуиция несколько раз подсказывала Митчу верные решения. Соответственно, шестое чувство телохранителя в любой момент могло дать ему знать, что в автомобиле он уже не один.

Секунды медленно сложились в одну минуту, еще одну, еще, и, наконец, третий приступ сдавленного кашля позволил Митчу перекатиться с левого бока на правый. Завершив маневр, он оказался спиной к щели между задним бортом и крышкой багажника и замер.

В окутывавшей телохранителя тишине читалась настороженность, подозрительность. А Митча занимали все новые вопросы.

Под каким углом стрелять? Куда посылать пули?

«Думай!»

Мужчина, на лице которого не было прыщей, не мог сидеть прямо. Он наверняка сполз вниз по сиденью, чтобы его голова не торчала над спинкой.

В других обстоятельствах он бы, наверное, затаился в одном из углов, чтобы стать еще более неприметным, но поднятая крышка багажника мешала увидеть его через заднее стекло, поэтому он, скорее всего, сидел по центру, чтобы контролировать обе задние дверцы.

Следя за тем, чтобы не звякнула цепь, соединяющая наручники, Митч тихонько опустил пистолет. Ему хотелось кое-что выяснить, разумеется, на ощупь, а пистолет мог обо что-то

удариться. На такой риск Митч пойти не мог.

Вытянув обе руки, он нашел заднюю стенку багажника. Жесткую, но покрытую материей.

Возможно, при восстановлении «Крайслера» не стремились добиться абсолютной идентичности с исходной моделью. К примеру, Кэмпбелл мог заказать более современные материалы для отделки.

Словно два сросшихся паука, руки Митча поползли по поверхности слева направо, проверяя жесткость задней стенки. Сначала он надавливал на нее мягко, потом усилил нажим.

Под подушечками его пальцев задняя стенка чуть прогибалась. По прикидкам Митча, изготовили ее из ДВП, толщина которой не превышала четверти дюйма, и обшили материей. Металла не было и в помине.

Вперед ДВП подавалась бесшумно, когда Митч убирал руки, принимала исходное положение с едва слышным треском.

Из машины донеслось протестующее поскрипывание кожаной обивки. Телохранитель мог усесться поудобнее, а мог и повернуться, прислушиваясь к непонятным звукам, которые раздавались в багажнике.

Митч начал ощупывать пол в поисках пистолета. Нашел и замер, обхватив пальцами рукоятку.

Лежал он на боку, согнув колени, не имея возможности вытянуть руки, в неудобной для стрельбы позиции.

Попытавшись отодвинуться поближе к заднему борту, он мог себя выдать. А опытному телохранителю вполне хватило бы секунды-двух, чтобы скатиться с заднего сиденья на пол и укрыться от пуль.

Митч еще раз прокрутил все в голове, чтобы убедиться, что ничего не упустил. Малейшая ошибка в расчетах грозила ему неминуемой смертью.

Он поднял пистолет. Решил, что будет стрелять, ведя его слева направо, а потом справа налево, выпустив по пять пуль на каждой дуге.

Когда нажал на спусковой крючок, ничего не произошло. Лишь раздался слабый металлический щелчок.

Сердце его превратилось в молот и наковальню, а ведь ему приходилось вслушиваться в тишину сквозь этот грохот, но Митч был уверен, что телохранитель не сдвинулся с места, не услышал звука, который издал не желавший стрелять пистолет.

Ранее Митч осмотрел его и не нашел предохранителя.

Он убрал указательный палец со спускового крючка, позволив ему вернуться в исходное положение, после короткой паузы нажал снова.

Щелчок.

Прежде чем волна паники накрыла Митча с головой, маленький мотылек прошелестел крылышком по щеке и залетел в открытый рот, совсем и не холодный, хотя в лунном свете выглядел, как снежинка.

Рефлекторно Митч выплюнул мотылька, подавил рвотный рефлекс и опять нажал на спусковой крючок. Предохранитель был встроен в спусковой механизм, и для того, чтобы открыть стрельбу, требовалось двойное нажатие на спусковой крючок. Поскольку второй раз Митч приложил большее усилие, пистолет выстрелил.

Отдачей, учитывая неудобную позицию, Митча сильно качнуло, грохнуло так сильно, словно за ним захлопнулась дверь ада, в лицо полетели клочки ткани и щепки, чего он никак не ожидал, но он лишь закрыл глаза и продолжал стрелять, ведя пистолет, который все норовил взлететь повыше, слева направо, а потом справа налево. Взлетать пистолету не давал, контролировал его, пытался даже считать выстрелы, но сбился после второго, нажимал и нажимал на спусковой крючок, пока обойма не опустела.

Если телохранитель не умер, если его только ранило, он мог открыть ответный огонь через спинку заднего сиденья. Потенциально багажник оставался ловушкой.

Поэтому, отбросив уже бесполезный пистолет, Митч перевернулся и пополз к заднему борту, больно ударился об него коленом, потом, вылезая из багажника, плечом о бампер, оказался на дороге, опираясь на нее руками и коленями, вскочил. Пригнувшись, отбежал на десять, пятнадцать ярдов, только тогда остановился, выпрямился, оглянулся.

Телохранитель не появился из «Крайслера». Все четыре дверцы оставались закрытыми.

Митч ждал. Пот капал с кончика носа, с подбородка.

Исчезли и похожие на снежинки мотыльки, и большекрылая сова, замолчали и цикады, и неизвестная крикливая птица.

Под безмолвной луной, посреди затихшей пустыни «Крайслер» выглядел анахронизмом, словно машина времени в Мезозойском периоде, сверкая хромом за двести миллионов лет до его постройки.

Когда от воздуха, сухого, как соль, начало першить в горле, Митч перестал дышать через рот, а когда пот начал высыхать, спросил себя, как долго он будет ждать, прежде чем придет к выводу, что телохранитель умер. Он посмотрел на часы. Посмотрел на луну. И не сдвинулся с места.

Ему требовался автомобиль.

По грунтовой дороге они ехали двенадцать минут. Со скоростью не более двадцати пяти миль в час. Простой расчет показывал, что от асфальта его отделяли пять миль.

Но, даже вернувшись к цивилизации, он оказался бы в тех краях, где автомобили ездили нечасто, особенно по ночам. А кроме того, кто согласился бы подвезти такого, как он в его нынешнем состоянии, в грязной одежде, со всклокоченными волосами, безумными глазами. Само собой, его примут за психопата, рыщущего в поисках очередной жертвы.

В конце концов он двинулся к «Крайслеру».

Обошел автомобиль, стараясь, насколько позволяла ширина дороги, держаться подальше от бортов, вглядываясь в стекла, чтобы метнуться в кусты при первом появлении за стеклом бледного лица телохранителя. Вновь оказавшись рядом с багажником, из которого он дважды вывалился живым, Митч остановился, прислушался.

Холли грозила смерть, и, если бы похитители попытались связаться с Митчем, им бы это не удалось, потому что его мобильник остался в белом пластиковом пакете в поместье Кэмпбелла. Звонок в полдень в дом Энсона оставался единственным шансом, который позволял ему вновь выйти с ними на связь, прежде чем они решат избавиться от заложницы и начать реализовывать какой-нибудь новый план обогащения.

Более не колеблясь, Митч подошел к задней дверце со стороны водителя и распахнул ее.

Телохранитель лежал на заднем сиденье, с открытыми глазами, окровавленный, но живой, с нацеленным на дверцу пистолетом. Срез ствола казался безглазой глазницей, а в голосе телохранителя слышалось торжество, когда он вымолвил одно-единственное слово: «Умри».

Он попытался нажать на спусковой крючок, но пистолет качнулся в его руке, а потом и вовсе вывалился из ослабевших пальцев. Оружие упало на пол, рука – на живот, и телохранитель, пообещавший смерть Митчу, умер сам.

Оставив дверцу открытой, Митч отошел к краю дороги, опустил на валун и сидел на нем, пока окончательно не убедился, что его не вырвет.

Глава 35

Пока Митч сидел на валуне, ему было о чем подумать.

Когда все это закончилось бы, если б закончилось, может, ему следовало обратиться в полицию, рассказать о том, как ему пришлось защищаться, и предъявить двух мертвых

киллеров, лежащих в багажнике «Крайслера».

Джулиан Кэмпбелл будет отрицать, что эта парочка состояла у него на службе, по меньшей мере, скажет, что не отдавал им приказа убивать Митча. Такие люди, как эти двое, которым он поручил убить Митча, получали за свою работу наличные. И Джулиану Кэмпбеллу не хотелось оставлять лишних следов, и исполнители предпочитали не платить налоги, оставляя себе всю сумму.

Существовала вероятность того, что власти ничего не знали о темной стороне империи Кэмпбелла. Возможно, он считался одним из самых добропорядочных граждан Калифорнии.

С другой стороны, Митч был скромным садовником, которого, если ему не удастся добыть выкуп, на основе имеющихся улики уже могли обвинить в убийстве жены. И в Коронадель-Мар, на улице перед домом Энсона, стояла «Хонда», в багажнике которой лежал труп Джона Нокса.

Пусть и веря в торжество закона, Митч не верил, что осмотр места преступления будет таким же скрупулезным (а эксперты такими мастеровитыми), как показывают обычно по телевизору. И чем больше обнаруживалось бы вещественных доказательств, пусть и подложных, которые подтверждали бы его вину, тем сильнее возрастала бы подозрительность копов, вызывая желание проигнорировать детали, говорившие в его пользу.

Но в любом случае Митч прекрасно понимал, что главное для него – остаться на свободе до того момента, пока он не обменяет Холли на выкуп. Он не оставлял надежды выкупить ее. Ради этого мог пойти на смерть.

До того, как он встретил Холли и влюбился в нее с первого взгляда, Митч наполовину жил, а наполовину оставался погребенным в собственном детстве. Она вскрыла эмоциональный кокон, в котором оставили его родители, он вырвался из этого кокona и расцвел.

Происходящая с ним трансформация поражала Митча. Он-то думал, что после свадьбы зажил полноценной жизнью.

Эта ночь, однако, показала, что какая-то его часть продолжала пребывать в летаргическом сне. А теперь вот пробудилась и в полной мере дала о себе знать.

Он столкнулся со злом, о существовании которого днем раньше даже не подозревал, в детстве Митча учили отрицать его существование. Но оно таки существовало, и теперь, признавая это, Митч неожиданно открыл для себя, что каждый предмет, каждое явление, даже самые привычные и давно знакомые, обладают куда большей красотой, таят в себе неведомый ему потенциал и загадочность.

Он не мог точно сказать, что конкретно под этим подразумевает. Только знал, что у него открылись глаза и он вышел на новый, более высокий уровень восприятия реальности. Его окружал многослойный и загадочный мир, он чувствовал, что истину можно найти, лишь снимая один за другим покровы тайны.

Но пусть душа его воспарила к небесам, работа на текущий момент ему предстояла более чем приземленная: избавиться от двух трупов.

Митчу с трудом удалось подавить уже готовый сорваться с губ смешок. В пустыне, в компании трупов, под большущей луной, смешок этот казался более чем неуместным.

С востока на запад небо прочертил метеор, оставляя за собой белый след, который тут же проглатывало черное небо, и исчез, превратившись в золу, в пар.

Падающую звезду Митч воспринял как знак, призывающий браться за дело. Опустившись на колени около прыщавого телохранителя, обыскал его карманы. Быстро обнаружил то, что хотел: ключ от наручников и ключи от «Крайслера Виндзор».

Освободившись от наручников, бросил их в открытый багажник. Потер покрасневшие запястья.

Оттащил тело к южной обочине, потом за кусты, оставил там.

Вытащить второй труп с заднего сиденья оказалось не так-то просто, но две минуты спустя он уже лежал рядом с первым, изумленно уставившись на звезды.

Вновь забравшись в кабину, Митч нашел на переднем сиденье фонарь. Решил, что

фонарем телохранители хотели воспользоваться для поисков подходящего места для его могилы.

Слабенькая лампочка под крышей не освещала в должной степени заднее сиденье. Митч направил на него луч фонаря.

Поскольку второй телохранитель умер не сразу, крови натекло много.

Митч насчитал восемь дырок в спинке заднего сиденья. Именно столько пуль попали в кабину, две остальные, скорее всего, угодили в стальные элементы каркаса «Крайслера» и отлетели в сторону.

В задней стенке передних сидений дырок оказалось пять, но только одна пуля пробила спинку насквозь. Отметина на крышке бардачка показывала, где оборвался полет этой пули.

Митч нашел ее на полу у пассажирского сиденья и выбросил в ночь.

Получалось, что при всей спешке он, выехав с грунтовой дороги на асфальт, не мог превышать установленный предел скорости. Если бы дорожный полицейский остановил «Крайслер», ему хватило бы беглого взгляда на заднее сиденье, чтобы Митч еще очень долго ел, пил и спал в одной из тюрем штата Калифорния.

Лопату телохранители с собой не привезли.

Учитывая их профессионализм, Митч сомневался, что они намеревались бросить тело на дороге, где его мог кто-то найти. Наверняка знакомые с этой местностью, они, конечно же, знали какую-нибудь природную могилу, расщелину или пещеру, где обнаружить тело было бы крайне затруднительно.

Ночью, при свете луны, пусть и с фонарем, Митчу искать эту могилу не хотелось. Не говоря уже о том, что он мог найти там не один труп.

Он вернулся к телам, забрал бумажники, чтобы усложнить опознание. Уже не испытывал прежней брезгливости, возясь с трупами, и его это тревожило.

Один за другим он оттащил трупы еще дальше, в заросли толокнянки, высокого, по пояс, растения с густыми жесткими листьями. Туда едва ли кто-нибудь полез бы по собственной воле. А листва надежно укрывала трупы от взглядов со стороны.

Хотя пустыня казалась непригодной для жизни, зверья здесь хватало, в том числе и питающегося падалью. Митч не сомневался, что пир в зарослях толокнянки начнется, едва стихнет шум уехавшего «Крайслера».

А утром скажет свое слово и сама пустыня: жара существенно ускорит процесс разложения.

Поэтому, даже если тела и найдут, имена покойников так и останутся неизвестными. И не будет иметь ровно никакого значения, у кого лицо было в прыщах, а у кого – нет.

В автомобильном павильоне, когда они закрывали его в багажнике, Митч сказал: *«Лучше бы вам не пришлось это делать»*.

«Теперь уже ничего не изменишь», – ответил телохранитель с чистой кожей.

Еще одна падающая звезда заставила его вскинуть глаза. Еще один яркий шрам на короткое время появился на черном небе, чтобы тут же исчезнуть.

Он вернулся к автомобилю и захлопнул крышку багажника.

Разобравшись с двумя профессиональными киллерами, ему вроде бы следовало раздуться от гордости, почувствовать прилив сил. Он же испытывал только жалость.

Чтобы проветрить салон, где стоял запах крови, Митч опустил стекла во всех четырех дверцах «Крайслера».

Двигатель завелся сразу. Мощно и громко заурчал. Митч включил фары.

С облегчением увидел, что бак полон на три четверти. Ему совершенно не хотелось останавливаться в публичном месте, даже на автозаправке самообслуживания.

Развернулся и проехал четыре мили по грунтовой дороге, а потом, поднявшись на вершину холма, увидел зрелище, которое заставило его остановиться.

К югу от дороги, в низине лежало озеро ртути с плавающими в ней концентрическими кругами бриллиантов. Круги эти медленно вращались, великолепные, как спиральная галактика.

Видение было столь нереальным, что на мгновение Митч решил, будто это галлюцинация. Потом понял, что это поле ситаниона с поднимающимися над ним метелками.

Под лунным светом трава блестела, как ртуть, а метелки сверкали. Ветерок покачивал их, создавая впечатление кругового движения.

Возможно, в этой неземной красоте и было некое скрытое значение, но вот в вони, которая доносилась с заднего сиденья, ничего загадочного точно не было.

Митч продолжил путь, выехал на шоссе и повернул направо, поскольку помнил, что на грунтовую дорогу они сворачивали налево. На асфальтовых дорогах указателей хватало, и они вывели его не к поместью Кэмпбелла, которое он надеялся более никогда не увидеть, а на автостраду.

После полуночи машин было немного. Митч ехал на север, не превышая разрешенную скорость больше чем на пять миль: на такое правонарушение полиция обычно закрывала глаза.

Глава 36

В Орандж Митч прибыл в два часа двадцать минут, припарковался в квартале от улицы, на которой стоял его дом.

Он поднял стекла во всех дверцах и запер автомобиль.

Рубашку вытащил из джинсов, чтобы скрыть засунутый за пояс пистолет. Оружие принадлежало телохранителю с чистой кожей, сказавшему: «Умри», профессиональному убийце, которому не хватило сил в последний раз нажать на спусковой крючок. В обойме оставалось восемь патронов. Митч надеялся, что ни один ему не потребуется.

Припарковался он под большим, старым цветущим палисандровым деревом и, когда зашагал по тротуару, увидел в свете уличного фонаря, что идет по ковру из пурпурных лепестков.

Какое-то шебуршание заставило его включить фонарь и направить луч между двумя мусорными контейнерами. Свет выхватил из темноты перебравшегося в город опоссума, напоминающего большую крысу, который подергивал розовым носиком.

Митч выключил фонарь и направился к своему гаражу. Калитка на углу участка никогда не запиралась, поэтому он без проблем вошел во двор.

Ключи от дома, бумажник и другие личные вещи остались в особняке Кэмпбелла.

Запасные ключи он держал в маленькой металлической коробочке, закрытой на висячий замок, которая крепилась к стене гаража у самой земли, скрытая азалиями.

Включив фонарик, Митч раздвинул азалии, набрал нужную комбинацию на замке, снял его, открыл коробочку, достал ключи, выключил свет.

Бесшумно вошел в гараж. Луна ползла на запад, кроны деревьев практически не пропускали света. Митч постоял в темноте, прислушиваясь.

То ли тишина убедила его, что в гараже никого нет, то ли темнота напомнила о багажнике, из которого ему дважды удалось выбраться живым, но он достаточно быстро щелкнул выключателем.

Пикап стоял на привычном месте. «Хонды», понятное дело, не было.

По лестнице Митч поднялся на второй этаж. Коробки по-прежнему закрывали то место, где Нокс пробил ограждение и свалился вниз.

Пройдя в глубь второго этажа, он обнаружил, что электронное оборудование исчезло. Кто-то из похитителей побывал в гараже и забрал его.

Митч задался вопросом: а как истолковали они исчезновение Нокса? Заволновался, а не ухудшит ли это исчезновение и без того незавидное положение Холли.

Однако, когда его начала бить дрожь, усилием воли отогнал эти мысли.

Он не был машиной, и она – тоже. Их жизнь имела предназначение, судьба свела их вместе для какой-то цели, и они еще реализуют эту цель.

Ему не оставалось ничего другого, как в это верить. Без этого не стоило и трепыхаться.

Покинув гараж, он вошел в дом через дверь черного хода, в полной уверенности, что за домом больше не следят.

На кухне ничего не изменилась. Те же брызги крови, только засохшие, те же кровавые отпечатки ладоней на дверцах шкафов и полок.

В примыкающей к кухне комнате-прачечной он снял обувь, осмотрел ее. К своему изумлению, крови не обнаружил.

Не было пятен и на носках. Он все равно их снял и бросил в стиральную машину.

Рубашку и джинсы он кровью кое-где запачкал. В нагрудном кармане рубашки нашел визитную карточку детектива Таггарта. Вытащил ее, а рубашку и джинсы отправил вслед за носками, добавил стирального порошка, включил машину.

Подойдя к раковине, тщательно вымыл с мылом руки до локтей, щеточкой вычистил всю грязь из-под ногтей. Но смывал он, скорее, не улики, а воспоминания, от которых так хотелось избавиться.

Влажной тряпкой протер лицо, шею.

Усталость валила с ног. Ему требовался отдых, но времени на сон не было. Даже если бы он и лег в кровать, то выспаться бы не смог. Его замучили бы кошмары.

В обуви и трусах, с пистолетом в руке, Митч вернулся на кухню. Из холодильника достал банку «Ред була», напитка с высоким содержанием кофеина, вскрыл ее.

Выпив содержимое, увидел на соседнем столике кошелек Холли. Он лежал там и днем.

Раньше, однако, он не обратил внимания на вещи, которые соседствовали с кошельком. Разорванную целлофановую обертку. Маленькую вскрытую коробочку. Развернутый листок-инструкцию.

Холли принесла домой тест для проверки на беременность. Открыла упаковку и, похоже, проверилась в промежутке между его уходом из дома и появлением похитителей.

Иногда ребенком в учебной комнате, когда он ни с кем давно уже не говорил, не слышал никакого другого голоса, кроме собственного, да и то приглушенного, когда его лишали пищи (но не воды) на три дня, когда он не видел света неделю или две, за исключением коротких промежутков времени при обмене бутылок с мочой и ведра с фекалиями на чистые контейнеры, у него возникало ощущение, что тишина и темнота – не *состояния*, а некие физические объекты, обладающие реальной массой, объекты, с которыми он делил комнату, которые с каждым часом разрастались, требовали себе все больше пространства, пока не начинали сдавливать его со всех сторон, зажимая в тот минимальный объем, в котором могло уместиться тело, теперь напоминающее автомобиль, оказавшийся под прессом на пункте сбора вторичного сырья, где корпуса списанных автомобилей готовили к отправке на металлургические заводы. В ужасе навалившейся клаустрофобии он, казалось, не мог выдержать и минуты, но выдерживал, сначала минуту, потом другую, третью, десятую, час, день, выдерживал, а потом дверь открывалась, наказание заканчивалось, и он видел свет, в конце концов он всегда видел свет.

Холли ничего не говорила про задержку. Уже дважды их надежды оказывались ложными. Она хотела знать наверняка, прежде чем сказать ему.

Ранее Митч не верил в судьбу, теперь поверил. А если человек все-таки верит в судьбу, он должен верить, что впереди его ждет только радость и счастье. Он ждет не дождется увидеть, что уготовано ему в будущем.

С пистолетом в руке Митч поспешил в спальню. Нажал на клавишу выключателя у двери. Вспыхнула одна из ламп на прикроватных столиках.

Направился к стенному шкафу. Увидел, что дверь открыта.

В шкафу царил беспорядок. Две пары джинсов валялись на полу.

Он не помнил, что оставил стенной шкаф в таком состоянии, но поднял джинсы с пола, натянул их. Надевая темно-синюю рубашку с длинными рукавами, повернулся спиной к стенному шкафу и впервые увидел лежащую на кровати одежду. Брюки, желтую рубашку, белые носки, белые трусы, футболку.

Его одежда. Он ее узнал.

Замазанная темной кровью.

Теперь он знал, как выглядят сфабрикованные улики. На его шею накинули еще одну петлю.

Митч взял пистолет с полки стенного шкафа, куда положил его, прежде чем начал одеваться.

Дверь в темную ванную тоже была открыта. Он направился к двери, нацелив пистолет в темноту. Переступая порог, нажал на клавишу выключателя и входил уже в освещенную ванную.

Ожидал увидеть окровавленный труп в самой ванне или что-то отрезанное в раковине. Но нет, и ванна, и раковина сияли белизной.

Из зеркала на него глянуло закаменевшее от предчувствия дурного лицо, широко раскрытые глаза.

Вернувшись в спальню, он увидел, что потушенная лампа на другом прикроватном столике сдвинута, а рядом с ней что-то стоит. Включил и ее.

Компанию лампе составляли два полированных шара окаменевшего дерьма динозавров, которые покоились на бронзовых подставках.

И хотя дерьмо матово блестело, Митч подумал о хрустальных шарах и зловещих гадалках из старых фильмов, предсказывающих ужасную судьбу.

– Энсон, – прошептал Митч. – Господи! Господи!

Глава 37

Ветер с восточных гор обычно поднимался с рассветом или при заходе солнца. А тут вдруг задул задолго до рассвета, через много часов после заката, сильный ветер, обрушившийся на равнину.

Идя к «Крайслеру» по проулку, где свистел ветер, Митч, с одной стороны, спешил, а с другой, напоминал человека, держащего путь из камеры смертников к месту казни.

Опустить все стекла времени у него не было. Уже тронувшись с места, он опустил одно, водительской дверцы.

Ветер обдувал лицо, ерошил волосы, теплый и настойчивый.

Безумцам недостает самообладания. Им везде чудятся заговоры, и свое безумие они проявляют в иррациональной злобе, в нелепых страхах. Истинно безумные люди не знают, что у них больная психика, а потому не нуждаются в том, чтобы носить маску.

Митчу хотелось верить, что его брат безумен. Потому что Энсон был монстром, если в основе его действий лежал холодный расчет. Если так, то получалось, что он, младший брат, восхищался монстром, любил его. И своей доверчивостью, желанием быть обманутым только увеличивал силу этого монстра. То есть в какой-то, пусть и малой степени нес ответственность за его преступления.

Энсону самообладания хватало. Он никогда не говорил о заговорах. Ничего не боялся. Что же касается масок, так он прекрасно манипулировал людьми, мог кому угодно запудрить мозги, обмануть любого. Нет, безумцем он никак не был.

Высаженные вдоль улиц пальмы трясли длинными листьями, словно безумные женщины волосами. С цветущих деревьев срывало лепестки.

Ехал Митч в гору, низкие холмы уступали место более высоким, в воздухе мельтешили листья, клочки бумаги, страницы газет, пластиковый пакет.

Во всем квартале свет горел только в окнах дома его родителей.

Возможно, ему следовало поостеречься, но он поставил автомобиль на подъездной дорожке. Поднял стекло, оставил пистолет в кабине, взял с собой фонарь.

Наполненный голосами хаоса и запахом эвкалиптов ветер сек дорожку тенями деревьев.

На кнопку он нажимать не стал. Не тешил себя ложной надеждой, просто хотел убедиться, что его догадка верна.

Как он и думал, дверь не заперли. Войдя в холл, Митч закрыл ее за собой.

Справа и слева из зеркал на него смотрели бесконечное число Митчей, у всех на лице читался ужас, крушение привычного мира.

В доме не царила тишина, потому что ветер тряс стекла окон, завывал под сливами, ветки эвкалиптов терлись о стены.

В кабинете Дэниэля пол усыпали осколки стеклянных выставочных полок, на которых стояли полированные шары из дерьма динозавров, сами шары раскатились по кабинету, будто полтергейст поиграл ими в бильярд.

Комнату за комнатой Митч обошел первый этаж, зажигая свет там, где он еще не горел. По правде говоря, он ничего не ожидал найти на этом этаже и не нашел. Он говорил себе, что не хочет что-либо упустить, но на самом-то деле тянул время, собираясь с духом перед тем, как подняться на второй этаж.

У лестницы он остановился, услышал свой голос: «Дэниэль», – отца он позвал негромко, потом – мать: «Кэти», – не повысив голоса.

Понятное дело, никто ему не ответил, так что не оставалось ничего другого, как преодолевать подъем. Каждая ступенька давалась с огромным трудом. А ветер тем временем еще усилился. Окна жалобно позвякивали, с трудом выдерживая его напор, стропила скрипели.

В коридоре на втором этаже какой-то черный предмет лежал на полированном дереве пола. Формой он напоминал электрическую бритву, но только больше размером. С одного конца, на расстоянии в четыре дюйма, торчали два металлических штыря.

После короткого колебания Митч поднял предмет. На боковой поверхности увидел кнопку включения. Когда нажал на нее, штыри соединила ослепляющая белая дуга электрического разряда.

Он держал в руках тазер, электрошокер, оружие самозащиты. Но едва ли Дэниэль или Кэти пытались воспользоваться им, чтобы защитить себя.

Скорее всего, тазер принес с собой Энсон, с ним и напал на них. Разряд тазера обездвиживал человека на несколько минут, мышцы отказывались ему служить, потому что выводилась из строя нервная система.

И хотя Митч знал, куда ему нужно идти, он снова попытался оттянуть этот момент и направился в главную спальню.

И здесь горели все лампы, за исключением настольной. С разбитой лампочкой, она валялась на полу, сброшенная на пол во время борьбы. Рядом лежали и подушки, простыни сбились.

Похоже, спящих в этой кровати очень уж грубо разбудили.

У Дэниэля была целая коллекция галстуков, и сейчас штук двадцать лежали на полу. Яркие шелковые змейки.

Заглядывая в другие двери, но не осматривая помещения за ними, Митч целенаправленно двинулся к комнате, которая находилась в конце более короткого из двух коридоров второго этажа.

Снаружи дверь в эту комнату ничем не отличалась от других, но, открыв ее, он увидел перед собой вторую дверь. Покрытую звукоизолирующим материалом и обтянутую черной материей.

Митча била дрожь, он боялся взяться за ручку этой двери. Поскольку думал, что более никогда не вернется сюда, не переступит этот порог.

Вторая дверь открывалась только снаружи, не изнутри. Он повернул ручку. Резиновое уплотнение по периметру чвакнуло, когда он толкнул дверь от себя.

Внутри не было ни ламп, ни выключателей. Митч зажег фонарь.

После того как Дэниэль самолично выложил пол, стены и потолок слоем звукоизоляции толщиной в восемнадцать дюймов, комната за дверью превратилась в лишенную окон камеру площадью в девять квадратных футов. Пол и потолок разделяли шесть футов.

Плотная черная материя, которая покрывала все поверхности, всасывала в себя свет

фонаря.

Ограничение информации, поступающей в мозг посредством органов чувств... Они говорили, что это не наказание, а средство повышения концентрации, улучшения мыслительных процессов. Метод стимулирования мозга, а не пытка. Многочисленные исследования свидетельствовали о действенности метода.

Дэниэль и Кэти лежали бок о бок: она – в пижаме, он – в трусах. Руки и ноги обоим связали галстуками. Связали крепко, материя впивалась в кожу.

Чтобы еще больше ограничить подвижность жертв, один галстук, туго натянутый, связывал галстучные оковы, охватывающие лодыжки и запястья.

Кляп им в рот не вставили. Возможно, Энсон хотел с ними поговорить.

Никакой крик не мог покинуть учебную комнату.

Хотя Митч оставался у порога, тишина буквально засасывала его внутрь. Глохли и звуки его учащенного, хриплого дыхания.

Он более не слышал завывания ветра, но не сомневался в том, что ветер не утих.

Смотреть на Кэти ему было куда тяжелее, чем на Дэниэля, но и не так тяжело, как он ожидал. Если бы он мог все это предотвратить, то встал бы между родителями и братом. Но что сделано, то сделано. И он испытывал печаль, а не отвращение, уныние, а не отчаяние.

На лице Дэниэля, в его открытых глазах читался не только ужас. Еще и недоумение. В последние мгновения своей жизни он, должно быть, задавал себе вопрос: как вышло, что его палачом стал Энсон, единственный из детей, триумфально реализовавший разработанные им методы воспитания?

Систем и методов воспитания молодого поколения существовало множество, но они никогда не становились мотивом для убийства, во всяком случае, для убийства мужчин и женщин, посвятивших себя их созданию и совершенствованию.

Обездвижив Дэниэля и Кэти разрядом тазера, связав их галстуками Дэниэля, поговорив с ними, Энсон зарезал обоих. Митч отвел глаза от ран.

Орудиями убийства послужили садовые ножницы и штыковая лопата.

Митч их узнал, потому что и ножницы, и лопату Энсон позаимствовал из его гаража.

Глава 38

Митч закрыл тела в учебной комнате, а сам сел на верхней ступеньке лестницы, чтобы обдумать свои дальнейшие действия. Страх, шок и одна банка «Ред була» не могли очистить мозг от тумана усталости столь же эффективно, как это сделали бы четыре или пять часов крепкого сна.

Ветер вел отчаянную осаду дома. Стены трещали, пытаясь устоять перед его напором.

Митч заплакал бы, если б мог позволить себе такую роскошь, как слезы, но едва ли сказал бы, о ком плачет.

Он никогда не видел, чтобы Дэниэль или Кэти плакали. Они верили, что эмоции следовало заменять логикой и «комплексным анализом».

Как он мог оплакивать тех, кто никогда не плакал сам, кто говорил, говорил и говорил, пытаясь словами вытеснить чувства при разочарованиях, неудачах, даже утрате близких?

Ни один человек, который знал правду об этой семье, не стал бы осуждать его, если бы он заплакал, жалея себя, но последние такие слезы он пролил в пять лет, а потом более не плакал, не хотел доставлять им такого удовольствия.

И он не стал бы оплакивать брата.

Жалость, которую ранее он испытывал к Энсону, испарилась, как дым. Испарилась не здесь, не в учебной комнате, а в закрытом багажнике коллекционного «Крайслера».

Поездка на север от Ранчо-Санта-Фе лишила его последних заблуждений. Брат, которого он знал, которого любил, никогда не существовал. Митч любил не настоящего человека, а маску, нацепленную на себя социопатом, любил фантом.

И теперь Энсон воспользовался возможностью отомстить Дэниэлю и Кэти, повесив

преступления на младшего брата, которого, по его разумению, уже никто и никогда бы не нашел.

Не получив выкупа, похитители убили бы Холли, возможно, бросили бы ее тело в море. А отвечать за ее убийство пришлось бы Митчу, и вероятно, еще за убийство Джейсона Остина.

Такая череда убийств стала бы находкой для газетчиков и телевизионщиков. А если бы он пропал (на самом-то деле его труп лежал бы в могильнике в пустыне), то репортеры искали бы его долгие недели, если не месяцы.

Со временем он мог стать легендой, вроде Д. Б. Купера¹, угонщика самолета, который десятилетиями раньше прыгнул на парашюте с полученными деньгами, после чего никто ничего о нем не слышал.

Митч подумал о том, чтобы вернуться в учебную комнату и забрать ножницы и лопатку. Мысль, что придется вытаскивать орудия убийства из тел, вызвала отвращение. За последние часы ему пришлось заниматься и более неприятными делами, но он не мог заставить себя вернуться.

Кроме того, умница Энсон наверняка оставил и другие улики, помимо садовых инструментов. Их поиск отнял бы время, которого у Митча не было.

Часы показывали шесть минут четвертого. Менее чем через девять часов похитители должны были позвонить Энсону, чтобы сообщить дальнейшие инструкции.

До крайнего срока, полночь со среды на четверг, из изначальных шестидесяти часов оставалось сорок пять.

Но все могло закончиться и раньше. Незапланированное развитие событий требовало новых условий, и Митч собирался их выставить.

Завывания ветра звали его в ночь.

Выключив свет во всех комнатах второго этажа, Митч спустился на кухню. В прошлом Дэниэль всегда держал в холодильнике коробку шоколадных батончиков «Хершис». Дэниэлю нравился холодный шоколад.

Коробка ждала его на нижней полке, в ней не хватало одного батончика. Есть батончики дозволялось только Дэниэлю, остальным оставалось лишь облизываться.

Митч взял всю коробку. Усталость и напряжение лишили его чувства голода, но он надеялся, что сладкое придаст сил, сможет заменить сон.

Выключив свет и на первом этаже, он вышел через парадную дверь.

Оторванные ветром пальмовые листья несло по улице, им вслед летело содержимое перевернутого мусорного бака. Кусты разве что не вырывало с корнем, окна дребезжали, эвкалипты гнуло, луну и ту, похоже, сдувало с неба.

Сев за руль «Крайслера», Митч отправился на поиски Энсона.

Глава 39

Холли все расшатывает гвоздь, хотя результата нет и нет, но она расшатывает, потому что заняться ей больше нечем, а если она будет сидеть без дела, то сойдет с ума.

По какой-то причине она вспоминает Гленн Клоуз², которая сыграла сумасшедшую в «Роковом влечении»³. Но даже если ей и суждено сойти с ума, Холли не способна сварить кролика, чьего-то домашнего любимца, за исключением двух случаев: если ее семья будет умирать от голода и если в кролика вселится демон. Тогда, конечно, ничто ее не остановит.

Неожиданно гвоздь начинает шататься, и это так волнительно! Она так волнуется, что у нее возникает потребность воспользоваться судном, которое оставили ей похитители.

Однако волнение значительно утихает в последующие полчаса, за которые ей удается

¹ Д. Б. Купер – угнал самолет в 1971 г., угрожая взорвать его. По его требованию на борт самолета передали 200 тысяч долларов, с которыми он и прыгнул на парашюте.

² Клоуз, Гленн (р. 1947) – известная голливудская актриса, многократно номинировалась на «Оскара».

³ «Роковое влечение» – фильм-триллер 1987 г., режиссер Э. Лайн, выдвигался на премию «Оскар» в шести номинациях. Исполнивший главную роль Майкл Дуглас после этого фильма перешел в разряд суперзвезд.

вытащить гвоздь из доски пола максимум на четверть дюйма. Потом он застревает и не желает вылезать дальше.

Тем не менее полдюйма лучше, чем ничего. Длина гвоздя (какая?) дюйма три. Пока она потратила на его распатывание часов семь. Не больше, учитывая, что ей приносили пиццу, да и пальцы требовали отдыха. Если она активизирует свои действия и добьется скорости вытаскивания дюйм в сутки, то к конечному сроку, полночи со среды на четверг, ей останется какой-то дюйм.

И если Митч к тому времени раздобудет выкуп, похитителям останется подождать всего лишь день до того, как пленница вытащит этот чертов гвоздь.

Холли всегда была оптимисткой. Люди называли ее солнечной, радостной, неунывающей, кипучей. Раздраженный ее вечным оптимизмом, какой-то вечно мрачный мужчина однажды спросил, может, она – плод любви Микки-Мауса и Динь-Динь?

Она могла бы разозлиться и сказать правду: что ее отец и мать погибли в автомобильной катастрофе, когда она была совсем маленькой, и ее воспитывала бабушка, которая окружила внучку любовью и весельем.

Но она дала другой ответ: *«Да, но, поскольку врачи запретили Динь-Динь рожать, у нее слишком узкие бедра, меня вынашивала Дейзи Дак»*¹.

В этот момент, однако, с хорошим настроением у нее не очень. Когда тебя похищают, способность веселиться пропадает напрочь.

Она уже сломала два ногтя, подушечки пальцев горели. Если бы она не обматывала шляпку гвоздя подолом блузки, то наверняка начали бы кровить.

С учетом сложившейся ситуации на эти травмы обращать внимания не следует. Вот если похитители, как и обещали Митчу, начнут отрубать ей пальцы, тогда появится повод для жалоб.

Она берет паузу. В темноте ложится на надувной матрац.

Хотя и вымоталась донельзя, не думает, что сможет уснуть. А потом ей снится какое-то темное место, отличное от комнаты, в которой похитители держат ее.

Во сне она не прикована к кольцу на полу. Она ходит в темноте, держа в руках какой-то сверток.

Это не комната, а какие-то проходы, связанные между собой. Множество пересекающихся тоннелей. Лабиринт.

Сверток становится все тяжелее. Руки болят. Она не знает, что несет, но случится что-то ужасное, если она положит сверток на землю.

Слабое свечение привлекает ее внимание. Она заходит в комнату, освещенную одной-единственной свечкой.

Митч здесь. Она так рада видеть его. Отец и мать, которых она видела только на фотографиях, тоже здесь.

Сверток на руках – спящий младенец. Ее спящий младенец. Руки Холли болят, но она крепко держит бесценный сверток.

Митч говорит: *«Дай нам младенца, любимая. Он должен быть с нами. А тебе здесь не место»*.

Ее родители умерли, Митч, получается, тоже, и как только она отдаст младенца, он более не будет спящим.

Она отказывается отдать своего сына, а потом каким-то образом тот оказывается на руках матери. Ее отец задувает свечу.

Холли просыпается от завывания какого-то чудовища, но воет только ветер, он сотрясает стены, скрипит стропилами, с них сыплется пыль.

Мягкий свет, не свечи, а фонаря, разгоняет темноту, которая окутывает Холли. Она видит лыжную шапочку-маску, сжатые губы, серо-синие глаза одного из похитителей, который стоит рядом с ней на коленях. Именно этот похититель тревожит ее больше всего.

– Я принес тебе шоколад, – говорит он.

¹ Дейзи Дак – еще один персонаж мультфильмов Уолтера Диснея, уточка, отличающаяся веселым нравом.

Протягивает плитку «Мистера Гудбара».

Пальцы у него длинные и белые. Ногти обкусаны.

Холли не хочет прикасаться к тому, что трогал он. Скрывая отвращение, берет плитку.

– Они спят. Сейчас мое дежурство. – Он ставит на пол банку колы, покрытую каплями конденсата. – Тебе нравится пепси?

– Да. Благодарю.

– Ты бывала в Чамисале, штат Нью-Мексико?

Голос мягкий, музыкальный, почти женский.

– Чамисаль? Нет, даже не слышала о таком городе.

– Я там многое узнал. Вся моя жизнь переменялась после этого.

Что-то дребезжит на крыше, давая ей повод вскинуть глаза в надежде увидеть какие-то характерные особенности своей темницы, чтобы потом рассказать о них на суде.

Сюда ее привели с повязкой на глазах. Она только помнит, как поднималась по узкой лестнице. Из чего и сделала вывод, что заперли ее на чердаке.

Верхняя половина маленького фонаря заклеена черной лентой. Потолок прячется в темноте. Свет выхватывает из нее только часть ближайшей кирпичной стены, все остальное растворяется в тенях.

Похитители очень предусмотрительны.

– Ты бывала в Рио-Лючио, штат Нью-Мексико? – спрашивает он.

– Нет. Там тоже не бывала.

– В Рио-Лючио есть маленький домик с оштукатуренными стенами, выкрашенными в синий цвет, с желтой отделкой. Почему ты не ешь шоколад?

– Приберегаю на потом.

– Кто знает, сколько времени осталось каждому из нас? – спрашивает он. – Съешь его сейчас. Мне нравится смотреть, как ты ешь.

С неохотой она снимает с плитки обертку.

– Святая женщина, которую зовут Эрмина Лавато, живет в сине-желтом домике с оштукатуренными стенами в Рио-Лючио. Ей семьдесят два года.

Он уверен, что из таких фраз и состоит разговор. Делает паузу, ожидая очевидных реплик Холли.

Проглотив кусочек шоколада, она спрашивает:

– Эрмина – родственница?

– Нет. У нее испанские корни. Она потрясающе готовит курицу, а кухня выглядит так, словно перенеслась в настоящее из 1920-х годов.

– Я повариха не из лучших, – признается Холли.

Его взгляд не отрывается от ее рта, она вновь откусывает от «Мистера Гудбара», с таким ощущением, будто совершает что-то непристойное.

– Эрмина очень бедна. Домик у нее маленький, но прекрасный. Каждая комната выкрашена в свой цвет.

Он смотрит на ее рот, а она изучает его лицо, насколько позволяет маска. Зубы желтые. Резцы острые. Клыки необычно заострены.

– В ее спальне сорок два изображения Девы Марии.

Губы выглядят так, словно их постоянно прикусывают. Иногда, когда не говорит, он жует кусочки кожи.

– В гостиной тридцать девять изображений святого сердца Иисуса, проткнутого шипами.

Трещины в губах блестят, словно из них вот-вот начнет сочиться кровь.

– Во дворе домика Эрмины Лавато я зарыл сокровище.

– Подарок для нее? – спрашивает Холли.

– Нет. Она не оценит то, что я зарыл. Выпей пепси.

Она не хочет пить из банки, которую он держал в руках. Но все равно открывает ее, делает глоток.

– Ты бывала в Пенаско, штат Нью-Мексико?

– Я никогда не была в Нью-Мексико.

Он какое-то время молчит, тишину нарушает только ветер, его взгляд опускается к ее шее, когда она глотает пепси.

– Моя жизнь изменилась в Пенаско.

– Вроде бы речь шла о Чамисале.

– В Нью-Мексико моя жизнь часто менялась. Это место изменений и великой тайны.

Подумав о том, что она сможет найти применение банке из-под пепси, Холли ставит ее на пол в надежде, что он позволит оставить ей банку у себя, если она не выпьет все до его ухода.

– Тебе бы понравились Чамисаль, Пенаско, Родарте, там много и других прекрасных и загадочных городков.

Она задумывается, прежде чем ответить:

– Будем надеяться, что я останусь в живых и смогу их увидеть.

Он встречается с ней взглядом. Глаза у него темно-синие, цвета неба, которое говорит о приближении бури, пусть облаков пока нет и в помине.

Голос звучит даже мягче, чем обычно, в нем слышится нежность:

– Могу я сказать тебе кое-что по секрету?

Если он к ней прикоснется, она закричит и перебудит остальных.

Истолковав выражение ее лица как согласие, он продолжает:

– Нас было пятеро, а осталось только трое.

Она ожидала услышать совсем другое. Поэтому не отводит глаз, хотя это и дается ей с трудом.

– Чтобы увеличить долю каждого, мы убили Джейсона.

При упоминании имени внутри у нее все сжимается. Она не хочет знать имен или видеть лица.

– А теперь исчез Джонни Нокс, – добавляет он. – Джонни вел наблюдение за твоим домом, а потом как сквозь землю провалился. Мы трое не собирались избавляться от него. Такой вопрос никогда не поднимался.

«Мутч», – сразу думает она.

Снаружи ветер вдруг меняет голос. Только что завывал, а тут вдруг начинает шикать, словно советуя Холли больше молчать и слушать.

– Двое других вчера отъезжали по разным делам, – говорит похититель. – В разное время. Каждый мог убить Джонни.

Чтобы вознаградить его за эти откровения, Холли съедает еще кусочек шоколада.

Не отрывая глаз от ее рта, он продолжает:

– Может, они решили поделить все на двоих. Или один из них хочет забрать все.

Из вежливости она отвечает:

– Они такого не сделали бы.

– Они могут, – возражает ей похититель. – Ты бывала в Вальсито, штат Нью-Мексико?

Холли слизывает шоколад с губ.

– Нет.

– Бедный городок. Там много бедных и прекрасных городков. Моя жизнь переменялась в Вальсито.

– И как же она переменялась?

Он не отвечает, твердит о своем:

– Тебе следовало бы увидеть Лос-Трампас, штат Нью-Мексико, в снегу. Несколько домов, белые поля, низкие холмы, небо белое, как поля.

– Да ты у нас поэт, – говорит она, и это не просто слова.

– В Лас-Вегасе, штат Нью-Мексико, казино нет. Там есть жизнь и тайна.

Его белые руки сходятся вместе, но не в молитве, а словно каждая из них обладает независимым разумом и им нравится прикасаться друг к другу.

– В Рио-Лючио в маленькой кухне дома Элоизы Сандоваль в красном углу висит икона святого Антония. Под ней стоят двенадцать керамических фигурок, по одной на каждого ребенка и внука. Каждый вечер она зажигает перед иконой свечи.

Холли надеется, что больше никаких откровений насчет других похитителей не будет, но при этом знает: его слова заинтриговали ее, пусть и против воли.

– Эрнест Сандоваль ездит на «Шевроле Импал» модели 1964 года. Приборный щиток раскрашен в разные цвета, а потолок салона обит красным бархатом.

Длинные пальцы поглаживают друг друга, поглаживают и поглаживают.

– Эрнеста интересуют святыне, которые незнакомы его набожной жене. И он знает удивительные места.

«Мистер Гудбар» начинает забивать рот Холли, от него слипается горло, но она заставляет себя откусить еще кусочек.

– Древние духи обитали в Нью-Мексико еще до того, как появилось человечество. Ты – ищущая?

Холли понимает: если она слишком уж активно подыграет ему, он ей не поверит.

– Я так не думаю. Иногда мы все чувствуем: чего-то недостает. Но это свойственно всем. Такова человеческая природа.

– Я вижу в тебе ищущую, Холли Рафферти. Крошечное семечко души ждет, чтобы вырасти в могучее дерево.

Глаза его напоминают чистый поток, да только на дне скопилась какая-то муть.

Опустив глаза, она говорит:

– Боюсь, ты разглядел во мне слишком много. Я – не мыслитель.

– Секрет не в том, чтобы думать. Мы думаем словами. А то, что лежит за реальностью, доступной нам, есть истина, которую словами не выразить. Секрет в том, чтобы чувствовать.

– Видишь, вроде бы ты объясняешь просто, но мне это все равно недоступно, – она смеется. – Моя самая большая мечта – торговля недвижимостью.

– Ты недооцениваешь себя, – заверяет он ее. – В тебе огромный потенциал.

На широких запястьях, на кистях с длинными, тонкими пальцами нет ни волоска. То ли от рождения, то ли потому, что он пользуется кремом для эпиляции.

Глава 40

Обдуваемый порывами ветра, врывающимися в открытое окно водительской дверцы, Митч проехал мимо дома Энсона в Корона-дель-Мар.

Большие кремово-белые цветы сорвало с магнолии и прибило к входной двери. Там они и лежали, освещенные фонарем, который горел на крыльце всю ночь. В самом же доме не светило ни одного окна.

Митч не верил, что после убийства родителей Энсон приехал домой, принял душ и лег спать. Он наверняка находился сейчас совсем в другом месте: возможно, реализовывал еще какие-то коварные планы.

«Хонда» Митча более не стояла у тротуара, где он ее оставил, когда приехал к дому Энсона, следуя указаниям похитителей.

В следующем квартале он остановил «Крайслер», доел батончик «Хершис», поднял стекло, вышел из автомобиля, запер его. К сожалению, «Крайслер» очень уж резко выделялся среди других, застывших у тротуара автомобилей. Ему полагалось стоять в музее, а не на улице.

Митч свернул в проулок, который вел к гаражу Энсона. Свет горел на первом этаже квартиры, расположенной над двумя примыкающими друг к другу гаражами на два автомобиля каждый.

Некоторые люди могли работать и в половине четвертого утра. Или мучиться от бессонницы.

Митч широко расставил ноги, чтобы ветер не унес его с собой, и всматривался в

зашторенные окна.

Из библиотеки Кэмпбелла он ступил в новую реальность. И многое теперь виделось ему по-иному, совсем не так, как прежде.

Если у Энсона было восемь миллионов долларов и полностью оплаченная яхта, ему, возможно, принадлежали обе квартиры, расположенные в доме, а не одна, как он всегда говорил. Он жил в той, что окнами выходила на улицу, а вторую использовал как офис, где и занимался теми делами, которые позволили ему разбогатеть.

И бодрствовал в этот час не сосед, а сам Энсон, работал, сидя за компьютером.

Возможно, не работал, а размышлял над тем, в какие дальние страны отправится в ближайшее время на яхте.

Калитка открылась на узкую дорожку. Мимо гаража она привела Митча в выложенный кирпичом маленький дворик, разделявший две квартиры. Свет в дворике не горел.

Перед двориком тянулась клумба с папоротниками и цветами. Справа и слева за высокими заборами стояли соседские дома. Участки были маленькие, и эти дома практически полностью отсекали ветер. Вместо порывов в дворик проникали только легкие дуновения.

Митч поднырнул под высокие листья тасманийского папоротника, которые чуть заметно покачивались. Замер, всматриваясь в дворик.

Обзору листья папоротника мешали, но не очень, так или иначе он все видел, во всяком случае, не упустил бы момент, когда хозяин решил бы пересечь дворик, направляясь из квартиры-офиса в жилую квартиру.

Сидя под папоротником, Митч полной грудью вдыхал запахи тщательно обработанной почвы, неорганических удобрений и мха.

Поначалу запахи эти его успокаивали, напоминая о жизни, где все было просто, жизни, которая оборвалась каких-то шестнадцать часов тому назад. Но уже через несколько минут смесь этих запахов навевала мысли о запахе крови.

В квартире над гаражами погас свет.

Возможно, не без помощи ветра, хлопнула дверь. Но при этом ветер не смог заглушить шум громких шагов на наружной лестнице, которая вела во внутренний дворик.

Всматриваясь между листьями папоротника, Митч разглядел медведеподобную фигуру человека, пересекающего выложенный кирпичом дворик.

Энсон не подозревал о том, что младший брат находится у него за спиной. Он быстро сокращает разделявшее их расстояние и издает сдавленный крик, лишь когда его нервную систему «замкнул» разряд тазера.

Когда Энсон качнулся вперед, пытаясь удержаться на ногах, Митч оставался рядом. И одарил старшего брата еще одним «поцелуем» мощностью в пятьдесят тысяч вольт.

Вот тут Энсон рухнул на кирпичи. Перекатился на спину. Руки и ноги дергались. Голова моталась из стороны в сторону. Он пытался издавать какие-то звуки, подвергая себя опасности проглотить язык.

Митч не хотел, чтобы Энсон проглотил язык, но и не пытался это предотвратить.

Глава 41

Крылья ветра бились о стены, угрожая подхватить крышу, унести с собой, заставляя вибрировать темноту.

Безволосые руки, белые, как перчатки, поглаживали друг друга в слабеньком свете фонаря.

Мягкий голос продолжает рассказывать:

– В Эль-Валле, штат Нью-Мексико, есть кладбище, где редко косят траву. На некоторых могилах есть надгробные камни, на других – нет.

Холли доела шоколад. Ее тошнит. Во рту ощущается вкус крови. Она использует пепси как средство для полоскания.

– Несколько могил без надгробных камней окружены невысокими заборчиками, которые соорудили из дощечек от ящиков для овощей и фруктов.

Все это куда-то ведет, но мысли его движутся только в известном ему направлении. Холли остается только ждать.

– Близкие выкрасили заборчики в пастельные тона: нежно-голубой, светло-зеленый, бледно-желтый, цвета увядших подсолнухов.

Несмотря на муть, которая таится в глубине глаз похитителя, они вызывают у нее меньшее отвращение на этот момент, чем руки.

– Под молодой луной, через несколько часов после того, как засыпали свежую могилу, мы поработали лопатами и вскрыли деревянный гроб, в котором похоронили ребенка.

– Цвета увядших подсолнухов, – повторила Холли, стараясь заполнить разум этим цветом и отсечь образ ребенка в гробу.

– Девочке было восемь лет, она умерла от рака. Ее похоронили с медальоном святого Кристофера, вложенным в левую руку, и фарфоровой фигуркой Золушки – в правую, потому что она любила эту сказку.

Подсолнухи не помогают, перед мысленным взором Холли возникают маленькие ручки, которые крепко держат медальон святого и фигурку бедной девушки, которая стала принцессой.

– Проведя несколько часов в могиле невинного, эти предметы обрели великую силу. Их очистила смерть и взяли под свою опеку души.

Чем дольше Холли смотрит в эти глаза, тем менее знакомыми они становятся.

– Мы взяли из ее рук медальон и фигурку и вложили в них другие предметы.

Одна белая рука исчезает в кармане черной куртки. Появившись вновь, она держит серебряную цепочку, на которой висит медальон святого Кристофера.

– Вот, – говорит он. – Возьми.

Тот факт, что медальон побывал в могиле, ее не смущает, но его вытащили из руки мертвого ребенка, и это ужасно.

Тут происходит нечто большее, чем вложено в его слова. Есть некий подтекст, которого Холли не понимает.

Она чувствует: отказ от медальона, какой бы ни была причина, приведет к ужасным последствиям. Протягивает правую руку, и он бросает медальон ей на ладонь. Цепочка едва слышно звякает, падая вслед за медальоном.

– Ты бывала в Эспаноле, штат Нью-Мексико?

Холли сжимает пальцы в кулак, накрывая ими медальон.

– Это еще одно место, в котором я не бывала.

– Моя жизнь изменится там, – доверительно сообщает он ей, подхватывает фонарь, поднимается.

Оставляет ее в крошечной тьме с недопитой банкой пепси, хотя она ожидала, что он унесет банку с собой. Она собирается, точнее, собиралась расплющить банку, превратить в миниатюрный рычаг и с его помощью вытаскивать неподатливый гвоздь.

Но медальон святого Кристофера для этой работы подходит куда как больше. Отлитый из бронзы, с покрытием из серебра или никеля, медальон гораздо жестче, чем мягкий алюминий, из которого сделана банка.

Визит похитителя многое изменил. Раньше в этой темноте она была одна. Теперь воображение Холли населяет темноту крысами, жабами и legionами ползающей мерзости.

Глава 42

Энсон рухнул перед дверью черного хода, и ветер, казалось, радостно поприветствовал его падение.

Как существо, привыкшее отфильтровывать кислород из воды, а теперь выброшенное на берег, он дергался, по телу прокатывались судороги. Кисти поднимались и опускались,

костьяшки пальцев выбивали дробь по кирпичам.

Он таращился на Митча, открывал рот, словно пытался что-то сказать, а может, пытался закричать от боли. Но с губ срывался разве едва слышный писк.

Митч тронул дверь. Не заперта. Распахнул ее и прошел на кухню.

Свет не горел. Зажигать его Митч не стал.

Он не знал, как долго действует эффект мощного электрического разряда, но надеялся, что минуту-две действует точно. Положил тазер на разделочный столик, вернулся к открытой двери.

Осторожно схватил Энсона за лодыжки, но брат, конечно же, не мог его пнуть. Митч втащил его в дом, поморщился, когда затылок Энсона ударился о приподнятый порожек.

Закрыв дверь, он включил свет. Жалюзи были опущены, как и раньше, когда он и Энсон ждали звонка похитителей.

Кастрюля с супом по-прежнему стояла на плите. Суп остыл, но в воздухе витал его аромат.

К кухне примыкала комната-прачечная. Митч заглянул в нее и убедился, что память его не подвела: комната маленькая, без единого окна.

У кухонного стола стояли четыре стула со стальным каркасом, сиденьями и спинками, обтянутыми красным винилом. Один Митч перенес в прачечную.

На полу, обнимая себя руками, словно пытаясь согреться, но прежде всего пытаясь взять под контроль спазматические сокращения мышц, постанывал Энсон.

Возможно, действительно от боли. Возможно, только имитировал боль. Митч на всякий случай близко к нему не подходил.

Взял со столика тазер. Второй рукой достал заткнутый за пояс пистолет.

– Энсон, я хочу, чтобы ты перевернулся на живот.

Голова брата моталась из стороны в сторону. Возможно, непроизвольно, не показывая, что Энсон отказывается подчиниться.

– Слушай меня. Я хочу, чтобы ты перевернулся на живот и пополз в комнату-прачечную.

Из уголка рта Энсона вытекала слюна. Подбородок блестел.

– Я даю тебе шанс. Иначе будет хуже.

Но к Энсону, похоже, контроль над телом еще не вернулся. Митчу оставалось только гадать, а вдруг два разряда тазера, один за другим, могут обладать коммутативным эффектом и превратить человека в инвалида. Казалось, что Энсон останется таким до конца своих дней.

Может, свою лепту внесло и падение на кирпичный пол. Роста Энсону хватало, так что он мог сильно расшибиться.

Митч еще какое-то время отдавал команды, но все они оставались без внимания.

– Черт бы тебя побрал, Энсон, если придется, я всажу в тебя третий разряд и перетащу, пока ты будешь приходить в себя.

Дверь черного хода задрезбужала, отвлекла Митча. Но прочность задвижки проверял редкий порыв ветра, прорвавшийся во внутренний дворик.

Когда он вновь посмотрел на старшего брата, то заметил расчетливость, которая тут же скрылась за туманом дезориентации. Глаза Энсона закатились.

Митч выждал еще полминуты. Потом поспешил к брату.

Энсон ждал его, думал, что тот воспользуется тазером, и сел, чтобы перехватить электрошокер, вырвать его из руки Митча.

Но Митч выстрелил, сознательно промахнулся, но и не так чтобы namного. А когда Энсон интуитивно подался назад, ударил пистолетом по голове, сильно, чтобы причинить боль, как выяснилось, достаточно сильно, чтобы Энсон лишился чувств.

Митч только хотел показать брату, что отныне тот имеет дело с совсем другим Митчем. Теперь же предстояло самому тащить обмякшего Энсона в комнату-прачечную.

Глава 43

«Он не тяжелый, он – мой брат». Чушь собачья. Он был братом Митча, но и веса в нем хватало.

Так что тащить его по деревянному полу кухни, а потом затащить в комнату-прачечную оказалось работой не из легких, и Митчу пришлось поднапрячься. А уж поднять на стул, казалось, просто не удастся, но Митч справился и с этим.

Мягкая панель спинки стула крепилась между двумя вертикальными трубками. Трубки установили с зазором между стойками каркаса спинки, которые плавно переходили в задние ножки стула.

Руки Энсона Митч просунул в зазоры между стойками и трубками. И сцепил запястьями наручниками позади спинки. В ящике для инструментов, который стоял в комнате-прачечной, среди прочего лежал и электрический провод, толстый провод, в оранжевой изоляции, длиной футов в сорок.

Митч обмотал провод вокруг ножек, потом привязал его к стиральной машине. Провод – не веревка, крепкие узлы завязать бы не удалось, поэтому Митч завязал их три, гарантируя, что сами по себе они не развяжутся.

Со скованными за спинкой стула руками Энсон мог бы приподняться, правда, вместе со стулом. Однако такой якорь, как стиральная машина, не позволил бы ему сдвинуться с места.

Ухо, порванное ударом пистолета, кровоточило, но не сильно.

Сердце билось медленно, но ровно. Митч полагал, что старший брат скоро придет в себя.

Оставив свет в комнате-прачечной включенным, Митч пошел наверх, в спальню. Нашел то, что и ожидал: два ночника со штепселями, вставленными в розетки, но не включенными.

С детства Энсон спал при включенном свете. В юности начал пользоваться такими вот ночниками. И в каждой комнате на случай отключения централизованной подачи электричества держал фонарь на батарейках, меняя их четыре раза в год.

Спустившись вниз, Митч заглянул в прачечную. Энсон еще не пришел в себя.

Митч рылся в ящиках кухонных столов, пока не нашел, где Энсон хранил ключи. Взял запасной ключ от дома. А также ключи от трех автомобилей, включая «Хонду», и вышел из дома через дверь черного хода.

Он сомневался, что соседи слышали выстрел, а если и слышали, то приняли именно за выстрел. Рев ветра если и не полностью заглушил его, то исказил донельзя. Тем не менее Митч с облегчением увидел, что ни одно окно в соседних домах не зажглось.

По наружной лестнице он поднялся к квартире над гаражами, попытался войти, но обнаружил, что дверь заперта. Однако, как он и ожидал, запасной ключ от дома Энсона подошел и к этому замку.

Внутри обнаружил кабинет, занимающий пространство, которое в обычной квартире отводили гостиной и столовой. И здесь стены были украшены картинами из морской жизни.

Четыре компьютера обслуживались одним оператором. Митчу не составило труда это понять, потому что перед ними стоял только один стул на колесиках. Судя по размерам компьютеров, это были не обычные «машины», которыми пользовались на дому. Эти обладали гораздо большей памятью и быстродействием.

Митч не был компьютерным гением и не питал на сей счет никаких иллюзий: прекрасно понимал, что не сможет разобраться, какой работой занимался брат и почему так быстро разбогател.

А кроме того, Энсон наверняка использовал различные пароли и системы защиты информации, чтобы отбить и очень серьезных хакеров. Даже ребенком, составляя пиратские карты, он очень тщательно зашифровывал дорогу к кладам. Митч развернулся, закрыл за собой дверь, спустился в первый из гаражей. Там нашел «Экспедишн», на котором они ездили в поместье Кэмпбелла, и «Бьюик» модели 1947 года.

Во втором гараже одно место пустовало, а второе занимала «Хонда» Митча, которую он оставлял на улице.

Возможно, Энсон загнал «Хонду» в гараж после того, как съездил в Орандж, взял садовые инструменты и кое-что из одежды Митча, побывал в доме Дэниэля и Кэти, убил их и вернулся в дом Митча, чтобы оставить компрометирующие улики.

Митч открыл багажник. Увидел тело Джона Нокса, завернутое в брезент.

Несчастный случай в гараже произошел давным-давно, в другой жизни.

Митч вернулся в первый гараж, завел двигатель «Экспедишн» и переставил внедорожник на свободное место во второй гараж.

А «Хонду», наоборот, загнал в первый, рядом с «Бьюиком», после чего опустил ворота этого гаража.

Не без труда вытащил из багажника труп. Положив на пол, выкатил из брезента.

Разлагаться труп еще не начал, но уже сильно пованивал, так что Митчу хотелось побыстрее от него избавиться.

Ветер дребезжал стеклами маленьких окошек гаража, прилипал к ним, словно пролетел долгий путь только для того, чтобы посмотреть, а чем это занят Митч.

Но тому, конечно же, было не до ветра. Тело Нокса сковало трупное окоченение, и ворочать его было очень нелегко.

Но в конце концов ему удалось затащить покойника в багажное отделение «Бьюика»-универсала и захлопнуть заднюю дверцу. Потом он сложил брезент и положил его в багажник «Хонды». С тем чтобы выбросить в ближайший мусорный контейнер.

Он не помнил, чтобы когда-нибудь уставал до такой степени: физически, эмоционально, духовно. Глаза жгло, суставы теряли гибкость, мышцы, казалось, отслоились от костей.

Возможно, только сахар и кофеин в батончиках «Хершис» не давали сердцу остановиться. Страх тоже служил подспорьем. Но усталости он не сдавался прежде всего потому, что постоянно помнил: Холли в руках монстров.

«Пока смерть не разлучит нас» – такой они дали обет, вступая в брак. Митч, однако, сомневался, что ее гибель освободит его от обетов. Он точно знал, что останется ей верен. И будет терпеливо ждать встречи на другом свете.

Проулком он вышел на улицу, вернулся к «Крайслеру», отогнал автомобиль во второй гараж. Припарковал рядом с «Экспедишн» и опустил ворота.

Посмотрел на часы – 4.09.

Через девяносто минут, может раньше, неистовый ветер пригонит с востока зарю. Поскольку в воздухе хватало пыли, первый свет будет розовым, он начнет быстро распространяться по небосводу, теряя розоватость, но все сильнее подсвечивая небо.

После встречи с Холли от каждого наступающего дня Митч ждал много нового и интересного. Этот день обещал стать другим.

Вернувшись в дом, он прошел в комнату-прачечную и увидел, что Энсон пришел в себя и пребывает в отвратительном настроении.

Глава 44

На рваной ране на ухе образовалась жидкая корочка, быстро засыхала и кровь, проложившая дорожку по щеке и шее.

От добродушного медведя во внешности Энсона ничего не осталось, лицо дышало злобой, челюсть закаменела, глаза яростно сверкали. И он молчал.

Ветер в комнату-прачечную не долетал. Вентиляционная труба доносила какие-то звуки, но они ни в коей степени не отражали разбушевавшейся стихии.

– Ты сможешь мне вернуть Холли живой, – отчеканил Митч.

Энсон не согласился, не отказался, лишь заскрежетал зубами.

– Они позвонят через семь с половиной часов и передадут инструкции.

Парадоксально, но, привязанный к стулу, лишенный возможности двигаться, Энсон прибавил в размерах. Пути только подчеркивали его физическую мощь, и казалось, подобно герою мифов, он вот-вот разорвет их, как нитки.

В отсутствие Митча Энсон приложил немало сил, чтобы оторвать стул от стиральной машины. Стальные ножки оставили на полу глубокие царапины, свидетельствующие о прилагаемых усилиях.

– Ты сказал, что можешь перевести деньги, не выходя из дома, по телефону, через компьютер, – напомнил ему Митч. – Ты сказал, максимум за три часа.

Энсон плюнул на пол между ними.

– Если у тебя есть восемь миллионов, двумя ты можешь пожертвовать ради Холли. Когда все закончится, мы с тобой больше не увидимся. Ты отправишься в ту клоаку, которую выбрал для жизни.

Если бы Энсон узнал, что Митчу известно о смерти Дэниэля и Кэти, их трупах, лежащих в учебной комнате, ни о какой помощи не могло быть и речи. Он бы подумал, что Митч уже избавился от подложенных улик и полиции не составит труда выйти на истинного преступника.

Но пока он верил, что убийства выведут полицию на Митча, оставалась надежда, что он все-таки согласится помочь, выжидая момента, когда Митч допустит ошибку и ситуация изменится на прямо противоположную.

– Кэмпбелл не мог отпустить тебя, – просипел Энсон.

– Он и не отпустил.

– Тогда как?

– Убил тех двоих.

– Ты ?

– И теперь мне придется с этим жить.

– Ты убил Воски и Крида?

– Я не знаю их фамилий.

– Это их фамилии.

– Из-за тебя.

– Воски и Крида? Быть такого не может!

– Тогда, должно быть, меня отпустил Кэмп-белл.

– Кэмпбелл никогда бы тебя не отпустил.

– Главное – я здесь, а как, значения не имеет.

Энсон мрачно смотрел на него, насупив брови.

– А теперь я даю тебе несколько часов, чтобы ты хорошенько подумал.

– Деньги ты получишь.

– Я хочу, чтобы ты подумал не об этом.

– Ты их получишь, но у меня будет несколько условий.

– Не тебе устанавливать правила, – отрезал Митч.

– Это мои два миллиона.

– Нет. Теперь они мои. Я их заработал.

– Остынь, а?

– Если бы ты был на их месте, ты бы ее сначала трахнул.

– Слушай, ты понимаешь, это всего лишь слова.

– Если бы ты был на их месте, ты бы ее убил, но сначала трахнул.

– Сказать можно все, что угодно. И потом, я – не они.

– Да, ты – не они. Но они здесь из-за тебя.

– Нет. Всякое случается. Вот случились и они.

– Если бы не ты, они бы в моей жизни не появились.

– Ладно, не буду тебя переубеждать.

– И вот о чем тебе нужно подумать: кто я теперь?

– Ты хочешь, чтобы я подумал, кто ты теперь?

– *Fratello piccolo* больше нет. Ты понимаешь?

– Но ты – мой маленький брат.

– Если ты по-прежнему так думаешь, то попытаешься провернуть какой-нибудь трюк в

надежде, что я на него клюну, но теперь у тебя ничего не выйдет.

– Если мы договоримся, я не буду пытаться что-либо провернуть.

– Мы уже договорились.

– Ты должен меня освободить.

– Чтобы ты разорвал меня на куски?

– Любой договор подразумевает доверие.

– Ты посиди здесь и подумай, как быстро ты можешь умереть.

Митч выключил свет и шагнул за порог.

Оставшись в темноте, в комнате-прачечной без единого окна, Энсон крикнул:

– Что ты делаешь?!

– Обеспечиваю наилучшие условия для раздумий, – ответил Митч и захлопнул дверь.

– Микки? – позвал Энсон.

Микки, после всего, что произошло, *Микки*.

– Микки, не делай этого.

Склонившись над кухонной раковиной, Митч вымыл руки мылом, с горячей водой, чтобы смыть осязательные воспоминания о теле Джона Нокса, которые словно впечатались в кожу.

Из холодильника достал упаковку нарезанного ломтиками «Чеддера» и тюбик с горчицей. Нашел батон и сделал себе сандвич с сыром.

– Я слышу тебя, – раздался из комнаты-прачечной голос Энсона. – Что ты делаешь, Микки?

Митч положил сандвич на тарелку. Добавил маринованный огурчик. Достал из холодильника бутылку пива.

– Какой в этом смысл, Микки? Мы уже договорились. Чего держать меня здесь?

Митч подставил еще один стул под ручку двери в комнату-прачечную, зафиксировав ее в горизонтальном положении.

– Что ты делаешь? – вновь повторил Энсон. – Что происходит?

Митч выключил свет на кухне. Поднялся вверх, в спальню Энсона.

Положив пистолет и тазер на прикроватный столик, сел на кровать, привалившись спиной к изголовью.

Не убрал шелковое покрывало. Не снял обувь.

Съев сандвич и огурец, выпив пиво, он поставил будильник на половину девятого утра.

Он хотел дать Энсону время на раздумья, но ему эти четыре часа требовались прежде всего для другого: от усталости он сам стал туго соображать. И просто не мог обойтись без сна.

Ветер громыхал на крыше, бился в окна, разговаривал диким голосом толпы. Ветер, казалось, смеялся над ним, обещая, что все его планы провалятся.

Это был Санта-Ана, сухой ветер, выдувающий влагу из растений в каньонах, рядом с которыми располагалось так много южнокалифорнийских городков, превращая зеленые деревья и кусты в сухостой. От поджигателя требовалось лишь бросить горящую тряпку, другой мог просто чиркнуть зажигалкой, и газеты долгие недели писали бы о лесных пожарах.

Шторы были задернуты, и, погасив лампу, Митч оказался в темноте. Потребности воспользоваться одним из ночников Энсона он не испытывал.

Очаровательное личико Холли возникло перед его мысленным взором, и он воскликнул:

– Господи, пожалуйста, дай мне силы и мудрость спасти ее!

Впервые в жизни он обратился к Богу.

Он ничего не стал обещать Всевышнему. Не верил, что это как-то поможет. С Богом не заключают сделок.

Он не думал, что сможет заснуть с приближением самого важного в его жизни дня, но заснул.

Глава 45

Гвоздь ждет.

Холли сидит в темноте, слушает ветер, сжимает пальцами медальон святого Кристофера.

Отставляет в сторону банку с пепси, не выпив вторую половину. Ей больше не хочется пользоваться судном, во всяком случае, пользоваться, когда дежурит этот сукин сын с безволосыми руками.

От мысли, что он выливает судно, ее начинает трясти. Сама просьба вылить судно есть свидетельство ненужной близости.

Держа медальон в правой руке, левой она проводит по животу. Его еще нет, и талия узкая. Растущий в ней ребенок – секрет, известный только ей и никому больше.

Говорят, если слушать классическую музыку во время беременности, ребенок родится с более высоким коэффициентом интеллектуального развития. А младенцем будет меньше плакать.

Возможно, это правда. Жизнь сложна и загадочна. Физики, изучающие квантовую механику, утверждают, что иногда следствие может опережать причину. Как-то раз она смотрела часовую программу на эту тему по каналу «Дискавери». Мало что поняла. И ученые, которые описывали различные явления, не могли их объяснить, только наблюдали за ними.

Она круговыми движениями медленно водит ладонью по животу, думая, как будет приятно, если младенец дернется и она сможет это почувствовать. Разумеется, пока он совсем маленький, состоит из считанных клеток, у него еще нет ножек, чтобы пнуть ими, говоря: *«Привет, мамка»*.

Но он уже живет в ней, крошечный человечек в панцире ее тела, жемчужина, растущая в раковине, и все, что она делает, в той или иной степени на нем отражается. Теперь никакого вина за обедом. Минимум кофе. Специальные физические упражнения. И чтоб больше никаких похищений.

Она, наверное, ведет себя иррационально. Полагая, что ребенок во чреве матери может многому от нее научиться. И, однако, ей кажется, что, будучи беременной, негоже рвать гвоздем сонную артерию другого человека или вгонять его в глаз похитителя, чтобы повредить мозг, потому что такие ее действия могут негативно отразиться на младенце.

Исключительно сильная эмоция (опять же, согласно каналу «Дискавери») заставляет мозг выделять в кровь различные гормоны и другие химические вещества. Стремление убить, безусловно, относится к сильным эмоциям.

Если избыток кофеина подвергает ребенка риску, тогда нетрудно представить себе, сколь опасны гормоны и ферменты матери-убийцы. Она собирается пустить в ход гвоздь, напасть на плохого человека, действительно плохого человека, но откуда младенцу знать, что жертва – плохиш?

Ребенок не может родиться с жаждой убийства только потому, что мать, защищая себя и его, убила человека. Тем не менее Холли раздумывает, а браться ли ей вновь за гвоздь.

Может, эта иррациональная тревога – симптом беременности, как тошнота по утрам, которой она еще не испытывала, или как желание поест шоколадного мороженого с маринованными огурцами.

Благоразумие тоже вносит свою лепту в обдумывание плана использования гвоздя. Когда имеешь дело с такими людьми, как ее похитители, лучше не нападать на них, если нет полной уверенности, что атака завершится успешно.

Если ты попытаешься вогнать гвоздь в глаз одного из них, а попадешь в нос, на тебя набросится разъяренный преступник с оцарапанным носом. И ничего хорошего в этом не будет.

Она все сжимает пальцами медальон святого Кристофера, взвешивая все «за» и «против» использования гвоздя в борьбе с вооруженными преступниками, когда

возвращается представитель совета по туризму Нью-Мексико.

Как и прежде, при нем фонарь, верхняя половина стеклянных панелей которого заклеена, и руки пианиста из преисподней. Он встает перед ней на колени, ставит фонарь на пол.

– Тебе нравится медальон, – говорит он, довольный тем, что она вертит его в пальцах, как бусинку четок.

Интуиция убеждает подыграть ему.

– На ощупь он такой необычный.

– Девочка в гробу была в простом белом платье с дешевыми кружевами на воротнике и рукавах. Она выглядела такой умиротворенной.

Он сжевал все кусочки кожи с обкусанных губ. А сами губы распухли.

– В волосах у нее были белые гардении. Когда мы подняли крышку гроба, в нос ударил их скопившийся аромат.

Холли закрывает глаза, чтобы укрыться от его взгляда.

– Мы взяли медальон и фигурку Золушки, чтобы отвезти их в одно место около Ангельского огня, штат Нью-Мексико, где есть водоворот.

Очевидно, он уверен, что она знает, о каком водовороте идет речь.

Его мягкий голос становится еще мягче, совсем грустным, когда он добавляет:

– Я убил их обоих во сне.

На мгновение ей кажется, что последняя фраза как-то связана с водоворотом в Ангельском огне, штат Нью-Мексико, и она старается найти эту связь. Потом осознает, о чем он толкует, и открывает глаза.

– Они притворялись, будто не знали, что случилось с Джоном Ноксом, но как минимум один из них должен был знать, а может, и оба.

В комнате неподалеку два трупа. Выстрелов она не слышала. Может, он перерезал им глотки.

Она легко могла нарисовать себе эти безволосые руки, управляющиеся с бритвой с той же легкостью, с какой фокусник перекачивает монеты по костяшкам пальцев.

Холли все больше привыкала к металлическому кольцу на лодыжке, к цепи, которая тянулась к другому кольцу, намертво ввинченному в пол. Внезапно она осознала, что не просто находится в темном помещении без единого окна, но и может перемещаться лишь по ограниченному пространству, насколько позволяла цепь.

Он говорит:

– Я был бы следующим, а деньги они поделили бы на двоих.

Пять человек планировали похищение. Четверо уже мертвы.

Если он прикоснется к ней, никто не отреагирует на ее крик. Они остались наедине.

– И что теперь? – спрашивает она и тут же жалеет о заданном вопросе.

– В полдень я поговорю с твоим мужем, как мы и договаривались. Энсон снабдит его деньгами. Потом все будет зависеть от тебя.

Третье предложение повергает ее в ужас.

– Что ты хочешь этим сказать?

Вместо ответа на ее вопрос он говорит:

– В рамках церковного фестиваля в Пенаско, штат Нью-Мексико, в августе устраивается небольшой карнавал.

У нее такое ощущение, что, сорви она эту лыжную шапочку-маску, под ней не окажется лица, только сине-серые глаза и рот с желтыми зубами и обкусанными губами. Ни бровей, ни носа, ни ушей не будет, только кожа, белая и гладкая, как винил.

– Чертово колесо и несколько других аттракционов, какие-то игры и в последний год гадалка.

Его руки описывают круг, словно рисуя чертово колесо, возвращаются на бедра, где и лежали.

– Гадалка – мадам Тирезия, но, разумеется, это ее не настоящее имя.

Холли так крепко сжимает медальон, что начинают болеть костяшки пальцев, а барельеф святого, несомненно, отпечатался на ладони.

– Мадам Тирезия – обманщица, но, что самое забавное, она обладает силой, о которой даже не подозревает.

Между этими высказываниями он делает паузы, будто слова его очень важны и он хочет, чтобы она прониклась их важностью.

– Она не обманывала бы людей, если бы осознавала, кто она на самом деле, и в этом году я собираюсь открыть ей глаза.

Говорить без дрожи в голосе непросто, но Холли собирает волю в кулак, и ей это удается, когда она повторяет вопрос:

– Что ты хотел этим сказать – все будет зависеть от меня?

Когда он улыбается, часть рта исчезает за горизонтальной прорезью в маске. От этого улыбка становится лукавой, она словно говорит: а мне все известно, нет у тебя от меня никаких секретов.

– Ты знаешь, – говорит он. – Ты – не мадам Тирезия. Твои способности для тебя не тайна.

Она чувствует, что, если начнет отпираться, он может потерять терпение, разозлиться. Его мягкий голос и обходительные манеры – овечья шкура, и Холли пока не хочет увидеть прячущегося под ней волка.

– Теперь мне есть о чем подумать, – отвечает она.

– Я это понимаю. Ты долго жила за портьерой, а теперь знаешь: за нею не просто окно, а огромный новый мир.

Боясь, что одно неправильное слово может разрушить чары, которыми заколдовал себя похититель, Холли выдыхает:

– Да.

Он встает.

– У тебя несколько часов для принятия решения. Тебе что-нибудь нужно?

Помповик, думает она, но отвечает:

– Нет.

– Я знаю, каким будет твое решение, но ты должна прийти к нему сама. Ты бывала в Гвадалупите, штат Нью-Мексико?

– Нет.

Его улыбка такая широкая, что оба уголка рта уходят из прорези.

– Ты там побываешь, и тебе понравится.

Он уходит, следом за своим фонарем, оставляя ее в темноте.

Только тут Холли осознает, что ветер дует с прежней силой. С того самого момента, как он сказал, что убил двух других похитителей, она перестала слышать ветер.

Какое-то время слышала только его голос. Его обманчивый, приторно-сладкий голос.

Холли даже не слышала ударов своего сердца, но теперь слышит и чувствует, как молотится оно о ребра.

Младенец, еще такой крошечный, купается в гормонах и ферментах жажды борьбы, которые поступают в кровь по приказу ее мозга. Может, это не так плохо. Может, это даже хорошо. Может, замаринованный в этом потоке маленький Рафферти, он или она, только закалится и ему будет легче осваиваться в этом мире.

В мире, который побуждает к жестокости хороших людей.

Вооружившись медальоном святого Кристофера, Холли набрасывается на гвоздь.

Глава 46

Будильник разбудил Митча в половине девятого, на пару с ветром, который врывается в его сны, а теперь продолжал бушевать в реальном мире.

С минуту он посидел на краю кровати, зевая, глядя то на тыльные стороны ладоней, то

на сами ладони. После того, что сделали эти руки прошлой ночью, им вроде бы следовало выглядеть не так, как прежде, но никаких отличий Митч не обнаружил.

Проходя мимо зеркальных дверей стенного шкафа, отметил, что одежда его не так уж и измята. А все потому, что проснулся он в той самой позе, в какой и заснул: за четыре часа не шевельнулся.

В ванной, порывшись в ящиках, нашел несколько новеньких зубных щеток в фабричной упаковке. Распечатал одну, использовал, побрился электрической бритвой Энсона.

С пистолетом и тазером спустился вниз.

Стул все так же стоял под ручкой двери в комнату-прачечную. Оттуда не доносилось ни звука.

Он поджарил яичницу на три яйца, полил соусом «Табаско». Посыпал «Пармезаном», съел с двумя гренками с маслом, запил стаканом апельсинового сока.

По привычке начал собирать грязную посуду, чтобы помыть, потом понял, что при сложившихся обстоятельствах это абсурд. Оставил грязные тарелки на столе, сковородку – на плите.

Когда открыл дверь в прачечную и зажег свет, увидел, что Энсон, как и прежде, прикован к стулу, а одежда его мокрая от пота, хотя никакой жары в прачечной не ощущалось.

– Ты подумал насчет того, кто я теперь? – спросил Митч.

Злость из Энсона вроде бы ушла. Он сидел ссутулившись, поникнув головой. Габаритами меньше не стал, но что-то с ним произошло.

Поскольку старший брат не ответил, Митч повторил вопрос:

– Ты подумал насчет того, кто я теперь?

Энсон поднял голову. Глаза налились кровью, губы побледнели. Капельки пота блестели на щетине.

– Мне тут плохо, – таким визгливым голосом он не говорил никогда. Энсон определенно чувствовал себя обиженным.

– Еще раз спрашиваю, ты подумал насчет того, кто я теперь?

– Ты – Митч, но не тот Митч, которого я знаю.

– Это правильно.

– В тебе появилось что-то такое. Я не знаю, кто ты теперь.

– Я – муж. Я совершенствую. Оберегаю.

– И что это должно означать?

– Я и не жду, что ты поймешь.

– Мне нужно в туалет.

– Валяй.

– У меня сейчас лопнет мочевого пузыря. Мне нужно отлить.

– Отливай. Я не из брезгливых.

– Прямо здесь?

– Почему нет? Грязно, зато удобно, никуда не нужно ходить.

– Ты не можешь так поступить со мной, брат.

– Не называй меня братом.

– Ты все равно мой брат.

– Только по крови.

– Это не так.

– Так!

Ножки стула прочертили новые царапины на полу. Две плитки треснули.

– Где ты держишь наличные? – спросил Митч.

– Я бы так не унижал тебя.

– Ты отдал меня киллерам.

– Но не унижал тебя.

– Ты сказал, что сначала изнасиловал бы мою жену, а уж потом убил.

– Что ты к этому прицепился? Я же *объяснил* .

Он так яростно пытался оторвать стул от стиральной машины, что в одном месте оранжевый провод ободрал с корпуса стиральной машины краску.

– Где ты держишь наличные, Энсон?

– У меня, ну, не знаю, несколько сотен в бумажнике.

– Я не дурак. Не нужно водить меня за нос.

Голос Энсона дрогнул:

– Мне больно.

– И что у тебя болит?

– Руки. Плечи просто горят. Сцепи мне руки в другом положении. Впереди. Это пытка.

Энсон разве что не надувал губы. Большой обиженный маленький мальчик. Мальчик с холодным, расчетливым мозгом рептилии.

– Давай сначала поговорим о наличных, – гнул свое Митч.

– Под наличными ты подразумеваешь много наличных? Их нет.

– Если перевести деньги через компьютер, я никогда не увижу Холли.

– Может, и увидишь. Они не захотят, чтобы ты обратился в полицию.

– Она может опознать их в суде. На такой риск они не пойдут.

– Кэмпбелл может убедить их дать задний ход.

– Избив их матерей, изнасиловав сестер?

– Ты хочешь вернуть Холли или нет?

– Я убил двух его людей. Он мне поможет?

– Возможно. Ты заставил его тебя уважать.

– Скорее, он еще раз прикажет меня убить.

– Ты не прав.

– Я собираюсь сказать похитителям, что деньги они получают наличными и от меня.

– Тогда у тебя ничего не выйдет.

– У тебя есть наличные, – настаивал Митч.

– Деньги зарабатывают проценты, дивиденды. Я не храню их под матрасом.

– Ты читал все эти пиратские истории.

– И что?

– Ты отождествлял себя с пиратами, думал, что они крутые.

Энсон скривился от боли.

– Пожалуйста, позволь мне сходить в туалет. Мне очень плохо.

– Теперь ты – пират. У тебя даже есть собственный корабль, ты можешь вести дела, находясь в море. Пираты не кладут деньги в банк. Им нравится прикасаться к ним, смотреть на них. Они прячут деньги в разных местах, чтобы легко и быстро добраться до них, когда удача вдруг повернется к ним спиной.

– Митч, пожалуйста. У меня начались спазмы мочевого пузыря.

– Деньги, которые ты получил, кого-то там консультируя, да, они пошли в банк. Но деньги, доставшиеся тебе от других людей, которые ближе к криминалу, уж не знаю, что ты для них делал и в чем обманул при дележке, они в банк не попали. С них налогов ты не платил.

Энсон молчал.

– Я не собираюсь вести тебя в твой офис и наблюдать, как ты, сидя за компьютером, переводишь куда-то деньги. Ты сильнее меня. Ты в отчаянном положении. Я не собираюсь давать тебе шанс выкрутиться. Ты останешься на этом стуле, пока все не будет закончено.

– Я всегда тебя защищал. – В голосе Энсона слышались обвинительные нотки.

– Не всегда.

– В детстве. Я всегда приходил тебе на помощь, когда мы были детьми.

– Если уж на то пошло, мы всегда стояли друг за друга.

– Стояли. Совершенно верно. Как и положено братьям. Мы можем к этому вернуться, – заверил его Энсон.

– Да. И как будем возвращаться?

– Я не говорю, что это будет легко. Может, начнем с честности. По отношению к тебе, Митч, я поступил ужасно. Я баловался наркотиками, вот у меня и помутилось в голове.

– Ты никогда не баловался наркотиками. И не нужно сваливать на них вину. Где наличные?

– Брат, клянусь тебе, грязные деньги отмываются. И в конце концов тоже попадают в банк.

– Я тебе не верю.

– Ты можешь меня пытаться, но правды это не изменит.

– Почему бы тебе не подумать об этом еще? – спросил Митч.

– Думать тут не о чем. Я все сказал.

Митч выключил свет.

– Нет, нет! – выкрикнул Энсон.

Митч вышел на кухню, захлопнул за собой дверь, оставив старшего брата в темноте.

Глава 47

Начал Митч с чердака. Нашел крышку люка в гардеробной, примыкающей к спальне Энсона. К крышке крепилась складная лестница.

Две лампочки плохо освещали просторный чердак, но увидел он там только паутину, растянутую между стропилами и крышей.

А ветер продолжал реветь, визжать и шипеть, словно был разъяренным, голодным котом, а чердак – клеткой с канарейкой.

Санта-Аны испугались даже пауки, которые в тревоге бегали по паутине, вместо того чтобы застыть, поджидая добычу.

На чердаке ничего не хранилось. Митч уже собрался спуститься, но что-то его удержало. Подозрительность, может, интуиция.

Пол на чердаке выстелили фанерой. Энсон, вероятно, не стал бы хранить деньги под листом фанеры, прибитым шестнадцатью гвоздями. В случае крайней необходимости он бы не смог быстро добраться до этих денег.

Тем не менее, нагибая голову, чтобы не удариться о стропила, Митч продолжал ходить взад-вперед, прислушиваясь к звуку шагов. Его не покидало ощущение, что он на пороге открытия.

Наконец его внимание привлек гвоздь. Все остальные гвозди были вбиты в пол, а у этого шляпка торчала на четверть дюйма.

Митч опустился рядом с гвоздем на колени, оглядел его. Шляпка широкая и плоская. Судя по ее размерам и толщине стержня, длиной гвоздь был как минимум в три дюйма.

Ухватившись за гвоздь большим и указательным пальцем, Митч попытался его пошатать, но убедился, что сидит гвоздь крепко.

Сверхъестественное чувство охватило его, совсем как в тот момент, когда он увидел поле, заросшее ситанионом, которое ветер и лунный свет превратили в ртутное озеро.

Внезапно ему показалось, что Холли совсем рядом, он даже оглянулся и не удивился бы, если б увидел ее. И чувство это не пропало, а продолжало нарастать, по спине побежал холодок.

Митч спустился на кухню. В ящике, где он нашел ключи, лежали и наиболее часто используемые инструменты. Он взял отвертку и молоток-гвоздодер.

– Что ты там делаешь?! – крикнул из прачечной Энсон.

Митч не ответил.

Вернувшись на чердак, легко вытащил гвоздь. Потом, используя отвертку как рычаг, вогнав острое под шляпку следующего гвоздя и постукивая по другому концу молотком, вытащил гвоздь из фанеры на четверть дюйма, после чего воспользовался гвоздодером.

Возбужденные пауки метались по натянутым паутинам, ветер ревел и завывал.

С каждым новым выдернутым гвоздем росло ощущение, что цель все ближе. Наконец Митч выдернул последний и перевернул лист фанеры.

Нашел только балки. Да фибергласовую изоляцию между ними. Убрал фиберглас. Никакого сейфа, никаких запаянных в пластик пачек сто долларовых банкнот.

Ощущение, что он на пороге открытия, прошло, как и чувство, что Холли совсем рядом. Митч посидел, не понимая, что на него нашло.

«Что это, черт побери, было ?»

Оглядывая чердак, он не испытывал ни малейшего желания отрываться от балок другие листы фанеры.

Его первоначальное предположение подтвердилось. На случай пожара или по какой другой причине Энсон не стал бы прятать деньги там, где не смог бы до них быстро добраться.

Митч оставил пауков в темноте, в компании с завывающим ветром.

После того как поднял крышку люка с лестницей, продолжил поиски в гардеробной. Заглянул за одежду. Проверил все ящики на предмет второго дна или ложной задней стенки, заглянул под каждую полку, простучал пол и стены.

В спальне приподнял все картины в надежде найти стенной сейф, хотя сомневался, что Энсон будет прятать его в столь очевидном месте, сдвинул кровать, но не нашел отдельного квадрата ковра, под которым мог скрываться вделанный в пол сейф.

Обыскал Митч и две ванны, чулан в коридоре, две необставленные спальни. Ничего не нашел.

Внизу начал с отделанных панелями красного дерева, уставленного стеллажами с книгами кабинета-библиотеки. Вот уж где было множество мест для тайника. Митч обследовал максимум половину, когда посмотрел на часы и увидел, что уже 11.33, то есть до звонка похитителей оставалось двадцать семь минут.

На кухне он взял со столика пистолет и направился в комнату-прачечную. Когда открыл дверь, в нос ударил запах мочи.

Он включил свет и нашел Энсона в самом жалком виде.

Большая часть потолка впиталась в брюки, носки, залилась в туфли, но желтая лужица образовалась и на плитках пола, у ножек стула.

Если к другим социопаты испытывают ярость и ненависть, то себя любят и жалеют, и на иные любовь и жалость они просто не способны. В этой любви к себе немалую часть составляет гордость. Энсон понятия не имел, что такое стыд, но его гордости Митч нанес жестокий удар, ввергнув Энсона в пучину жалости к себе.

Загорелая кожа на лице посерела. Да и само лицо стало одутловатым. А уж глаза превратились в озера муки.

– Посмотри, что ты со мной сделал! – взвизгнул Энсон.

– Ты все сделал сам.

Если жалость к себе и оставила в разуме Энсона место для злости, то последнюю он очень хорошо скрывал.

– Ты поступил нехорошо.

– Есть такое, – не стал спорить Митч.

– Должно быть, смеешься от души.

– Нет. Не вижу здесь ничего забавного.

– Смеешься внутри.

– Я это ненавижу.

– Если ненавидишь, то где теперь твой стыд?

Митч промолчал.

– Где твоё покрасневшее лицо? Где мой вечно краснеющий брат?

– Время нас поджигает, Энсон. Они скоро позвонят. Мне нужны наличные.

– А я? Что получу за это я? Почему я должен только отдавать и отдавать?

Вытянув руку, встав в ту же позу, что и Кэмпбелл в библиотеке, когда целился в него,

Митч нацелил пистолет на лицо брата.

– Ты дашь мне деньги, а я сохраню тебе жизнь.

– Что это будет за жизнь?

– Тебе останется все, что у тебя есть. Я заплачу выкуп, сделаю так, чтобы полиция не узнала о похищении, поэтому никто не будет задавать тебе никаких вопросов.

Несомненно, Энсон думал о Дэниэле и Кэти.

– Будешь жить, как и прежде, – лгал Митч, – делать все, что тебе заблагорассудится.

Энсон без труда повесил бы убийство их родителей на Митча, если бы того убили и похоронили в пустыне. Теперь с этим возникали проблемы.

– Я дам тебе деньги, а ты меня освободишь, – сказал он.

– Хорошо.

– Как? – В голосе Энсона слышалось сомнение.

– Прежде чем я уеду, чтобы обменять деньги на Холли, я обездвигну тебя тазером, а потом сниму наручники. Оставляю тебя дергающимся на полу.

Энсон задумался.

– Давай, пират. Расставайся с сокровищем. Если ты не скажешь мне, где деньги, до того, как зазвонит телефон, предложение снимается.

Энсон встретился с ним взглядом.

Митч глаз не отвел.

– Я тебя освобожу.

– Ты такой же, как я. – Энсон все еще сомневался.

– Если хочешь, можешь так думать.

Энсон так пристально вглядывался в Митча, словно хотел прочесть его мысли.

Он сидел, прикованный к стулу, руки и плечи болели, он надул в штаны, и на него смотрело дуло пистолета.

И, однако, Энсон хладнокровно рассчитывал варианты, взвешивал свои шансы на спасение, на то, что Митч сдержит слово.

– Сейф в полу на кухне, – наконец сказал он.

Глава 48

В столике, который стоял слева от мойки, были две полки, заставленные кастрюлями и сковородами.

Митч сначала разгрузил полки, потом вытащил их, менее чем за минуту открыв участок пола под шкафчиком.

В четырех углах увидел четыре деревянных клина, которые удерживали на месте деревянную крышку. Вытащил клинья, потом деревянный прямоугольник, открыв лицевую панель вделанного в бетон фундамента сейфа.

Комбинация, которую дал ему Энсон, не подвела. Тяжелая лицевая панель откинулась. Глубина сейфа составляла порядка фута, длина – два фута, ширина – восемнадцать дюймов. В сейфе лежали завернутые в пластик пачки стодолларовых банкнот и конверт из плотной коричневой бумаги. По словам Энсона, в конверте были облигации на предъ-явителя, выпущенные одним швейцарским банком. Такие же ликвидные, как и стодолларовые банкноты, но более компактные и удобные при перевозке, скажем, через границу.

Содержимое сейфа Митч выложил на кухонный стол и заглянул в конверт. Там лежали шесть облигаций на сто тысяч долларов каждая. Деньги выплачивались предъ-явителю ценной бумаги, независимо от того, кто был ее покупателем.

Как и днем раньше, Митч не ожидал, что в его руках окажется такая огромная сумма, и сомневался, что ему выпадет второй такой случай. Однако все это богатство не вызывало у него никакой радости.

Это был выкуп за Холли, и он расстался бы с ним без малейшего сожаления. Опять же, это были те самые деньги, из-за которых Холли и похитили, поэтому они не вызывали у него

ничего, кроме антипатии. Не хотелось даже прикасаться к ним.

Часы на кухне показывали 11.54.

Шесть минут до звонка.

Митч вернулся в комнату-прачечную, дверь в которую оставлял открытой. Не гасил и свет.

Погруженный в свои мысли, Энсон сидел на мокром стуле в мокрых штанах. На вопрос Митча ответил не сразу.

– Шестьсот тысяч долларов в облигациях. Сколько наличными?

– Остальное.

– Остальное от двух миллионов? Миллион четыреста тысяч долларов сотенными банкнотами?

– Именно это я и сказал. Или я сказал что-то другое?

– Я собираюсь их пересчитать.

– Попутного ветра.

– Если там будет другая сумма, сделка отменяется. Я не освобожу тебя, когда буду уходить.

В раздражении Энсон дернулся, наручники звякнули, ударившись о стул.

– А что ты собираешься со мной сделать?

– Я тебе все объяснил. Если ты хочешь, чтобы я прошел свою часть пути, ты должен пройти свою. Я начинаю считать.

Митч отвернулся, чтобы вернуться к кухонному столу, но голос Энсона остановил его:

– Наличными там восемьсот тысяч.

– Не миллион четыреста?

– Вся сумма, облигации плюс наличные, миллион четыреста. Я перепутал.

– Да. Перепутал. Мне нужны еще шестьсот тысяч.

– Это все. Больше у меня ничего нет.

– Ты говорил, что у тебя нет и этого.

– Я не всегда лгу, – ответил Энсон.

– Пираты никогда не зарывают все, что у них есть, в одном месте.

– Почему бы тебе не забыть о пиратах?

Часы показывали 11.55.

И тут Митча осенило.

– Действительно, о пиратах стоит забыть и лучше подумать о яхте. Ты купил себе парусную яхту. Сколько денег лежит на борту?

– Ничего. На яхте ничего нет. Я не успел поставить там сейф.

– Если они убьют Холли, я покопаюсь в твоих бумагах, – предупредил Митч. – Найду и название яхты, и место, где она пришвартована, а потом поеду туда с топором и дрелью.

– Делай что хочешь.

– Изрублю внутри все, от носа до кормы, а когда найду деньги и узнаю, что ты мне солгал, вернусь сюда и заклею тебе рот, чтобы больше ты этого никогда не сделал.

– Я говорю правду.

– Я закрою тебя здесь, в темноте, без пищи и воды, и оставлю умирать от голода и жажды, задыхающегося в собственных испражнениях. Буду сидеть на кухне, есть твою еду и слушать, как ты дышаешь в темноте.

Митч не верил, что он мог так жестоко кого-либо убить, но для его уха голос звучал более чем убедительно.

И потом, если бы он потерял Холли, все было бы возможно. Только с ней он обрел полноценную жизнь. Без нее часть его умерла бы, и он, возможно, стал бы совсем другим человеком.

Энсон, похоже, пришел к тому же выводу, потому что сказал:

– Хорошо. Четыреста тысяч долларов.

– Где?

– На яхте. Я скажу тебе, как их найти.
– Нам все еще не хватает двухсот тысяч.
– Больше нет. Наличными. Мне нужно продать кое-какие акции.
Митч посмотрел на часы. 11.56.
– Остается четыре минуты. На ложь времени нет, Энсон.
– Можешь ты мне хоть раз поверить? Хоть раз? Наличных больше нет.
– Мне и так придется менять условия сделки. Никаких переводов на банковские счета.
Теперь я должен еще и торговаться, уменьшать общую сумму на двести тысяч.
– Они согласятся, – заверил его Энсон. – Знаю я этих подонков. Чтобы они отказались от миллиона восьмисот тысяч? Да никогда. Эти не откажутся.
– Надеюсь, все будет, как ты говоришь.
– Послушай, мы поладили, не так ли? Мы же поладили? Поэтому не оставляй меня в темноте.

Митч уже отвернулся от него. Свет в комнате-прачечной выключать не стал, не закрыл и дверь.

Подойдя к столу, посмотрел на облигации на предъявителя и деньги. Взял ручку и блокнот и пошел к телефонному аппарату.

Заставить себя смотреть на телефон не смог. В последнее время телефоны не приносили ему хороших новостей.

Закрыв глаза.

Тремя годами раньше, когда они поженились, на церемонии никто из родственников не присутствовал. Дороти, бабушка, которая воспитала Холли, скоропостижно умерла пятью месяцами раньше. Со стороны отца у нее была тетя и две кузины. Она их не знала. Да и они не интересовались ее судьбой.

Митч не мог пригласить брата и сестер, не пригласив родителей. А видеть на своей свадьбе Дэниэля и Кэти ему не хотелось.

Руководствовался он не обидой. Не приглашал не потому, что злился на них или хотел наказать. Просто боялся их присутствия.

Эта свадьба была его вторым шансом попасть в лоно семьи, и, если бы и эта попытка закончилась неудачей, на третью он бы просто не решился. И Дэниэль и Кэти обладали редким даром уничтожать семьи, поэтому он не мог допустить, чтобы они присутствовали при создании его новой семьи.

Потом Митч сказал родственникам, что уехал с молодой женой сразу же после церемонии, хотя на самом деле устроил вечеринку для узкого круга друзей. И Игги говорил правду: рок-группа была выпендрежная. Слишком часто звучали тамбурины. А солист думал, что срываться на фальцет – это высший пилотаж.

После того как все ушли, а рок-группа превратилась в забавное воспоминание, он и Холли танцевали вдвоем, под радио, на переносной танцплощадке, которую установили во дворе по случаю вечеринки. Залитая лунным светом, Холли была такой красивой, такой воздушной, что подсознательно он очень крепко прижимал ее к себе, словно боялся, что она превратится в призрак и исчезнет. В результате она даже сказала: «Знаешь ли, ребра у меня не железные», – и он ослабил хватку, а она положила голову ему на плечо. И хотя обычно он танцевал неуклюже, на этот раз ни разу не сбился с ритма. Вокруг танцплощадки цвели посаженные им цветы, над головой сияли звезды, которые он никогда не предлагал ей достать, потому что был человеком сугубо земным, но звезды и так принадлежали Холли, и луна ей кланялась, и небеса, и ночь.

Зазвонил телефон.

Глава 49

Он снял трубку на втором звонке.

– Это Митч.

– Привет, Митч? Надежда тебя не покинула?

Этот мягкий голос он слышал впервые и сразу напрягся.

– Нет. Я надеюсь.

– Хорошо. Без надежды ничего нельзя добиться. Именно надежда привела меня сюда из Ангельского огня, и только благодаря ей я рассчитываю туда вернуться.

Если уж на то пошло, не перемена голоса вызвала у Митча тревогу, а сам голос. Мужчина, который так мягко говорил, наверняка находился лишь в шаге от безумия.

– Я хочу поговорить с Холли.

– Разумеется, поговоришь. Она – женщина этого часа: ведет себя соответственно. У дамы сильный характер.

Митч не знал, как расценить эти слова. Незнакомец говорил правду, но от этой правды по телу бежали мурашки.

А трубка перекочевала к Холли.

– Ты в порядке, Митч?

– Я в порядке. Схожу с ума, но в порядке. Я тебя люблю.

– У меня тоже все нормально. Я жива и невредима. О том, что меня били, и думать забыла.

– Мы выкрутимся, – заверил он ее. – Я тебя не подведу.

– Я и не думала, что подведешь. Никогда не думала.

– Я люблю тебя, Холли.

– Он просит вернуть трубку. – И Холли передала ее похитителю.

Говорила она как-то сдержанно. Дважды он сказал, что любит ее, а она не ответила теми же словами. Что-то здесь было не так.

Мягкий голос вернулся:

– В первоначальный план вносится одно изменение, Митч, одно важное изменение. Деньги пересылать не нужно, мы возьмем наличными.

Митч ранее волновался, что не сможет убедить похитителей взять выкуп наличными. Такое изменение вроде бы должно было радовать. Вместо этого усилило тревогу. Потому что стало еще одним свидетельством того, что у похитителей что-то случилось. Новый голос в телефоне, непонятная сдержанность Холли, внезапное желание получить выкуп наличными.

– Ты меня слышишь, Митч?

– Да. Просто это неожиданный поворот. Вам следует знать: Энсон не так уж стремился помочь брату, как вы могли подумать.

В голосе слышался смехок:

– Другие думали, что поможет с радостью. Я сомневался. Трудно ждать от крокодила настоящих слез.

– Ситуация под контролем, – заверил его Митч.

– Так брат тебя удивил?

– И не раз. Послушайте, сейчас я могу гарантировать восемьсот тысяч наличными и шестьсот – в акциях на предъявителя.

Прежде чем Митч успел упомянуть о дополнительных четырехстах тысячах, которые вроде бы находились на борту яхты Энсона, в трубке раздался голос похитителя:

– Разумеется, это огорчительно. На оставшиеся шестьсот тысяч можно было бы многое найти.

Последнее слово Митч не расслышал.

– Что?

– Ты ищешь, Митч?

– Ищу – что?

– Если бы мы знали ответ, не было бы необходимости искать. Ладно, сойдут и миллион четыреста. Я думаю, это будет скидка за оплату наличными.

Удивленный легкостью, с которой похититель согласился на значительное уменьшение суммы выкупа, Митч спросил:

– Вы говорите за всех?

– Да. Если я не говорю за всех, то кто?

– Тогда что теперь?

– Ты приедешь один.

– Хорошо.

– Безоружный.

– Хорошо.

– Положи деньги и облигации в пластиковый мешок для мусора. Не завязывай его. Ты знаешь дом Тернбриджа?

– В округе все знают дом Тернбриджа.

– Приходи туда в три часа. Не хитри, не думай, что можешь прийти пораньше и застать нас врасплох. Это закончится лишь тем, что у тебя будет мертвая жена.

– Я приду в три. Ни минутой раньше. Как я туда попаду?

– Ворота будут на цепи, но ты увидишь, что цепь не закреплена. Когда заедешь на территорию, верни цепь в прежнее положение. На чем ты при-едешь?

– На моей «Хонде».

– Остановись перед домом. Увидишь внедорожник. Поставь машину достаточно далеко от него. Разверни ее задом к зданию и открой багажник. Я хочу убедиться, что в багажнике никого нет.

– Хорошо.

– В тот самый момент я позвоню тебе по мобильнику и скажу, что делать дальше.

– Подождите. Мой мобильник. У него сели батарейки. – В действительности мобильник Митча остался далеко-далеко. В поместье Кэмпбелла. – Могу я воспользоваться мобильником Энсона?

– Какой номер?

Мобильник Энсона лежал на кухонном столе, рядом с пачками денег и облигациями. Митч схватил его.

– Номера не знаю. Мне нужно посмотреть. Подождите минуту.

Пока Митч ждал исчезновения с экрана логотипа телефонного оператора, мягкий голос спросил:

– Скажи мне, Энсон жив?

Удивленный вопросом, Митч ответил односложно:

– Да.

В голосе вновь зазвучал смехок:

– Простой ответ говорит мне так много.

– И что он вам говорит?

– Он тебя недооценил.

– В одном слове вы услышали слишком много. Вот номер.

После того как Митч продиктовал номер и повторил его, похититель сказал:

– Мы рассчитываем на простой обмен, Митч. Лучшая сделка та, в которой каждая сторона уходит победителем.

Митч отметил, что впервые мужчина с мягким голосом сказал «мы», а не «я».

– В три часа, – напомнил похититель и отключил связь.

Глава 50

В комнате-прачечной все было белым, за исключения красного стула, Энсона на нем и маленькой желтой лужи.

Воняющий мочой, охваченный тревогой, качающийся из стороны в сторону, Энсон пошел на сотрудничество.

– Да, у одного из них именно такой голос. Звать его Джимми Налл. Он профессионал, но не лидер. Если он говорил с тобой, значит, остальные мертвы.

– Как это – мертвы?

– Что-то пошло не так, они не пришли к общему мнению, и он решил забрать себе весь выкуп.

– Так ты думаешь, он остался один?

– Тебе от этого станет труднее, не легче.

– Почему труднее?

– Раз он убил своих, то не остановится перед тем, чтобы убрать чужих.

– Холли и меня.

– Только когда он получит деньги. – Улыбка Энсона больше напоминала гримасу. – Ты хочешь знать насчет денег, брат? Хочешь знать, как я зарабатываю на жизнь?

Энсон мог поделиться информацией, если верил, что она принесет брату только вред.

Митч знал: злобный блеск глаз Энсона однозначно указывал на то, что лучше пребывать в неведении, но любопытство перевесило осторожность.

Однако продолжению разговора помешал телефонный звонок.

Митч вернулся на кухню. Сначала хотел не брать трубку, но потом подумал, а вдруг Джимми Налл хочет передать какие-то дополнительные инструкции.

– Алле?

– Энсон?

– Его здесь нет.

– Кто это?

Голос определенно не принадлежал Джимми Наллу.

– Друг Энсона, – ответил Митч.

Теперь, раз уж взял трубку, следовало вести себя так, будто здесь царят тишина и покой.

– Когда он вернется? – последовал вопрос.

– Завтра.

– Найду я его по мобильнику?

Голос этот Митч определенно где-то слышал. Он взял мобильник со стола.

– Он забыл захватить его с собой.

– Сможете вы передать ему мои слова?

– Конечно. Слушаю вас.

– Скажите ему, что звонил Джулиан Кэмпбелл.

Сверкающие серые глаза, сверкающий «Ролекс».

– Что-нибудь еще? – спросил Митч.

– Это все. Хотя нет, тревожит меня один вопрос, друг Энсона.

Митч молчал.

– Друг Энсона, вы еще здесь?

– Да.

– Я надеюсь, что вы хорошо заботитесь о моем «Крайслере». Я люблю этот автомобиль. До встречи.

Глава 51

Митч нашел полку в одном из столиков, на которой Энсон держал две коробки с пластиковыми мешками для мусора. Выбрал меньший по размеру, белый мешок на пятьдесят литров.

Положил в него пачки денег и конверт с облигациями, закрутил верх, но узлом завязывать не стал.

В такое время, учитывая плотность транспортного потока, для того, чтобы добраться из Ранчо-Санта-Фе до Корона-дель-Мар понадобилось бы два часа. Даже если у Кэмпбелла и были свои люди в округе Орандж, они не могли появиться здесь мгновенно.

– Кто звонил? – спросил Энсон, когда Митч вернулся в комнату-прачечную.

– Кто-то хотел что-то продать, – ответил он.

Цвета морской волны, налитые кровью глаза Энсона подозрительно разглядывали его лицо.

– Не похоже на коммивояжера.

– Ты собирался рассказать мне о том, как зарабатываешь на жизнь.

В глазах Энсона вновь сверкнула злоба. Он хотел поведать о своих успехах Митчу не из гордости за них. Просто знал, что его рассказ причинит младшему брату боль.

– Представь себе, ты посылаешь клиенту через Интернет некую информацию, и выглядит она совершенно невинной. Скажем, фотографии и текст по истории Ирландии.

Понятно.

– Это незашифрованная информация, которая совершенно бессмысленна, если ты не знаешь код. Нет, все ясно и понятно. Но когда ты прогоняешь полученные файлы через специальное программное обеспечение, фотографии и текст превращаются в совершенно другой материал, в *спрятанную правду*.

– И что это за правда?

– Подожди. Сначала твой клиент получает программное обеспечение, но не его копию на жестком носителе. Если полиция добирается до его компьютера и пытается скопировать или исследовать эту программу, она самоуничтожается. То же самое происходит с файлами, которые находятся в компьютере, что с исходными, что с конвертированными.

Митч стремился знать о компьютерах лишь тот необходимый минимум, без которого не представлялось возможным обойтись в современном мире, поэтому не знал, как можно использовать разработанный Энсоном способ тайной пересылки информации, но один вариант пришел ему в голову.

– То есть террористы могут общаться друг с другом через Интернет, а тот, кто читает их сообщения, будет думать, что они интересуются историей Ирландии.

– Или Франции, или Таити, или анализируют фильмы Джона Уэйна. Ничего необычного, никаких шифровок, чтобы вызвать подозрения. Но террористы – не те клиенты, которые приносят стабильную прибыль.

– А кто те?

– Их много. Но я хочу рассказать тебе, что я делал для Джулиана Кэмпбелла.

– Который занимается шоу-бизнесом.

– У него действительно есть казино в нескольких странах. Частично он использует их для отмывания денег, которые приносят другие сферы его деятельности.

Митч подумал, что он уже знает настоящего Энсона, человека, как небо от земли отличающегося от того Энсона, который рядом с ним ехал на юг, к Ранчо-Санта-Фе. И не питал никаких иллюзий в отношении старшего брата. Пелена самообмана давно развеялась.

И однако, в этот самый момент перед ним открывалась третья ипостась Энсона, еще больший незнакомец, даже в сравнении со вторым Энсоном, который предстал перед Митчем в библиотеке Кэмп-белла.

Его лицо изменилось, в зеленых глазах зажегся темный свет.

Что-то произошло и с телом. Нет, на стуле по-прежнему сидел человек, но человек, в котором очень уж явственно просматривался зверь.

Осознание всего этого пришло к Митчу еще до того, как старший брат начал рассказывать о своих делах с Кэмпбеллом. И потом он не мог утверждать, что эффект был психологический, что откровения Энсона трансформировали его в глазах Митча, потому что изменения в Энсоне произошли до того, как тот заговорил.

– Половина процента всех мужчин – педофилы. В Соединенных Штатах их полтора миллиона. И миллионы по всему миру.

В этой ярко освещенной белой комнате Митч почувствовал, что стоит на пороге тьмы. Ворота во тьму открывались перед ним, и он уже не мог повернуть назад.

– Педофилы обожают детскую порнографию, – продолжил Энсон. – Хотя при покупке они могут нарваться на полицейского агента, выступающего в роли продавца, что может закончиться тюремным сроком, они рискуют всем, чтобы получить эти фото или видео.

Кто выполнял приказы Гитлера, Сталина, Мао Цзэдуна? Соседи, друзья, матери и отцы, братья.

– Если материал приходит в виде скучного текста об истории английского театра и превращается в возбуждающие фотографии и даже в видео, если они могут получать то, что им нужно, не боясь наказания, их аппетит становится ненасытным.

Митч оставил пистолет на кухонном столе. Возможно, подсознательно подозревал, что услышит подобную мерзость, и опасался, что пустит оружие в ход.

– У Кэмпбелла двести тысяч покупателей. Через два года он рассчитывает довести их число до миллиона, по всему миру, и приносить они ему будут пять миллиардов долларов в год.

Митч вспомнил яичницу и гренки, которые он приготовил на кухне этого существа, и у него скрутило желудок при мысли о том, что он ел из тарелок, пользовался столовыми приборами, к которым прикасались эти руки.

– Прибыль при массовых продажах составляет шестьдесят процентов. Взрослые делают это ради удовольствия. Юным звездам не платят. Зачем им деньги в таком возрасте? Я получаю малую долю от доходов Джулиана. Я сказал тебе, что у меня восемь миллионов, но на самом деле их у меня в три раза больше.

В комнате-прачечной вдруг стало невероятно тесно. Митч чувствовал присутствие невидимых легионов.

– Брат, я просто хотел, чтобы ты знал, какими грязными деньгами ты собираешься выкупать Холли. И до конца своей жизни, целуя ее, прикасаясь к ней, ты будешь думать о том, откуда взялись эти грязные-грязные деньги.

Прикованный к стулу, сидя в моче, пропитавшись потом страха, выступившим от сидения в темноте, Энсон гордо вскинул голову и расправил плечи, глаза его сияли торжеством, словно, рассказав Митчу о той гадости, на которой создавалась и разрасталась империя Кэмпбелла, он отомстил за унижения, которым подверг его Митч.

Кто-то мог назвать поведение Энона безумием, но Митч знал, что старший брат всегда заранее и тщательно просчитывал свои действия.

– Я ухожу, – объявил Митч, поскольку говорить больше было не о чем.

– Не забудь про тазер, – напомнил Энсон, как бы напоминая, что электрический разряд – это последнее, что он готов вытерпеть.

– Ты про нашу сделку? – усмехнулся Митч. – Забудь про нее.

Он выключил свет и захлопнул дверь. На всякий случай, хотя необходимости в этом не было, подставил стул под ручку двери. Будь у него время, заколотил бы дверь гвоздями.

Задался вопросом, а сможет ли он когда-нибудь отмыться от всей этой грязи.

Его начало трясти. К горлу подкатила тошнота.

Он подошел к раковине. Плеснул в лицо холодной водой.

И тут в дверь позвонили.

Глава 52

Звонок проиграл первые аккорды «Оды к радости».

Только несколько минут прошло с того момента, как Митч закончил телефонный разговор с Джулианом Кэмпбеллом. Пять миллиардов ежегодного дохода – большая сумма, и тот сделал бы все, чтобы не потерять такие деньги, но он не мог так быстро подослать новую пару киллеров к дому Энона. Митч выключил воду, не вытирая лица, пытался решить, а не посмотреть ли в окно гостиной, чтобы узнать, кто стоит на крыльце. А кто мог прийти к Энону, он не имел ни малейшего понятия.

Только чувствовал: пора сматываться.

Он схватил со стола пластиковый мешок и пистолет, направился к двери черного хода.

Вновь неизвестный гость позвонил в дверь.

– Кто это? – спросил Энсон из комнаты-прачечной.

– Почтальон. А теперь заткнись.

Уже у самой двери Митч вспомнил про мобильник старшего брата. Он лежал на столе рядом с пластиковым мешком, однако мешок с выкупом Митч взял, а мобильник оставил.

Телефонный звонок Джулиана Кэмпбелла, мерзкие откровения Энсона, теперь вот звонок в дверь, буквально наложившиеся друг на друга, выбили его из равновесия.

Забрав мобильник, Митч обернулся вокруг оси, оглядывая кухню. Вроде бы ничего не забыл.

Выключил свет, вышел из дома, запер за собой дверь.

Ветер по-прежнему играл в прятки сам с собой между папоротниками и стволами бамбука. Кожистые, порванные листья баньяна принесло с другого участка, и теперь они валялись во внутреннем дворике.

Митч направился к первому из гаражей, вошел через выходящую во двор дверь. Здесь ждала его «Хонда», а тело Джона Нокса разлагалось в багажном отделении «Бьюика» модели 1947 года.

В общих чертах он придумал, как повесить убийство Нокса на Энсона и при этом уберечься от обвинений в убийстве Дэниэля и Кэти, но очередное вмешательство Кэмпбелла добавило ему неуверенности, и теперь он понимал, что любой неопределенный план то же самое, что полное отсутствие плана.

Сейчас все это не имело ровно никакого значения. После того как Холли окажется на свободе, Джон Нокс, тела в учебной комнате, Энсон в наручниках, запертый в прачечной, выйдут на первый план, но пока следовало сосредоточиться на главном.

Чуть больше двух с половиной часов оставалось до назначенного времени обмена Холли на деньги. Митч открыл багажник «Хонды» и засунул мешок с деньгами в нишу для запасного колеса.

На переднем сиденье «Бьюика» нашел дистанционный пульт управления воротами гаража. Прикрепил его к солнцезащитному щитку «Хонды», чтобы закрыть ворота, не выходя из автомобиля.

Пистолет и тазер сунул в боковой карман на водительской дверце. Сидя за рулем, он мог посмотреть вниз и увидеть оружие, да и доставать его оттуда было проще, чем из-под сиденья.

Нажав соответствующую кнопку на пульте дистанционного управления, в зеркало заднего обзора он наблюдал, как поднимаются ворота.

Выкатив «Хонду» из гаража, он посмотрел направо, увидел, что в проулке ни души, и от неожиданности нажал на педаль тормоза, когда кто-то постучал в стекло водительской дверцы. Повернув голову, он оказался лицом к лицу с детективом Таггартом.

Глава 53

Приглушенный стеклом, до него донесся голос детектива:

– Добрый день, мистер Рафферти.

Митч слишком уж долго смотрел на детектива, прежде чем опустил стекло. Удивиться он, конечно, мог, но, скорее всего, на его лице отражались шок и страх.

Теплый ветер играл полами пиджака и воротником желто-коричневой гавайской рубашки Таггарта, когда тот наклонился к окну.

– У вас найдется для меня несколько минут?

– Вообще-то, я еду к врачу.

– Хорошо. Долго я вас не задержу. Можем мы поговорить в гараже, не на ветру?

Тело Джона Нокса лежало в багажном отделении «Бьюика». Детектив отдела расследования убийств сразу бы учуял запах разлагающегося трупа. А если бы не учуял, то не смог бы удержаться и не подойти к реставрированному «Бьюику», чтобы полюбоваться им.

– Забирайтесь в машину, – предложил Митч, поднимая стекло, и окончательно выехал

из гаража.

Закрыв ворота и припарковался параллельно им, чтобы не мешать проезду по проулку.

Заняв переднее пассажирское сиденье, Таггарт спросил:

– Вы уже договорились насчет уничтожения термитов?

– Еще нет.

– Не откладывайте этого дела.

– Не буду.

Митч сидел, глядя прямо перед собой, в проулок, решив, что к Таггарту он будет поворачиваться лишь время от времени, потому что помнил пробивную силу взгляда детектива.

– Если вас тревожат пестициды, так их уже не используют.

– Я знаю. Термитов теперь замораживают прямо в стенах.

– Есть способ и получше. В стены закачивается концентрированный апельсиновый экстракт. При контакте термиты мгновенно погибают, а дом просто благоухает.

– Апельсиновый, значит. Нужно с этим разобраться.

– Как я понимаю, вы были слишком заняты, чтобы думать о термитах.

Невиновный человек имел полное право задаться вопросом, а что все это значит, и проявить нетерпение, поскольку его ждали в другом месте.

– Почему вы здесь оказались, лейтенант?

– Пришел повидаться с вашим братом, но он не открыл дверь.

– Он вернется только завтра.

– И куда поехал?

– В Вегас.

– Вы знаете, в каком он остановился отеле?

– Он не сказал.

– Вы не слышали дверного звонка?

– Я, должно быть, вышел из дома до того, как вы позвонили. Нужно было кое-что сделать в гараже.

– Приглядываете за домом брата, когда он в отъезде?

– Совершенно верно. А о чем вы хотели с ним поговорить?

Детектив развернулся, чтобы посмотреть на Митча.

– В записной книжке Джейсона Остина были телефоны вашего брата.

Митч порадовался тому, что на этот раз может сказать правду.

– Он познакомился с Джейсоном, когда мы вместе снимали квартиру.

– То есть вы не поддерживали отношений с Джейсоном, а ваш брат поддерживал?

– Я не знаю. Возможно. Они и тогда хорошо ладили.

Ночью и утром все оторванные листья и мусор ветром унесло в море. Теперь в воздухе ничего не вертелось, но невидимые порывы ветра покачивали «Хонду».

– Джейсон поддерживал близкие отношения с одной женщиной. Зовут ее Лили Морхайм. Знаете ее?

– Нет.

– Лили говорит, что Джейсон ненавидел вашего брата. Говорит, что ваш брат обманул Джейсона в какой-то сделке.

– Какой сделке?

– Лили не знает. Но одно насчет Джейсона совершенно ясно – честная работа была не для него.

Последняя фраза заставила Митча встретиться с детективом взглядом и изобразить недоумение.

– Вы хотите сказать, что Энсон занимался чем-то противозаконным?

– Вы думаете, такое возможно?

– У него докторская степень по лингвистике, и он – компьютерный гений.

– Я знаю профессора физики, который убил свою жену, и еще знаю священника,

убившего ребенка.

Учитывая события последнего времени, Митч более не верил, что Таггарт – один из похитителей.

«Если бы ты раскололся, Митч, Холли уже была бы мертва».

Мог он и не волноваться о том, что похитители держат его под наблюдением или записывают его разговоры. Да, к «Хонде» они могли прикрепить «маячок» и знать, где он находится, но теперь это не имело значения.

Если Энсон был прав, Джимми Налл (мужчина с мягким голосом, которого заботило, оставалась ли у Митча надежда) убил своих сообщников. И теперь сам командовал парадом. Так что в последние часы перед завершением операции Налл наверняка не следил за местонахождением Митча, а готовился к обмену заложницы на выкуп.

Но все это не означало, что Митч мог обратиться к Таггарту за помощью. Джон Нокс, который лежал в багажном отделении «Бьюика», словно в катафалке, трижды умерший от перелома шеи, разрыва пищевода и пули в сердце, требовал объяснений. Ни один детектив из отдела расследования убийств не поверил бы на слово, что смерть Нокса наступила в результате несчастного случая.

И смерть Дэниэля с Кэти тоже требовала объяснений.

Да и Энсона, после того как нашли бы в комнате-прачечной, скорее, приняли бы за жертву, а не за убийцу. И со свойственным ему умением манипулировать людьми он бы достаточно убедительно прикинулся невинным человеком, окончательно запутав полицию.

До обмена заложницы на выкуп оставалось только два с половиной часа. Митч сомневался, что полиция, такое же бюрократическое ведомство, как и любая другая государственная организация, сможет быстро оценить ситуацию и принять необходимые меры для спасения Холли.

Опять же, Джон Нокс умер на территории одного полицейского участка, Дэниэль и Кэти – другого, Джейсон Остин – третьего. Три разные юрисдикции. То есть Митчу предстояло иметь дело с тремя командами бюрократов.

А поскольку речь шла о похищении, к делу, скорее всего, привлекут бы и ФБР.

И стоило Митчу рассказать о том, что произошло, и попросить помощи, его свободу передвижения тут же бы ограничили. После чего ответственность за выживание Холли лежала бы уже не на нем, а на совершеннейших незнакомцах.

Волна ужаса с головой накрыла его при мысли о том, что он будет сидеть сложа руки и ждать, пока правоохранительные органы, пусть и с лучшими намерениями, станут разбираться в текущей ситуации и событиях, которые к ней привели.

– Как поживает миссис Рафферти?

Митч чувствовал, что детектив уже завязал многие свободные концы и теперь только хотел услышать от него подтверждение своих догадок.

Не получив ответа, Таггарт добавил:

– Мигрень прошла?

– Да, спасибо, – Митч явно не смог скрыть облегчения, поскольку Таггарта интересовала лишь мифическая мигрень. – Ей заметно полегчало.

– Но совсем мигрень не прошла? Аспирин – не идеальное лекарство от мигрени.

Митч почувствовал, что ему расставили ловушку, но не знал, какую именно, а потому, скорее всего, не мог в нее не угодить.

– Тем не менее она считает, что для нее нет ничего лучше аспирина.

– Но она и сегодня не вышла на работу, – указал Таггарт.

Место работы Холли детектив мог узнать у Игги Барнса. Сам факт Митча не удивил, а вот мостик, переброшенный от мигрени к работе, настораживал.

– Нэнси Фарасенд сказала, что миссис Рафферти крайне редко берет больничный.

С Нэнси Фарасенд, вторым секретарем в риелторской конторе, Митч сам разговаривал вчера днем.

– Вы знаете мисс Фарасенд, Митч?

– Да.

– Мне показалось, что она отличный специалист. Прекрасно знает свое дело. Очень любит вашу жену, высокого о ней мнения.

– Холли тоже любит Нэнси.

– И, по словам мисс Фарасенд, не было случая, чтобы Холли не предупредила о том, что не выходит на работу.

Утром Митчу следовало позвонить в риелторскую контору и сказать, что Холли больна. Он забыл.

Он также забыл позвонить Игги и отменить все сегодняшние выезды к клиентам.

Одержав триумфальную победу над двумя профессиональными киллерами, он споткнулся, оставив без внимания тривиальные мелочи.

– Вчера, – детектив Таггарт не унимался, – вы сказали мне, что разговаривали по телефону с женой в тот самый момент, когда увидели, как подстрелили Джейсона Остина.

В салоне стало душно. Митчу хотелось опустить стекло.

Комплекция у лейтенанта Таггарта была, как у Митча, но теперь он вроде бы стал больше Энсона. Митч чувствовал, что ему не хватает места, что его зажали в углу.

– Митч, вы уверены в том, что в тот момент разговаривали с вашей женой?

На самом деле он разговаривал с похитителями, и теперь выходило, что, солгав, он набросил себе на шею петлю, которую сейчас Таггарт и затягивал.

– Да, я разговаривал по телефону с Холли.

– Как я вас понял, она позвонила вам, чтобы сказать, что из-за мигрени пораньше уходит домой.

– Совершенно верно.

– И вы разговаривали с ней по телефону в тот момент, когда застрелили Остина.

– Да.

– Это произошло в одиннадцать сорок три. Вы сказали, что это произошло в одиннадцать сорок три.

– Я посмотрел на часы сразу после выстрела.

– Но Нэнси Фарасенд говорит мне, что миссис Рафферти вчера совсем не выходила на работу, потому что позвонила рано утром и предупредила об этом.

Митч не ответил. Он уже чувствовал затянувшуюся петлю.

– И миссис Фарасенд говорит, что вы позвонили ей вчера днем между четвертью и половиной первого.

Салон «Хонды» вдруг сжался до размеров багажника «Крайслера».

– В тот момент вы еще находились на месте преступления, дожидаясь, пока я задам вам вопросы, которые могли у меня возникнуть. Ваш помощник, мистер Барнс, продолжал сажать цветы. Вы помните?

После паузы Митч спросил:

– Помню что?

– Что вы оставались на месте преступления, – сухо ответил Таггарт.

– Помню. Конечно.

– Мисс Фарасенд говорит, что вы, позвонив между четвертью и половиной первого, попросили передать трубку вашей жене.

– У нее отменная память.

– Вот я и не могу понять, почему вы позвонили в риелторскую контору и попросили передать трубку вашей жене через сорок пять минут после того, как, согласно вашим собственным показаниям, ваша жена уже позвонила вам, чтобы сказать, что она пораньше уходит с работы из-за мигрени.

Ветер продолжал раскачивать «Хонду».

Митч уставился на приборный щиток, не зная, что и делать.

– Митч?

– Что?

– Посмотрите на меня.

С неохотой он встретился с детективом взглядом.

На этот раз взгляд Таггарта не пронзал насквозь, не пытался прочесть мысли, как раньше. Наоборот, в нем читалось сочувствие, такому взгляду хотелось довериться.

– Митч, где ваша жена?

Глава 54

Митч вспомнил проулок, каким он был прошлым вечером, залитый алым светом заката, и дворового кота с ярко-зелеными глазами, и как кот, это ему, конечно, показалось, вдруг превратился в птицу.

Тогда он позволил себе надеяться. Его надеждой был Энсон, и надежда эта оказалась ложной.

Теперь небо напоминало замерзшую синеву, они словно находились под ледяным куполом, который позаимствовал цвет у океана, простирающегося на западе.

Дворовый кот давно ушел, птица улетела, ничто живое не двигалось. Резкий солнечный свет, как ножом, очерчивал тени.

– Где ваша жена? – повторил Таггарт.

Деньги лежали в багажнике автомобиля. Время и место обмена определились. Часы отсчитывали оставшиеся минуты. До этого он со всем справлялся сам, выдержал все испытания, подобрался так близко к цели.

Он не только узнал о существовании Зла, зла с большой буквы, но смог куда яснее и отчетливее увидеть мир, в котором жил. Увидел таинственное предназначение там, где раньше видел только живность и растения.

Если все имело цель, то эта встреча, возможно, говорила о том, что ему не следовало игнорировать этого настойчивого детектива.

«В богатстве и бедности. В болезни и добром здравии. Любить, уважать и лелеять. Пока смерть не разлучит нас».

Обеты лежали на нем. Он дал слово их выполнять. Никто Холли ничего такого не обещал. Только он. Ее муж.

Никто не стал бы убивать ради нее, умирать ради нее. Лелеять – означало делать все, что только возможно, ради благополучия и счастья второй своей половины, поддерживать, оберегать и *защищать ее*.

Возможно, эта встреча с Таггартом состоялась с тем, чтобы предупредить: для защиты Холли он сделал все, что мог; дать знать, что остальное ему уже не под силу.

– Митч, где ваша жена?

– За кого вы меня принимаете?

– В каком смысле? – спросил Таггарт.

– Во всех смыслах. Какое у вас обо мне сложилось впечатление?

– Люди говорят, что вы – человек честный и прямой.

– Я спросил: что думаете вы?

– Раньше я вас не знал. Но у вас железный характер, и вы очень расчетливы.

– Всегда я таким не был.

– Никто не может. Через неделю вы сломаетесь. И вы изменились.

– Вы же знакомы со мной только один день.

– И вы уже изменились.

– Я – не плохой человек. Наверное, все плохие люди так говорят.

– Не столь прямо.

В небе, достаточно высоко, чтобы его не достал ветер, достаточно высоко, чтобы не отбрасывать тень на проулок, с юга на север летел сверкающий в лучах солнца самолет. В этот момент опасности мир, казалось, сжался до размеров автомобильного салона, но получалось, что мир вовсе и не сжался, и число маршрутов между двумя разными местами

было бесконечным.

- Прежде чем я скажу вам, где Холли, я хочу, чтобы вы мне кое-что пообещали.
- Я всего лишь коп. И не могу идти на сделки.
- Так вы думаете, что я навредил ей?
- Нет, просто объясняю, что к чему.
- Дело в том, что у нас мало времени. И обещание мне нужно следующее. Когда вы узнаете, в чем дело, вы будете действовать быстро, не теряя драгоценные минуты на выяснение подробностей.

- Дьявол таится в подробностях, Митч.
- Когда вы все узнаете, то поймете, где дьявол. Но времени так мало, что я не могу позволить себе тратить его на полицейских бюрократов.

- Я всего лишь коп. И могу обещать только одно – сделаю все, что в моих силах.

Митч глубоко вдохнул. Выдохнул. Сказал:

- Холли похитили. Ее готовы отдать за выкуп.

Таггарт вытаращился на него:

- Я что-то упустил?

- Они хотят два миллиона долларов или ее убьют.

- Вы – садовник.

- Как будто я этого не знаю.

- И где вы сумели бы добыть два миллиона?

- Они сказали, что я найду способ. А потом застрелили Джейсона Остина, чтобы показать мне серьезность своих намерений. Я думал, он просто какой-то человек, прогуливающий собаку, думал, что они убили случайного прохожего, чтобы я лучше осознал, какая опасность грозит Холли.

Прочитать выражение глаз детектива Митч не мог. Они отталкивали его взгляд.

- Джейсон, их сообщник, думал, что они собираются застрелить собаку. Вот так они добились от меня полного повиновения и при этом увеличили долю каждого, потому что теперь предстояло делить выкуп на четверых, а не на пятерых.

- Продолжайте, – шевельнул губами Таггарт.

- Добравшись домой, я увидел, что они все обставили так, будто я убил Холли. Сломив последние остатки моего сопротивления, они отправили меня к брату за выкупом.

- Правда? У него есть такие деньги?

- Энсон однажды провернул какую-то криминальную операцию с Джейсоном Остином, Джоном Ноксом, Джимми Наллом и еще двумя, чьи имена и фамилии я никогда не слышал.

- Что за операцию?

- Не знаю. Я в ней не участвовал. Вообще не знал, что Энсон занимается чем-то противозаконным. И даже если бы знал, эта одна из тех подробностей, которые сейчас вам совершенно не нужны.

- Хорошо.

- Главное в том, что Энсон обманул их при дележе прибыли, и они только гораздо позже выяснили, сколько им тогда удалось наварить.

- Зачем похищать вашу жену? – спросил Таггарт. – Почему сразу не прийти к нему?

- Он – неприкасаемый. Представляет слишком большую ценность для очень важных и очень крутых людей. Вот они и решили добраться до него через младшего брата. Меня. Они решили, что он не захочет лишать меня жены.

Митч думал, что последнюю фразу произнес совершенно бесстрастно, но Таггарт, похоже, уловил подтекст.

- Он не дал вам денег.

- Хуже, он сдал меня другим людям.

- Другим людям?

- Чтобы они меня убили.

- Ваш брат?

- Мой брат.
- Почему они вас не убили?

Митч не отвел глаз. На кону стояло все, и он не мог рассчитывать на содействие, утаив слишком многое.

- Что-то у них пошло не так.
- Господи Иисусе, Митч!
- Вот я и приехал сюда, чтобы повидаться с братом.
- Встреча получилась та еще.
- Без шампанского, но он передумал и решил мне помочь.
- Дал вам деньги?
- Да.
- И где сейчас ваш брат?

– Он жив, но ограничен в передвижении. Обмен назначен на три часа, и у меня есть основания верить, что один из похитителей убил остальных. Это Джимми Налл. Теперь только он держит Холли.

- Как много вы еще не рассказали?
- Большую часть, – честно признал Митч.

Детектив через ветровое стекло смотрел в проулок.

Из кармана пиджака он достал цилиндрическую упаковку карамелек. Вскрыл ее, достал одну. Подержал между зубами, пока закрывал упаковку. Все это походило на ритуал.

- Так что? – спросил Митч. – Вы мне верите?

– У меня детектор лжи, который больше моей простаты, – ответил Таггарт. – И он не звенит.

Митч не знал, испытывать ему облегчение или нет.

Если бы он поехал один, чтобы выкупить Холли, если бы они оба погибли, ему бы не пришлось жить, осознавая, что он ее подвел.

А вот если власти взяли бы проведение операции на себя и Холли погибла, тогда совесть не дала бы ему покоя за то, что он переложил ответственность на других.

Ему пришлось признать, что в одиночку ему не справиться, его напарницей выступала судьба. Он должен был сделать то, что казалось правильным, и надеяться, что все делает правильно.

- Что теперь? – спросил он.

– Митч, похищение – это федеральное преступление. Мы должны поставить в известность ФБР.

- Я боюсь осложнений.

– Они профессионалы. Такого опыта по части этих преступлений нет ни у кого. Да и потом. Поскольку у нас только два часа, они не смогут прислать команду специалистов. Скорее всего, захотят, чтобы мы взяли проведение операции на себя.

- Я должен радоваться или огорчаться?

– Мы тоже многое умеем. У нас отличный спецназ. И есть опытный переговорщик, который не раз вытаскивал заложников.

- Слишком много людей, – обеспокоился Митч.

- Руководить операцией буду я. Вы думаете, я люблю, когда вокруг много стреляют?

- Нет.

- И вы думаете, что я не могу обойтись без подробностей?

- Я думаю, что у вас как раз все может получиться.

Детектив улыбнулся.

- Тогда мы вернем вашу жену.

Он потянулся через консоль, повернул ключ и вытащил его из замка зажигания.

- Зачем вы это сделали? – изумился Митч.

– Я не хочу, чтобы вы передумали и решили спасти ее в одиночку. Это не лучший для нее вариант, Митч.

– Я принял решение. Мне нужна ваша помощь. Вы можете доверить мне ключи от автомобиля.

– Еще доверю. Я всего лишь искал вас здесь, вас и Холли. У меня тоже есть жена, которую я люблю, и две дочери, я рассказывал вам о дочерях, поэтому я понимаю, что сейчас творится у вас в голове. Доверьтесь мне.

Ключи исчезли в кармане пиджака. Из другого кармана детектив достал мобильник.

Включая телефон, раскусил то, что осталось от карамельки. Сладкий запах наполнил салон.

Митч наблюдал, как детектив нажимает клавишу быстрого набора. И вдруг подумал, что вот это нажатие клавиши не только даст старт телефонному разговору, но и решит судьбу Холли.

Пока Таггарт диктовал диспетчеру адрес Энсона, Митч искал взглядом еще один подсвеченный солнцем самолет. Но небо пустовало.

Закончив разговор и убрав мобильник в карман, Таггарт спросил:

– Так ваш брат в доме?

Митч более не притворялся, что Энсон в Вегасе.

– Да.

– Где?

– В комнате-прачечной.

– Давайте с ним поговорим.

– Зачем?

– Он что-то там провернул с Джимми Наллом, так?

– Да.

– Значит, он достаточно хорошо его знает. И если мы хотим вырвать Холли из лап Налла, по возможности не подвергая ее жизнь опасности, нам нужно узнать о нем как можно больше.

Когда Таггарт открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья, резкий порыв ветра принес в салон не пыль или мусор, а предвестье хаоса.

Как бы то ни было, ситуацию Митч более не контролировал. И пока он не мог утверждать, что это к лучшему.

Таггарт захлопнул дверцу, но Митч еще какое-то время посидел за рулем. Его мысли кружились, вертелись, сталкивались, голова работала, и не только голова, а потом он вышел из машины под хлещущий ветер.

Глава 55

Небо синело, свет резал глаза, ветер трепал волосы и одежду, над головой были высоковольтные провода.

Митч повел детектива к калитке. Ветер вырвал ее из его руки, когда он повернул щеколду, и ударил о дверь гаража.

Несомненно, Джулиан Кэмпбелл тоже послал сюда людей, но угрозы они более не представляли, потому что не могли приехать раньше полиции. А до прибытия полиции оставались считанные минуты.

Идя по выложенной кирпичами дорожке, которую соседние дома прикрывали от ветра, Митч набрел на дохлых жуков. Двух – размером с четвертак, одного – с десятицентовик. С желтыми брюшками и черными лапками, все они лежали на гладких панцирях, и легкий ветерок медленно их кружил.

Прикованный к стулу, сидящий в луже собственной мочи, Энсон представлял собой жалкое зрелище, но он мог убедительно сыграть жертву с виртуозностью хитрого социопата.

Пусть даже Таггарт и говорил, что слышал правду в истории Митча, он мог задаться вопросом: а не слишком ли крепко досталось Энсону? Не имея опыта общения с Энсоном, зная только очень сжатую версию случившегося, детектив мог подумать, что с ним обошлись

очень уж жестоко.

Пересекая двор, где на них снова набросился ветер, Митч чувствовал близкое присутствие детектива. И хотя они находились на открытой местности, ему явно не хватало простора, у него развивалась клаустрофобия.

Он буквально услышал голос Энсона: *«Он сказал мне, что убил наших отца и мать. Зарезал их садовыми инструментами. Он сказал, что вернется, чтобы убить и меня».*

Когда они подошли к двери кухни, руки Митча так дрожали, что он с трудом вставил ключ в замочную скважину.

«Он убил Холли, детектив Таггарт. Придумал историю о ее похищении и пришел ко мне за деньгами, но потом признался, что убил ее».

Таггарт знал, что Джейсон Остин зарабатывал на жизнь отнюдь не честным путем. Он знал от Лили Морхайм, что Остин участвовал в каком-то деле с Энсоном и последний его обманул. Поэтому он знал, что Энсон далеко не ангел.

Тем не менее, если бы Энсон выдвинул версию, противоречащую версии Митча, детектив не мог не рассмотреть ее. Копы всегда имеют дело с разными, зачастую взаимоисключающими версиями. И обычно правда лежит где-то посередине.

Поиски правды требовали времени, а времени-то и не хватало. Время было петлей, которая затягивалась на шее Холли.

Ключ попал в замочную скважину. Поворот – замок щелкнул, дверь открылась.

Переступив порог, Митч включил свет. В глаза сразу бросился длинный кровавый потек по полу, на который он не обращал внимания раньше. Теперь же потек этот очень его взволновал.

Удар, нанесенный по голове, порвал Энсону ухо. И когда Митч тащил старшего брата в комнату-прачечную, на полу оставался кровавый след.

Рана была незначительная. Но крови на полу хватало, и могло создаться впечатление, что травма Энсона посерьезнее порванного уха.

Так что сомнения и подозрения в правдивости Митча такая улика могла только усилить.

Неуверенность в том, что детектив и дальше будет ему верить, стремительное приближение назначенного для обмена срока привели к тому, что Митч, входя на кухню, расстегнул пуговицу рубашки, сунул под нее руку и достал тазер, который ранее засунул за пояс джинсов на животе. Он не сразу вышел из «Хонды», потому что забирал тазер из бокового кармана на водительской дверце и прятал под рубашку.

– Комната-прачечная там. – Митч сделал несколько шагов к двери, прежде чем внезапно повернуться к Таггарту с тазером в руке.

Детектив не шел за ним вплотную, как думал Митч. Держался в паре шагов.

Некоторые тазеры выстреливали сидящими на проводах электродами, тем самым позволяя вывести человека из строя с небольшого расстояния. Другие требовали контакта неподвижных электродов с телом, то есть пускать тазер в ход приходилось с такого же близкого расстояния, что и нож.

Митч держал в руке тазер именно этой модели, так что ему не оставалось ничего другого, как сократить до минимума расстояние, отделявшее его от детектива, и сократить быстро.

Когда Митч выставил перед собой правую руку, Таггарт блокировал ее своей левой. И едва не вышиб тазер из пальцев Митча.

Отступая, детектив сунул правую руку под пиджак спортивного покроя, несомненно, с тем, чтобы выхватить пистолет из плечевой кобуры.

Таггарт наткнулся спиной на центральную стойку, Митч имитировал движение правой руки влево, нанес удар справа и наткнулся тазером на правую руку детектива, которая доставала пистолет. Митчу хотелось соприкосновения с голой кожей, он не знал, насколько материя, изолирующий материал, сможет смягчить разряд, и он ткнул тазер детективу в шею.

С закатившимися глазами и отвисшей челюстью Таггарт успел один раз выстрелить, колени его подогнулись, и он упал.

Выстрел прогремел очень уж громко. Выстрел сотряс весь дом.

Глава 56

В Митча пуля не попала, но он подумал о Джоне Ноксе, который выстрелил в себя, падая со второго этажа, и озабоченно опустился на колени рядом с детективом.

Пистолет Таггарта лежал на полу рядом с его рукой. Митч отшвырнул его подальше.

Таггарта трясло, словно от холода, пальцы скребли по полу, на губах пузырилась слюна.

Струйка едкого дыма тянулась из-под пиджака. Пуля прожгла в нем дыру.

Митч откинул полу пиджака в поисках раны. Не нашел.

Впервые в жизни он причинил боль невинному человеку. Угрызения совести уже дали о себе знать: во рту стояла горечь.

Ткнувшись рукой в руку Митча, детектив не смог ее схватить: пальцы не желали сжиматься. Он пытался что-то сказать, но горло перехватило, язык распух, губы онемели.

Митчу не хотелось всаживать в Таггарта второй разряд. Он сказал: «Извините», – и принялся за работу.

Ключи от «Хонды» исчезли в кармане Таггарта. Митч нашел их со второй попытки: в первой сунул руку в пустой карман.

В комнате-прачечной, сообразив, что означает выстрел, Энсон начал кричать. Митч его вопли проигнорировал.

Ухватив Таггарта за ноги, Митч вытащил его во внутренний, выложенный кирпичом дворик. Пистолет детектива оставил на кухне.

Закрывая дверь на кухню, услышал дверной звонок. Полиция прибыла к парадному входу.

Запирая дверь, чтобы полиция подольше не могла добраться до Энсона и услышать его ложь, Митч сказал:

– Я слишком сильно люблю Холли, чтобы доверить кому-либо ее спасение. Извините.

Бегом пересек двор, через открытую калитку выбежал в продуваемый ветром проулок.

Не получив ответа на звонок, копы вошли бы во двор и увидели лежащего на кирпичах Таггарта. А еще через несколько секунд уже были бы в проулке.

Садясь за руль, Митч бросил тазер на переднее пассажирское сиденье. Вставил ключ в замок зажигания, повернул, двигатель завелся с полоборота.

В кармане на водительской дверце лежал пистолет, принадлежащий одному из телохранителей (или наемных убийц, кому как нравится) Кэмпбелла. В обойме оставалось семь патронов.

Митч не собирался стрелять в полицейских. Ему хотелось только одного – смотаться отсюда как можно быстрее.

Он поехал на восток, ожидая, что на другом конце проулка вот-вот появится патрульная машина и бросится в погоню.

Паника – это страх, который одновременно испытывают многие люди, собравшиеся в одном месте, скажем, толпа. Страх Митча хватило бы на целую толпу, вот его и охватила паника.

В конце проулка при выезде на улицу он повернул направо. На первом же перекрестке – налево и вновь поехал на восток.

Эта часть Корона-дель-Мар, городка, который сам входил в Ньюпорт-Бич, называлась Деревня. Число въездов и выездов из Деревни было невелико, так что район можно было перекрыть буквально тремя блокпостами.

Ему требовалось проскочить «узкие места». И быстро.

В библиотеке Джулиана Кэмпбелла, в багажнике «Крайслера», второй раз в том же багажнике он испытывал страх, но не такой сильный, как теперь. Тогда он боялся за себя, теперь – за Холли.

Он понимал, что самое худшее для него – попасть в руки копов или получить от них

пулю. Он знал цену принятого решения и тем не менее полагал, что все сделал правильно. Что с ним случится, его не волновало, да только, если бы с ним что-то случилось, Холли осталась бы одна лицом к лицу с похитителем, потому что никто не смог бы прийти ей на помощь.

Некоторые улицы в Деревне были очень узкими. Митч как раз находился на одной из таких. По обе стороны у тротуаров стояли автомобили. Двигаясь на большой скорости, Митч рисковал врезаться во внезапно открывшуюся дверь какого-нибудь из них.

Таггарт мог описать «Хонду». Несколько минут спустя через Департамент транспортных средств они бы узнали номерной знак. Митч не мог еще и повредить автомобиль, сделав его даже более заметным.

Он прибыл к светофору на выезде на Тихоокеанскую автостраду. Конечно же, горел красный.

Плотным потоком автомобили мчались на север и на юг по обеим полосам автострады. Он не мог проигнорировать красный сигнал и выехать на автостраду, не вызвав цепи столкновений.

Посмотрел в зеркало заднего обзора. Приближался какой-то грузовичок с закрытым кузовом или микроавтобус, но их разделял еще целый квартал. На крыше вроде бы стояли мигалки, но Митч не мог сказать, имеет ли грузовичок отношение к полиции.

Вдоль улицы росли большие деревья, и отбрасываемые ими тени не позволяли как следует разглядеть грузовичок.

По той полосе Тихоокеанской автострады, где автомобили двигались на север, проехала патрульная машина со включенными мигалками. Остальные автомобили раздавались в стороны, пропуская копов.

До грузовичка, точнее микроавтобуса, оставалось менее полквартала, когда Митч разглядел на ветровом стекле надпись: «СКОРАЯ ПОМОЩЬ». Водитель и санитар никуда не торопились. То ли смена закончилась, то ли везли покойника.

Митч шумно выдохнул. Микроавтобус остановился позади «Хонды», и облегчение Митча тут же сменилось тревогой: а вдруг водитель «Скорой помощи» слушал полицейское радио?

Красный свет сменился зеленым. Митч пересек полосы движения, ведущие на юг, и повернул на север. Одна капелька пота сползла по шее, за воротник рубашки, покатилась вниз.

Митч проехал по Тихоокеанской автостраде лишь квартал, когда позади завизжала сирена: в зеркало заднего обзора он увидел патрульную машину. Только идиоты убегали от копов. Они могли вызвать и вертолет, не говоря уж о том, что были при оружии.

Признавая свое поражение, Митч свернул к тротуару. Когда освободил полосу, патрульная машина проехала мимо.

Стоя у тротуара, Митч наблюдал, как патрульная машина проехала по автостраде еще два квартала, а потом свернула с нее в северном конце Деревни.

Вероятно, Таггарт еще не полностью пришел в себя и не смог достаточно точно описать «Хонду».

Митч глубоко вздохнул. Потом еще раз. Одной рукой вытер шею. Потом обе ладони вытер о джинсы.

Он же совершил нападение на сотрудника полиции.

Продолжив путь на север, Митч задался вопросом, а не сошел ли он с ума. Да, он совершал какие-то противозаконные действия, но не просто же так, а для достижения цели и только когда другого выхода не оставалось. С другой стороны, сумасшедший никогда и не признает, что он безумен.

Глава 57

Вытащив гвоздь, Холли вертит его в непослушных, ноющих пальцах, пытаясь понять,

может ли он стать тем смертоносным орудием, каким она его себе представляла, когда он сидел в доске.

Прямой, длиной чуть больше трех, но явно меньше четырех дюймов, с толстым стержнем, гвоздь можно квалифицировать как пику. Конец стержня не такой острый, как хотелось бы, не игла, конечно, но все-таки острый.

И пока ветер поет о насилии, она проводит время, представляя себе, как можно использовать добытое ею оружие против этого выродка. Воображение у нее настолько богатое, что начинает ее пугать.

Отчитав себя, она меняет тему. Теперь для нее главное не то, как использовать гвоздь, а где его спрятать. Потому что ценность ее оружия, возможно, только в одном: им можно удивить похитителя, заставить его врасплох.

Хотя гвоздь, скорее всего, останется незаметным, если сунуть его в карман джинсов, Холли тревожится, что в критический момент его не удастся достать из кармана достаточно быстро. Когда ее перевозили сюда из дома, ей очень крепко связали руки шарфом. Если похититель сделает то же самое, когда будет увозить ее отсюда, она не сможет развести кисти. Не сможет просунуть пальцы в карман.

В поясе тайников для гвоздя определенно нет, но в темноте она ощупывает кроссовки. Внутри она гвоздь положить не может, он только натрет и поранит ногу. Возможно, удастся найти другое местечко?

Она распускает шнурки левой кроссовки, закладывает гвоздь между языком и одной из накладок с петлями для шнурков, затягивает последние.

Встает и делает круг вокруг кольца в полу, к которому прикована. Быстро выясняет, что жесткий гвоздь не дает гнуться стопе. Она не может шагать, не прихрамывая.

Наконец, она задирает свитер и прячет гвоздь в бюстгальтер. Грудь у нее не такая огромная, как у тех женщин, что борются в грязи, но все-таки природа ее не обидела. Чтобы гвоздь не выскользнул между чашечек, она протыкает острием эластик и таким образом фиксирует его.

Итак, она вооружилась.

Теперь, когда задача выполнена, результат кажется очень уж жалким.

Не находя себе места, она обращает свое внимание на кольцо, прикрепленное к полу, задается вопросом: сможет она освободиться или, по крайней мере, добыть себе более серьезное оружие?

Еще раньше она выяснила, что кольцо приварено к стальной пластине толщиной в полдюйма, квадрату со стороной в восемь дюймов. Пластина крепится к полу четырьмя винтами с утопленными шляпками.

Она не может с определенностью сказать, что это винты, потому что каждую головку залили какой-то жидкостью, которая потом затвердела. Поэтому она не может добраться до поперечной канавки на шляпке, если это действительно винты.

Расстроенная, она ложится на надувной матрас, головой на более толстую секцию-подушку.

Раньше она уже успела поспать. Эмоциональное истощение на пару с физической усталостью обещают, что она вновь может заснуть, но Холли себе этого не позволяет.

Бойтся, что проснется, только когда он уляжется на нее.

Она лежит с открытыми глазами, хотя темнота вокруг чернее той, что у нее под веками, слушает ветер, хотя его завывания ее не успокаивают.

Сколько проходит времени, она не знает, но, когда просыпается в такой же чернильной тьме, чувствует, что она не одна. Какой-то чуть ощутимый запах настораживает ее, а может быть, интуитивное чувство опасности.

Она резко садится, матрас жалобно скрипит, звякает цепь, соединяющая наручник и кольцо в полу.

— Это всего лишь я, — успокаивает он ее.

Холли напрягает глаза, вглядываясь в темноту, но, возможно, его безумие конденсирует

тьму вокруг него во что-то еще более темное, и он остается невидимым.

– Я наблюдал, как ты спишь, – говорит он, – а потом подумал, что свет моего фонаря может тебя разбудить.

Судя по звуку его голоса, он не так близко, как могла она ожидать.

– Это так приятно, быть с тобой в крошечной тьме.

Справа. Футах в трех. Может, на коленях, может, стоит.

– Ты боишься? – спрашивает он.

– Нет. – Она лжет без малейшей запинки.

– Ты бы разочаровала меня, если б боялась. Я верю, что ты превращаешься в полноценную душу, а тот, кто превращается, должен быть выше страха.

Произнося эти слова, он вроде бы смещается ей за спину. Она поворачивает голову, вслушиваясь в каждый звук.

– В Эль-Валле, штат Нью-Мексико, как-то ночью выпал такой сильный снег, что им завалило все.

Если она не ошибается, раньше он стоял справа, а теперь встал у нее за спиной, и завывания ветра растворили в себе все издаваемые им звуки.

– За четыре часа выпало шесть дюймов снега, и вся земля стала белая.

Волосы встают у нее дыбом при мысли о том, что он так уверенно передвигается в темноте. И даже не выдает себя сверканием глаз, как выдал бы кот.

– Равнины и низкие холмы вдруг превратились в поля и стены тумана, стали трехмерной иллюзией, из реальности превратились в грезу.

Мягкий голос теперь звучит где-то перед ее лицом, и Холли предпочитает верить, что он вообще не двигался, а все это время находился перед ней.

Она только что проснулась, будто от толчка, и, возможно, поначалу ей не следовало доверять органам чувств. Опять же, крошечная тьма не позволяет точно определить местоположение источника звука, дезориентирует.

– На уровне земли ветра не было, но на большой высоте он дул со страшной силой, потому что после того, как выпал снег, облака быстро разорвало в клочья и унесло. А в разрывах между облаками небо было черное, подсвеченное только ожерельями звезд.

Она чувствует гвоздь между грудями, согретый теплом ее тела, и пытается почерпнуть в нем уверенность.

– У стеклодува с прошлого июля оставались фейерверки, и женщина, которой снились мертвые лошади, предложила установить их, прежде чем запустить.

Его истории всегда к чему-то ведут, хотя Холли уже научилась бояться последних фраз каждой.

– Там были звездные раковины, колеса Катерины, спирали, меняющие цвет хризантемы, золотые пальмы.

Голос становится мягче, он подходит ближе. Возможно, наклоняется к ней. Их лица разделяет какой-то фут.

– Красные, зеленые, сапфировые и золотые вспышки освещали черное небо, но все эти цвета также отражались от белых полей, пульсировали на белых полях.

Киллер продолжает говорить, а у Холли возникает ощущение, что сейчас он ее поцелует, в крошечной тьме. И какой будет его реакция, когда она в отвращении, а по-другому невозможно, отпрянет?

– Последние снежинки еще падают, самые последние, большие, как серебряные доллары, спускающиеся по широким пологим дугам. Они тоже подсвечиваются.

Она отклоняется назад и поворачивает голову, боясь этого поцелуя. Потом думает, что он может прийтись не на губы, а в шею.

– Поблескивая красным, синим и золотым огнем, снежинки медленно опускались на землю, словно что-то волшебное горело в вышине, какой-то величественный дворец пылал на другой стороне небес, а на землю падали яркие, как драгоценные камни, угли.

Он делает паузу в ожидании ответной реакции.

Пока он продолжает говорить, поцелуя точно не будет.

Холли откликается:

– Это так великолепно, так прекрасно, я сожалею, что меня там не было.

– И я жалею, что тебя там не было, – соглашается он.

Осознав, что ее слова могут быть расценены как приглашение, Холли торопливо добавляет:

– Это наверняка не все. Что еще произошло в ту ночь в Эль-Валле? Расскажи мне.

– У женщины, которой снились мертвые лошади, была подруга, утверждавшая, что она – графиня из какой-то восточноевропейской страны. У тебя есть хоть одна знакомая графиня?

– Нет.

– У графини были проблемы с депрессией. Она лечила депрессию, принимая «экстази». Она приняла слишком много «экстази» и вышла на поле, окрашенное фейерверками. Более счастливая, чем была когда-либо, она покончила с собой.

Вновь пауза, требующая ответной реакции, но Холли не может ничего придумать, кроме:

– Как грустно.

– Я *знал*, что ты это поймешь. Да, грустно. Грустно и глупо. Эль-Валле – портал, который дает возможность отправиться в путешествие к великому изменению. В ту ночь и тот *особый момент* каждому представлялась возможность стать другим. Стать лучше. Однако всегда находятся такие, кто не может этого увидеть.

– Графиня.

– Да. Графиня.

Окружающая Холли давящая темнота вдруг стала еще темнее.

Она чувствует его теплое дыхание своим лбом, глазами, а потом оно уходит.

Может, она и не чувствовала его дыхания, только легкий порыв ветра.

Ей хочется верить, что это был порыв ветра, и она думает о чем-то чистом: своем муже, ребенке, ярком солнышке.

– Ты веришь в знамения, Холли Рафферти?

– Да.

– Знаки, приметы. Черные кошки, разбитые зеркала, просыпанная соль, упавшая на пол вилка или нож. Ты когда-нибудь видела знамение, Холли Рафферти?

– Думаю, что нет.

– Надеешься увидеть?

Она знает, что он хочет услышать, и идет ему навстречу.

– Да. Я надеюсь увидеть знамение.

Она чувствует теплое дыхание на левой щеке, потом на губах.

Если это он (а сердцем она знает, что он, безо всяких «если»), то остается неотличим от темноты, хотя разделяют их какие-то дюймы.

Темнота в комнате не мешает остроте мысленного взора. Она «видит», что он стоит перед ней на коленях голый, его бледное тело разрисовано зловещими символами, а вместо краски использовалась кровь убитых им людей.

Сияясь изгнать из голоса нарастающий страх, она спрашивает:

– Ты видел много знамений, не так ли?

Дыхание, дыхание, дыхание на губах, но не поцелуй, потом нет и дыхания, потому что он отстраняется и говорит:

– Я видел десятки знамений. У меня на них глаз наметан.

– Пожалуйста, расскажи мне хотя бы об одном.

Он молчит. Молчание нависает над ней, словно отточенный меч.

Неужели он начинает задаваться вопросом: а может, она говорит лишь для того, чтобы отсрочить поцелуй?

Если только такое возможно, она не должна обидеть его. Важно покинуть это место, не подвергнувшись насилию, но не менее важно не дать ему вырваться из той мрачной

фантазии, в которую он сам себя и загнал.

Он, похоже, верит, что со временем она решит, что должна поехать с ним в Гвадалупиту, штат Нью-Мексико, и что в Гвадалупите она «будет потрясена» увиденным. И пока он продолжает в это верить, а она – стараться не разубеждать его, но и не давать твердых обещаний, ей, возможно, удастся обернуть это обстоятельство в свою пользу, когда наступит критический момент.

Когда молчание слишком уж затягивается, он подает голос:

– Это случилось, когда лето в прошлом году переходило в осень, и все говорили, что птицы раньше улетели на юг, и волки появились там, где их не видели несколько десятилетий.

Холли сидит в темноте, с прямой спиной, скрестив руки на груди, напряженная, как натянутая струна.

– Небо напоминало стеклянную чашу, которой накрыли землю. Казалось, можно разбить его брошенным камнем. Ты бывала в Орлином гнезде, штат Нью-Мексико?

– Нет.

– Я ехал на юг от Орлиного гнезда, по двухполосному шоссе, примерно в двадцати милях от Таоса. Две девушки шли навстречу по другой стороне дороги, ловили попутку, которая подвезла бы их на север.

Ветер над крышей обрел еще один голос, теперь он завыл, как стая койотов.

– Возраста они были студенческого, но не учились в колледже. Они были серьезно настроенными, ищущими, уверенными в себе, в туристических ботинках, с рюкзаками и накопленным опытом.

Он замолкает, то ли это театральная пауза, то ли он роется в воспоминаниях.

– Я увидел знамение и сразу понял, что это *было* знамение. Над их головами зависла черная птица. Она широко раскрыла крылья, не махала ими, просто висела, поддерживаемая теплым потоком воздуха, и двигалась не быстрее и не медленнее, чем шли девушки, оставаясь над ними.

Холли сожалеет, что напросилась на эту историю. Она закрывает глаза, чтобы не видеть образы, которые он начнет описывать.

– Птица летела футов на шесть выше их голов и на фут-два позади, но девушки не подозревали о ее присутствии. Они не подозревали, а я сразу понял, что означает эта птица. Ты знаешь, что символизировала эта птица, Холли Рафферти?

– Смерть, – отвечает она.

– Да, совершенно верно. Ты становишься полной душой. Я увидел птицу и поверил, что эти девушки помечены смертью, что долго им в этом мире не жить.

– И они умерли?

– В тот год зима наступила рано. Снегопады следовали один за другим, стояли сильные морозы. Весна затянулась, снег сошел уже летом, и их тела обнаружили только в конце июня, на заброшенном поле около Эрройо-Хондо, по другую сторону пика Уиллера, не так далеко от того места, где я увидел их на дороге. Я узнал девушек по фотографии в газете.

Холли безмолвно молится за родственников неизвестных ей девушек.

– Кто знает, что с ними случилось? – продолжает он. – Их нашли обнаженными, поэтому мы можем представить себе, что выпало на их долю. Но хотя нам может показаться, что смерть у них была ужасная и трагическая в силу их молодости, всегда остается вероятность, что у самой худшей из ситуаций есть светлая сторона. Если мы – ищущие, мы учимся на всем и развиваемся. Возможно, в каждой смерти есть моменты прекрасного и потенциал для трансцендентного.

Он включает фонарь, выясняется, что он, скрестив ноги, сидит напротив нее.

Если бы свет вот так внезапно зажегся раньше, она бы зажмурилась, повернула голову. Но теперь застать ее врасплох не так-то легко, да и незачем ей жмуриться или отворачиваться от света, потому что она ему несказанно рада.

На похитителе все та же лыжная шапочка-маска, в которой видны только обкусанные

губы и серо-синие глаза. Он не обнажен и не разрисован кровью тех, кого убил.

– Пора идти, – говорит он. – Тебя обменивают на миллион четыреста тысяч долларов, а после того, как я получу деньги, придет время для решения.

Сумма поражает ее. Возможно, он лжет.

Холли потеряла счет времени, но она удивлена услышанным.

– Уже полночь со среды на четверг?

Он улыбается из-под вязаной маски.

– Еще вторник, час с небольшим пополудни, – отвечает он. – Твой муж убедил своего брата достать деньги быстрее, чем можно было рассчитывать. Все идет так гладко, словно катится на колесах судьбы.

Поднимаясь, он дает ей знак последовать его примеру, и она повинуется.

Синим шарфом он связывает ей руки за спиной, как было и в прошлый раз.

Вновь встав перед ней, нежно отбрасывает волосы со лба, ибо несколько упали на лицо. Руки у него не только белые, но и очень холодные, и, проделывая все это, он не отрывает взгляда от ее глаз.

Она не решается отвести глаза и закрывает их, лишь когда он прикладывает к ним толстые марлевые салфетки, увлажненные, с тем чтобы они прилипли к коже. Потом он трижды оборачивает вокруг ее головы шелковую ленту, которая удерживает салфетки на месте, и завязывает концы крепким узлом на затылке.

Его руки касаются ее правой лодыжки, отсоединяя металлическое кольцо, освобождая от цепи.

Он поднимает фонарь, чтобы осмотреть повязку, и она видит слабый свет, который проникает сквозь марлю и шелк. Вероятно, удовлетворенный проделанной работой, он опускает фонарь.

– Когда мы приедем на место обмена, шарф и салфетки я сниму, – обещает он. – Они необходимы только в дороге.

Поскольку не он бил ее и дергал за волосы, чтобы заставить кричать, ее слова звучат убедительно, когда она говорит:

– Ты никогда не обращался со мной жестоко.

В молчании он всматривается в нее. Она предполагает, что всматривается, потому что чувствует себя обнаженной, раздетой его взглядом.

Ветер по-прежнему ревет и завывает, не обещая ничего хорошего, и сердце у нее прыгает, словно заяц, бьющийся о стенки клетки.

Холли чувствует на губах его дыхание и усилием воли заставляет себя не отстраниться.

Выдохнув на нее четыре раза, он шепчет:

– Ночью в Гвадалупите небо такое далекое, что луна кажется совсем маленькой, а звезд, от горизонта до горизонта, больше, чем человеческих смертей со дня сотворения мира. Теперь мы должны идти.

Он берет Холли за руку повыше запястья. Она не дергается, хотя его прикосновение отвратительно, и он ведет ее через чердак к открытой двери.

За дверью ступеньки, по которым она поднималась днем раньше. Теперь он осторожно помогает ей спускаться. Со связанными руками она не может держаться за перила, поэтому всякий раз осторожно ставит ногу.

С чердака на второй этаж, на первый, потом в гараж, он руководит:

– Здесь площадка. Очень хорошо. Наклони голову. Теперь налево. Тут осторожнее. А там порожек.

В гараже она слышит, как он открывает дверцу автомобиля.

– Это тот самый микроавтобус, на котором тебя сюда привезли. – Он помогает ей залезть в кузов через заднюю дверцу. Ковер на полу такой же вонючий, каким она его и запомнила. – Ложись на бок.

Он уходит, захлопывает за собой дверцу. Поворот ключа в замке исключает даже мысль о том, что она сумеет выпрыгнуть из кузова по пути.

Водительская дверца открывается, он садится за руль.

– Это двухместный микроавтобус. Кабина не отделена от грузового отсека перегородкой, вот почему ты меня так хорошо слышишь. Ты хорошо меня слышишь?

– Да.

Он захлопывает дверцу.

– Я могу повернуться и увидеть тебя. Когда мы ехали сюда, рядом с тобой сидели люди, чтобы ты вела себя смирно. Сейчас я один. Поэтому, если где-то по пути нам придется остановиться на красный свет и ты начнешь кричать, чтобы тебя услышали, мне придется обойтись с тобой жестче, чем хотелось бы.

– Я не буду кричать.

– Хорошо. Но, пожалуйста, позволь мне объяснить. На пассажирском сиденье рядом со мной лежит пистолет с глушителем. Как только ты поднимешь крик, я возьму пистолет, обернусь и пристрелю тебя. Выкуп я все равно за тебя получу, мертвую или живую. Ты понимаешь?

– Да.

– Точно понимаешь?

– Да.

– Вот и хорошо. Я мог бы вставить тебе в рот кляп, но я этого не сделал. Мог бы засунуть в твой милый ротик резиновый мяч и залепить губы изолентой. Мог я это сделать?

– Да.

– Почему не сделал?

– Потому что знаешь, что можешь мне доверять, – отвечает она.

– Я *надеюсь*, что могу тебе доверять. И потому, что я человек надежды, который всю свою жизнь надеется и надеется, я не залепил тебе рот, Холли. Кляп, о котором я тебе говорил, очень эффективный, но приятного от него мало. Я не хочу, чтобы наши отношения омрачало что-то неприятное, в надежде, что мы отправимся в Гвадалупиту.

Она многому научилась за эти сутки, в том числе и обманывать.

Так что голос у нее не соблазнительный, а серьезный, в нем слышится уважение, она старается показать, что он зачаровал ее.

– Гвадалупиту, Робарте, Рио-Лючио, Пенаско, где твоя жизнь изменилась, и Чамисель, где она тоже изменилась, Эль-Валле, Вальсито, Лас-Трампас и Эспанолу, где твоя жизнь должна измениться вновь.

Какое-то время он молчит.

– Извини за доставленные неудобства, Холли. Все скоро закончится, а потом трансцендентность, если ты захочешь.

Глава 58

Архитектора оружейного магазина, видимо, вдохновляли бакалейные лавки из бесчисленных вестернов. Плоская крыша, оштукатуренные стены, крытая дорожка вдоль всего здания, широкое крыльцо, ожидающее, когда Джон Уэйн выйдет на него из магазина, в той же одежде, что и в «Искателях».

Митч казался себе отнюдь не Джоном Уэйном, а одним из второстепенных персонажей, которого должны убить минут через двадцать после начала фильма. Он сидел в «Хонде», на стоянке оружейного магазина, изучал пистолет, который привез из Ранчо-Санта-Фе.

На стали, если это была сталь, изготовители выгравировали слова, буквы, цифры. Некоторые ничего для него не значили. Другие, похоже, содержали важную информацию даже для того, кто не разбирался в оружии. Митч к таковым себя и относил.

Около мушки, на стволе выбили два слова: «Точная пристрелка». Ближе к предохранительной скобе спускового крючка – «ЧЕМПИОН» (эту надпись, похоже, нанесли лазером) и под ней – «К.45».

Митчу не хотелось передавать деньги, имея в своем распоряжении только семь

патронов в обойме. Теперь он знал, что ему нужно купить патроны калибра 0,45 дюйма.

Семи патронов, возможно, и хватило бы. Перестрелки обычно затягивались только в фильмах. В реальной жизни кто-то стрелял первым, кто-то – в ответ, и четырех выстрелов вполне хватало для того, чтобы один из этих «кто-то» падал мертвым или раненым.

Покупка дополнительных патронов придавала уверенности чисто психологически. Но Митча это не волновало. Больше – не меньше. Кто знал, как там сложится, а запас карман не тянет.

На другой стороне ствола он нашел слово «СПРИНГФИЛД». Догадался, что это название фирмы-изготовителя.

А слово «ЧЕМПИОН» означало модель. То есть он держал в руках пистолет «ЧЕМПИОН» калибра 0,45 дюйма, изготовленный компанией «Спрингфилд».

В магазине ему не хотелось привлекать к себе внимание. Он надеялся держаться так, словно знал, за чем пришел и о чем говорит.

Достав обойму из рукоятки пистолета, он вытащил патрон. На гильзе нашел надпись «45АСР». Что означают эти буквы, не имел ни малейшего понятия.

Он вставил патрон в обойму, а обойму сунул в карман джинсов. Положил пистолет под водительское сиденье.

Из бардачка достал бумажник Джона Нокса. Совесть, конечно, возражала против использования денег мертвеца, но другого выхода не было. Его собственный бумажник забрали у него в библиотеке Джулиана Кэмпбелла. Он взял 585 долларов и вернул бумажник в бардачок.

Митч вышел из машины, запер автомобиль и прошел в оружейный магазин. Название «магазин» совершенно не соответствовало торговому заведению таких размеров. Ряды стенов и прилавков с самым разнообразным оружием терялись вдаль.

За длинным прилавком с кассовым аппаратом стоял крупный мужчина с моржовыми усами. Судя по табличке на груди, звали его Роланд. К нему и обратился Митч.

– «Спрингфилд-чемпион», – кивнул Роланд. – Тот же «кольт командер», только из нержавеющей стали, не так ли?

Митч понятия не имел, так или нет, но подозревал, что Роланд свое дело знает.

– Совершенно верно.

– Обойма, ствол, выбрасыватель гильзы, все стандартное.

– Это классный пистолет. – Митч надеялся, что люди так и говорят об оружии. – Мне нужны три обоймы. Для стрельбы в тире.

Последнее предложение он добавил, потому что, по его разумению, людям дополнительные обоймы могли потребоваться только в том случае, если они хотели ограбить банк или пострелять по прохожим с колокольни.

Но у Роланда никаких подозрений не зародилось.

– И вы хотите взять целую коробку патронов для пистолета с точной настройкой?

Митч вспомнил надпись у мушки и кивнул: «Да, именно они мне и нужны».

– Вы не принесли пистолет? Мы бы сразу и посмотрели, подойдет ли он?

Митч не принес пистолет по одной причине: думал, что человека, который входит в магазин с пистолетом, примут здесь за грабителя. Ошибся.

– Я принес только это. – Он положил обойму на прилавок.

– Пистолет, конечно, лучше, но посмотрим, что можно сделать с этим.

Пятью минутами позже Митч заплатил за три обоймы и коробку патронов «45АСР».

Пока расплачивался и забирал патроны и обоймы, каждую секунду ждал, что завоют сирены тревоги. Он чувствовал, что все знали, кто он такой, и выжидали лишь удобного момента, чтобы наброситься на него. Определенно, нервы у него были недостаточно крепкими для нарушителя закона.

Уже собравшись выходить из магазина, он посмотрел в стеклянную дверь и увидел на автостоянке патрульную машину, которая блокировала его «Хонду». Коп стоял у водительской дверцы, глядя через стекло в салон.

Глава 59

Присмотревшись, Митч разглядел, что на водительской дверце патрульной машины нет герба города, зато имеются название «Первая правоохранительная» и витиеватый логотип частной охранной фирмы. Так что мужчина в форме, который стоял у «Хонды», был частным охранником, а не полицейским.

Тем не менее «Хонда» могла заинтересовать его только по одной причине: он знал, что автомобиль объявлен в розыск. То есть слушал полицейское радио.

Охранник, который сознательно поставил свою машину так, чтобы «Хонда» не могла выехать с автостоянки, направился к оружейному магазину. Похоже, с тем чтобы пообщаться с водителем «Хонды».

Скорее всего, он приехал сюда по своим делам, и ему просто повезло в том, что Митч выбрал именно этот магазин для покупки патронов. Но теперь охранник уже настроился на арест разыскиваемого полицией гражданина и, видимо, готовился вкушать сладость славы.

Настоящий коп вызвал бы подмогу, прежде чем входить в магазин. Митч полагал, что ему стоит возблагодарить судьбу за то, что путь ему пересек охранник частной фирмы.

Стоянка дугой охватывала отдельно стоящее здание оружейного магазина с двух сторон, так что и входов в магазин было два. Митч попятился от двери центрального входа и быстрым шагом направился к другой.

Покинул магазин через боковой выход и поспешил к своей «Хонде», припаркованной неподалеку от центрального входа в магазин. Охранник уже скрылся за дверью.

Его машина, принадлежащая «Первой правоохранительной», загнала «Хонду» в ловушку, потому что передним бампером она чуть ли не упиралась в стальной рельс, ограничивающий автостоянку: за рельсом земля круто уходила вниз.

Не оставалось ничего другого, как оставить «Хонду» и искать другое транспортное средство.

Митч отпер водительскую дверцу, достал из-под сиденья «Спрингфилд-чемпион 45».

Когда закрывал дверцу, его внимание привлек человек, выходящий из оружейного магазина. Не охранник.

Митч открыл багажник, вытащил из ниши для запасного колеса белый пластиковый мешок. Положил в него пистолет и приобретенные в оружейном магазине обоймы и патроны, закрутил горловину мешка, захлопнул багажник и ушел.

Пройдя мимо пяти автомобилей, остановился между двумя внедорожниками. Заглянул в салон каждого в надежде, что кто-то из водителей оставил ключи в замке зажигания, но ему не повезло.

Быстрым шагом, но не бегом он направился через автостоянку к углу здания, из которого только что вышел.

Уже практически достигнув угла, периферийным зрением уловил движение у двери центрального входа. Повернувшись, увидел охранника, выходящего из магазина.

Он полагал, что охранник его не заметил. А в следующее мгновение уже скрылся за углом.

Здесь автостоянка заканчивалась низкой бетонной стеной. Митч перепрыгнул через нее и оказался на другой автостоянке, у кафе быстрого обслуживания.

Напоминая себе, что бегущий человек привлекает излишнее внимание, он пересек автостоянку, миновал автомобили, выстроившиеся в очереди к автоокну, в воздухе стоял запах выхлопных газов и картофеля фри, обогнул здание, подошел к еще одной низкой бетонной стенке, перемахнул и через нее.

Впереди лежал небольшой торговый центр, состоящий из шести или восьми магазинов. Он сбавил шаг, заглядывая в витрины, словно человек, отправившийся за покупками, благо миллион и четыреста тысяч, которые он прихватил с собой, позволяли ни в чем себе не отказывать.

Когда Митч подходил к концу квартала, с главного бульвара свернула патрульная машина с включенными мигалками на крыше и направилась в сторону оружейного магазина. За первой практически сразу последовала и вторая.

Митч свернул налево, в маленькую боковую улицу, держась подальше от бульвара. Вновь прибавил шаг.

Торговая зона, по размерам более чем скромная, закончилась. За ней находились улочки, застроенные жилыми домами.

В первом квартале с обеих сторон высились многоквартирные дома и кондоминиумы. Но дальше пошли двухэтажные дома на одну семью, иногда бунгало.

Вдоль мостовой росли огромные старые ного-плодники, так что тротуары чуть ли не полностью прятались в тени. В большинстве своем выкошенные лужайки зеленели, кусты на этих участках аккуратно подстригали, но, конечно, встречались и неухоженные участки, которые портили общее впечатление от улицы.

Митч понимал, что, не найдя его в оружейном магазине, полиция возьмется за окружающие кварталы. Через несколько минут на его поиски могли отправиться с полдесятка, а то и больше патрульных машин.

Он напал на полицейского. Таких обычно разыскивали в первую очередь. На этой улице большинство припаркованных автомобилей составляли внедорожники. Митч замедлил шаг, вглядываясь в салоны через стекло передней дверцы, надеясь увидеть оставленный в замке зажигания ключ.

Часы показывали 13.14. До назначенного времени обмена оставалось меньше двух часов, а он лишился колес.

Глава 60

Поездка длится примерно пятнадцать минут, и Холли, со связанными руками и повязкой на глазах, слишком занята обдумыванием планов на ближайшее будущее, чтобы кричать.

На этот раз, остановившись, ее сумасшедший водитель переводит ручку коробки передач в нейтральное положение, она это слышит, а потом ставит микроавтобус на ручник. Выбирается из кабины, оставив дверцу открытой.

В Рио-Лючио, штат Нью-Мексико, святая женщина, которую зовут Эрмина Какая-то, живет в сине-зеленом или сине-желтом домике с оштукатуренными стенами. Ей семьдесят два года.

Киллер возвращается, садится за руль, захлопывает дверцу. Микроавтобус трогается с места, проезжает футов двадцать, опять останавливается, и водитель выходит из кабины.

В гостиной Эрмины Какой-то сорок два или сорок три изображения святого сердца Иисуса, проткнутого шипами.

У Холли возникает идея. Идея смелая. И пугающая. Но вроде бы очень удачная.

Когда киллер возвращается и опять садится за руль, Холли догадывается, что он сначала открывал ворота, чтобы они могли куда-то въехать, а потом закрывал их.

Во дворе Эрмины Какой-то киллер зарыл «сокровище», которое старуха бы не одобрила. Холли задается вопросом, что это за сокровище, но надеется никогда этого не узнать.

Микроавтобус проезжает еще футов шестьдесят по неасфальтированной дороге. Мелкие камешки вылетают из-под колес, стучат о днище.

Он снова останавливается и на этот раз выключает двигатель.

– Мы на месте.

– Хорошо, – говорит она, стараясь делать вид, что она – не испуганная заложница, а женщина, у которой душа совершенствуется, поднимается на новый уровень.

Он отпирает заднюю дверцу и помогает Холли выйти из микроавтобуса.

Теплый ветер несет с собой едва заметный запах древесного дыма. Возможно, где-то на

востоке горят каньоны.

Впервые за более чем двадцать четыре часа она чувствует на лице тепло солнечных лучей. Ей так хорошо, что хочется плакать.

Поддерживая ее за правую руку, он ведет ее по земле, среди сорняков. Потом они попадают на более твердую поверхность, появляется легкий запах лайма.

Они останавливаются, потом трижды повторяется какой-то странный приглушенный звук: тап, тап, тап, сопровождаемый хрустом дерева и скрежетом металла.

– Что это? – спрашивает она.

– Я пулями выбил замок, чтобы открыть дверь.

Он берет ее под локоток, словно галантный кавалер, и ведет в здание. Едва они переступают через порог, говорит:

– Скоро будем на месте.

Эхо их шагов подсказывает, что они в каком-то большом помещении.

– Такое ощущение, что мы в церкви, – говорит она.

– В каком-то смысле, – отвечает он. – Мы в кафедральном соборе несметного богатства.

Пахнет штукатуркой и опилками. Она слышит ветер, но стены, похоже, толстые, может, звукоизолированные, окна тройные, потому что голос ветра в помещении намного тише, чем на улице.

Они входят в помещение меньших размеров, с более низким потолком.

Остановив ее, киллер говорит: «Подожди», – и отпускает ее руку.

Она слышит знакомый звук, от которого падает сердце: звон цепи.

Здесь запах опилок не такой сильный, как прежде, но она помнит их угрозу отрезать ей пальцы и гадает: а не стоит ли в этой комнате циркулярная пила?

– Один миллион четыреста тысяч, – раздумчиво произносит она. – Для ищущих это хорошие деньги.

– Это хорошие деньги для всех, – отвечает он.

Он прикасается к ее руке, но она не дергается. Он фиксирует один конец цепи на ее левом запястье, второй – на чем-то еще.

– Когда придется работать, на то, чтобы искать по-настоящему, времени практически не остается, – говорит она и, хотя знает, что это галиматья, надеется, что он принимает ее слова всерьез.

– Работа – это жаба, сидящая на наших жизнях, – отвечает он, и она понимает, что попала в десятку.

Он развязывает шарф, стягивающий ее руки, и она его благодарит.

Когда снимает повязку с глаз, щурится и моргает, привыкая к свету, и обнаруживает, что они находятся в доме, где идет ремонт.

Войдя в дом, он снова надел лыжную маску-шапочку. Он, по крайней мере, притворялся, что она могла предпочесть ему своего мужа и тогда он оставил бы их в живых.

– Здесь была бы кухня, – говорит он.

Для кухни помещение огромное, может, пятьдесят на тридцать футов, здесь можно приготовить еду для многочисленных гостей. Выложенный плитами известняка пол покрыт пылью. Стены оштукатурены, но не покрашены, полки, шкафы, кухонное оборудование не установлены.

Металлическая труба диаметром в два дюйма, возможно газовая магистраль, выходит из стены. Одним концом цепь за эту трубу и зацеплена. На срезе трубы металлическая заглушка, диаметром на добрый дюйм больше самой трубы, так что цепь соскользнуть с нее не может.

Длина цепи – восемь футов. Холли может сидеть, стоять, даже немного ходить.

– Где мы? – спрашивает она.

– В доме Тернбриджа.

– Ясно. Но почему? Что-то тебя с этим домом связывает?

– Я побывал здесь несколько раз, – говорит он, – хотя входил в дом более незаметно, не

вышибал замки. Он притягивает меня. Он все еще здесь.

– Кто?

– Тернбридж. Он не ушел. Душа его по-прежнему в этом доме, сидит тихонько, как один из десяти тысяч валяющихся на полу дохлых жучков.

– Я думала об Эрмине из Рио-Лючио, – меняет тему Холли.

– Эрмине Лавато.

– Да, – кивает она, словно раньше забыла фамилию. – Я могу буквально видеть комнаты ее домика, выкрашенные в разные, но успокаивающие глаз цвета. Не знаю, почему я о ней думаю.

Из-под лыжной шапочки-маски его сине-серые глаза пристально всматриваются в нее.

Закрыв глаза, с висящими как плети руками, обратив к потолку лицо, она шепчет:

– Я могу видеть стены ее спальни, увешанные изображениями Святой Матери.

– Их сорок два, – уточняет он.

– И горят свечи, не так ли? – предполагает она.

– Да, свечи в стаканчиках-подсвечниках.

– Это прекрасная комната. Она там счастлива.

– Она очень бедна, но счастливее любого богача, – подтверждает он.

– И кухня у нее словно из 1920-х годов, там пахнет жарящейся курицей. – Холли глубоко вдыхает, словно наслаждаясь запахом, потом медленно выдыхает.

Он молчит.

Открыв глаза, Холли продолжает:

– Я никогда там не была, я никогда с ней не встречалась. Почему я не могу изгнать из своих мыслей ее саму и ее дом?

Его молчание уже тревожит ее. Она боится, что переиграла, задела не ту струну.

Наконец он говорит:

– Некоторые люди, которые никогда не встречались, могут мысленно входить в резонанс друг с другом.

– Входить в резонанс, – задумчиво повторяет она.

– С одной стороны, вы вроде бы живете в разных штатах, с другой – близкие соседи.

Если Холли правильно его оценивает, то вызывает у него скорее интерес, чем подозрения. Разумеется, расчет на то, что она правильно его оценивает, может оказаться фатальной ошибкой.

– Странно, – говорит она и подводит черту под этой темой.

Он облизывает обкусанные губы, раз, второй, третий.

– Мне нужно кое-что сделать, чтобы подготовиться к встрече с твоим мужем. Извини, что пришлось посадить тебя на цепь. Это ненадолго.

После того, как он ушел из кухни, она вслушивается в его шаги в других комнатах.

Холли начинает трясти. Ей не удастся сразу унять дрожь, и звенья цепи тихонько позвякивают, ударяясь друг о друга.

Глава 61

Митч, укрываясь в тени гнущихся под ветром ногоплодников, заглядывая в стекла, в конце концов начал проверять дверцы припаркованных у тротуара автомобилей. Обнаруживая, что они не заперты, всякий раз открывал, забирался в салон.

Если ключей в замке зажигания не было, искал их в углублении для чашки на консоли или за солнцезащитным щитком. Не находя, захлопывал дверцу и двигался дальше.

Рожденная из отчаяния, собственная храбрость поражала Митча. Поскольку патрульная машина могла в любой момент вырваться из-за поворота, ему бы следовало прятаться, а не залезать в чужие автомобили.

Он надеялся, что местные жители не объединены в группы охраны общественного порядка. Иначе полицейский-инструктор едва ли не на первой встрече сказал бы им, что

прежде всего им следует обращать внимание и сообщать в полицию о таких вот подозрительных личностях.

В этой части Южной Калифорнии, в территориальных границах Ньюпорт-Бич, славящегося крайне низкой преступностью, очень уж многие местные жители запирали свои автомобили. Их параноя постепенно начала выводить Митча из себя.

Пройдя более двух кварталов, он увидел впереди припаркованный на подъездной дорожке «Лексус» с работающим на холостых оборотах двигателем, с открытой водительской дверцей. За рулем никто не сидел.

Открытыми были и гаражные ворота. Митч осторожно подошел к автомобилю, но в гараже тоже никого не увидел. Должно быть, водитель вернулся в дом за чем-то забытым.

О краже «Лексуса» сообщили бы через несколько минут, но его поиски начались бы не сразу. Заявление о краже автомобиля – это процесс, требующий времени. Бюрократическая машина нигде и никогда сразу не включалась в работу.

Возможно, у него была пара часов до того момента, как «Лексус» попал бы в список угнанных автомобилей. Больше двух часов Митчу и не требовалось.

Поскольку автомобиль стоял передним бампером к улице, он скользнул за руль, бросил мешок для мусора на пассажирское сиденье, захлопнул дверцу, выкатился с подъездной дорожки, повернул направо, подальше от бульвара и оружейного магазина.

На углу, игнорируя знак «Стоп», снова повернул направо и проехал треть квартала, прежде чем с заднего сиденья раздался дребезжащий голос:

– Как тебя зовут?

В углу сидел старик. В зеленых, как бутылочное стекло, очках, со слуховым аппаратом, в штанах, натянутых чуть ли не до груди. Выглядел он лет на сто, ссохшийся от времени.

– Ага, ты – Дебби, – старик сам ответил на свой вопрос. – Куда едем, Дебби?

Преступление вело к новому преступлению, и Митч убеждался в этом на собственном опыте: он не просто украл автомобиль, но и похитил человека.

– Мы едем в пирожный магазин? – спросил старик, в голосе послышалась надежда.

Возможно, он страдал болезнью Альцгеймера.

– Да, мы едем в пирожный магазин, – ответил Митч и на следующем повороте вновь повернул направо.

– Я люблю пирожные.

– Все любят пирожные.

Если бы его сердце не колотилось так сильно, что болели ребра, если бы жизнь жены не зависела от его свободы, если бы он в любой момент не ожидал встречи с полицией, если бы он не ожидал, что сначала они начнут стрелять, а уж потом зачитывать ему его гражданские права, он мог бы найти все это забавным. Но в сложившейся ситуации находил не забавным – сюрреалистическим.

– Ты – не Дебби, – заявил старик. – Я – Норман, но ты – не Дебби.

– Вы правы. Я – не Дебби.

– Кто же ты?

– Просто один человек, который допустил ошибку.

Норман думал о его словах, пока Митч в третий раз не повернул направо, потом сказал:

– Ты собираешься причинить мне боль. Вот что ты собираешься сделать.

Страх в голосе старика вызывал жалость.

– Нет, нет, никто не собирается причинять вам боль.

– Ты собираешься причинить мне боль, ты – плохой человек.

– Нет, я просто допустил ошибку. Я везу вас домой, – заверил его Митч.

– Где мы? Это не дом. Мы не рядом с домом. – Голос прибавил громкости и пронзительности. – Ты – плохой сукин сын !

– Не надо волноваться. Пожалуйста, не надо. – Митч жалел старика, чувствовал свою ответственность за него. – Мы почти приехали. Вы будете дома через минуту.

– Ты – плохой сукин сын! Ты – плохой сукин сын!

И на четвертом перекрестке Митч повернул направо, на ту самую улицу, где угнал автомобиль.

– *ТЫ – ПЛОХОЙ СУКИН СЫН !*

Тело Нормана время иссушило, а вот голос остался сильным, словно у юноши.

– *ТЫ – ПЛОХОЙ СУКИН СЫН !*

– Пожалуйста, Норман. От волнения у вас может начаться сердечный приступ.

Он надеялся, что сможет загнать автомобиль на подъездную дорожку, оставить на прежнем месте и уйти до прихода водителя. Но женщина уже вышла из дома на улицу. Увидела, как он огибает угол.

На лице ее отражался ужас. Она думала, что Норман сел за руль.

– *ТЫ – ПЛОХОЙ СУКИН СЫН, ПЛОХОЙ, ПЛОХОЙ СУКИН СЫН !*

Митч остановился на улице, рядом с женщиной, перевел ручку переключения скоростей в нейтральное положение, поставил «Лексус» на ручник, схватил мешок для мусора, вылез из кабины, оставив дверцу открытой.

Женщина, лет сорока с небольшим, полноватая, симпатичная, с аккуратной прической, была в деловом костюме и в туфлях на слишком высоких каблуках, чтобы ехать в пирожный магазин.

– Вы – Дебби? – спросил Митч.

В недоумении она переспросила:

– Я – Дебби?

Может, ее звали совсем и не Дебби.

Норман все еще кричал в салоне.

– Извините, – сказал Митч. – Произошла ошибка.

И зашагал от нее прочь, к первому из четырех перекрестков, на которых он поворачивал, совершив «круг почета» с Норманом. Услышал, как женщина спрашивает: «Дедушка? Ты в порядке, дедушка?»

У знака «СТОП» обернулся, увидел, что женщина заглядывает в салон, успокаивая старика.

Митч обогнул угол и прибавил шагу. Но не побежал. Просто прибавил шагу.

Кварталом позже, когда он приблизился к следующему перекрестку, сзади раздался автомобильный гудок. Женщина преследовала его на «Лексусе».

Он видел ее сквозь ветровое стекло. Одна рука держала руль, вторая – мобильник. Она звонила не своей сестре в Омаху. Она звонила не в службу точного времени. Она звонила по номеру 911.

Глава 62

Борясь со встречным ветром, чуть наклонившись вперед, Митч спешил по тротуару. Каким-то чудом ему удалось избежать встречи с осиным роем, который ветер вытряс из дупла одного из деревьев.

Женщина в «Лексусе» продолжала держаться чуть сзади, с тем чтобы иметь возможность быстро развернуться, если бы он попытался оторваться от нее, направившись в обратную сторону, но не упускала его из виду. Если он переходил на бег, она придавливала педаль газа.

Вероятно, она собиралась так и ехать следом за ним до появления полиции. Митч восхищался ее мужеством, хотя его так и подмывало прострелить колеса «Лексуса».

А копы могли прибыть быстро. Найдя «Хонду», они знали, что он где-то здесь. И попытка угона «Лексуса» всего в нескольких кварталах от оружейного магазина однозначно указала бы им, кто мог на такое пойти.

Вновь раздался автомобильный гудок, потом еще раз, наконец загудел не умолкая. Женщина хотела предупредить соседей, что рядом находится преступник. И на клаксон давила так яростно, словно на тихой улочке оказался сам Усама бен Ладен.

Митч свернул с тротуара, пересек лужайку, обошел дом, надеясь, что в заднем дворе не наткнется на питбуля. Несомненно, большинство питбулей были добрыми, как монахини, но с учетом того, как жаловала его в этот день удача, надежда наткнуться на кроткого питбуля была невелика.

Однако в заднем дворе собаки не было. От проулка двор отделял глухой деревянный забор высотой в семь футов. Калитки Митч не увидел. Привязал мешок для мусора к поясу, забрался на большое коралловое дерево, растущее у забора, по ветви перешел забор, прыгнул в проулок.

Полиция могла ожидать, что он попытается уйти по проулкам, а не по улицам, поэтому он выбрал другой путь.

Пересек пустырь, отделенный от проулка перечными деревьями, кроны которых нещадно трепал ветер. Когда переходил параллельную улицу посреди квартала, увидел патрульную машину, которая промчалась по перекрестку, держа путь на восток. Визг тормозов подсказал ему, что его заметили.

Через двор, через забор, через проулок. В калитку, через двор, через еще одну улицу, теперь очень быстро, пластиковый мешок колотился об ногу. Митч волновался, что мешок порвется и пачки стодолларовых купюр вывалятся на землю.

Последняя линия домов задними дворами выходила на маленький каньон глубиной в двести футов и шириной в триста. Он перелез через железный забор и разом оказался на краю крутого склона. Земля под ним подалась и на пару с законом всемирного тяготения потащила вниз. Как серфингист, летящий по мощной волне, Митч попытался удержаться на ногах, но песчаная земля повела себя совсем не так, как вода. Ноги ушли из-под него, и последние ярдов десять он скользил на спине, поднимая шлейф белесой пыли, а потом его начали тормозить высокая трава и сорняки.

Остановился он под пологом ветвей. Сверху Митч успел заметить, что дно каньона зеленое, но никак не ожидал увидеть деревья. Тем не менее оказался в лесу, где чего только не росло.

Калифорнийские каштаны с белыми пахучими цветами соседствовали с трахикарпусами, калифорнийскими лаврами, черной мирабелью. У большинства деревьев стволы были кривыми, словно городской каньон был источником мутагенов, которые поступали к деревьям через корни, но Митч заметил игловидные упоникумы и тасманийские малоцветковые эвкалипты, которые с удовольствием использовал бы в ландшафтном садоводстве.

Несколько крыс разбежались при его прибытии. Змея уползла под какую-то корягу. Возможно, гремучая. Точно он сказать не мог.

Пока он оставался под деревьями, сверху его никто увидеть не мог. Так что в ближайшем будущем опасность ему не грозила.

Ветви близко растущих деревьев так переплетались, что под них не мог проникнуть даже ветер, не говоря уж о прямых солнечных лучах. Свет под кронами отливал зеленым. Тени дрожали, покачивались, как морские анемоны.

По каньону бежал ручеек, и это не удивляло, потому что сезон дождей закончился не так уж и давно. Опять же, ручеек был таким мелким, что мог не пересыхать круглый год, если его источником служил небольшой родник.

Митч отвязал от ремня мешок для мусора и осмотрел его. В трех местах нашел маленькие дырки, в одном разрез длиной в дюйм, но из мешка ничего не вывалилось.

Митч завязал горловину неплотным узлом и понес мешок, прижимая к боку, на изгибе руки.

К западу каньон сужался, и его дно достаточно круто поднималось. Оттуда и тек ручеек. Митч быстрым шагом двинулся вдоль ручейка к его истокам.

Густой слой влажной опавшей листвы заглушал его шаги. В воздухе приятно пахло сырой землей, мокрыми листьями и поганками.

Хотя население округа Орандж превысило три миллиона человек, на дне каньона он

чувствовал себя таким же одиноким, как на необитаемом острове. Пока не услышал стрекотание вертолета.

Удивился, что в такой ветер они решились поднять его с земли.

Судя по звуку, вертолет пересек каньон прямо над головой Митча. Он пролетел на север и начал кружить над тем районом, через который Митч и бежал к каньону. Громкость стрекотания усиливалась. Слабела. Снова усиливалась.

Они искали его с воздуха, но совсем не в том месте. То есть не знали, что он спустился в каньон.

Он продолжал идти на запад, когда вдруг резко остановился и удивленно вскрикнул: зазвонил мобильник Энсона. Митч достал его из кармана, радуясь, что не повредил его при падении.

– Это Митч.

– Все еще не потерял надежду? – спросил Джимми Налл.

– Нет. Дайте мне поговорить с Холли.

– Не в этот раз. Скоро ты ее увидишь. Я переносу встречу с трех часов на два.

– Вы не можете этого сделать.

– Уже сделал.

– А который теперь час?

– Половина второго.

– Нет, я не успею к двум часам.

– Почему нет? От Энсона к дому Тернбриджа ехать пятнадцать минут.

– Я не у Энсона.

– А где ты? Что делаешь?

Широко расставив ноги на мокрых листьях, Митч ответил:

– Езжу по округе, убиваю время.

– Это глупо. Тебе следовало оставаться в его доме, быть наготове.

– Давайте встретимся в половине третьего. Деньги у меня. Миллион четыреста тысяч.

– Вот что я тебе скажу...

Митч ждал, но Налл молчал, вот ему и пришлось спрашивать:

– Что? Что вы мне скажете?

– Насчет денег. Я хочу сказать тебе кое-что насчет денег.

– Хорошо.

– Я не живу ради денег. Деньги у меня есть. И не они для меня самое важное.

Что-то здесь было не так. Митч почувствовал это раньше, когда говорил с Холли, когда голос ее звучал напряженно и она не сказала, что любит его.

– Послушайте, я прошел такой долгий путь, мы прошли такой долгий путь, поэтому просто должны закончить начатое.

– Два часа, – отчеканил Налл. – Это новое время встречи. Если ты не приедешь ровно в два, сделка отменяется. Ни секундой позже.

– Хорошо.

– В два часа.

– Хорошо.

Джимми Налл оборвал связь.

Митч побежал.

Глава 63

Прикованная к газовой трубе, Холли знает, что ей нужно сделать, что она сделает, а потому может проводить время, прикидывая, что может пойти не так, восторгаясь той частью недостроенного особняка, которая у нее перед глазами.

У Томаса Тернбриджа, живи он сейчас, была бы фантастическая кухня. После установки всего оборудования она могла бы обеспечивать обедом шестьсот гостей, сидящих

за столиками на террасах.

Тернбридж заработал миллиарды на новых информационных технологиях. Компания, которую он основал, которая позволила ему разбогатеть, не производила ничего осязаемого, но разработанные им программы обеспечили легкий и широкий доступ рекламодателей в Интернет.

К тому времени, когда журнал «Форбс» оценил состояние Тернбриджа в три миллиарда долларов, он уже начал скупать дома с видом на Тихий океан. Всего купил девять, все рядышком, переплачивая за некоторые в два-три раза. Потратил на покупку недвижимости более шестидесяти миллионов, а потом снес все, чтобы создать поместье площадью в три акра, такие в Южной Калифорнии можно было пересчитать по пальцам.

Известнейшая архитектурная фирма сформировала специальную группу из тридцати человек для создания проекта трехуровневого особняка площадью в восемьдесят пять тысяч квадратных футов, не считая просторных подземных гаражей.

Такие достопримечательности дома, как водопад, который начинался в доме, а вытекал за пределами его стен, подземный стрелковый тир и крытый каток, потребовали от архитекторов и инженеров разработки новаторских, нигде ранее не применявшихся технических решений. Подготовка проектной документации заняла два года. Еще два ушло на строительство фундамента и подземных помещений.

Бюджетных ограничений не было. Тернбридж тратил, сколько требовалось.

Дорогой мрамор и гранит закупался десятками тонн. Снаружи стены дома предполагалось выложить французским известняком. Каждая из шестидесяти колонн, выполненных из одного куска, от цоколя до верхней плиты, стоила семьдесят тысяч долларов.

Свое время Тернбридж делил между компанией, которую создал, и домом, который строил. Он верил, что его компания войдет в десятку самых больших корпораций мира.

Он верил в это даже после того, как быстро развивающийся Интернет выявил недостатки его бизнес-модели.

С самого начала он продавал свои акции только для того, чтобы финансировать свои расходы, а не для инвестиций в другие проекты. Когда цена акций упала, он занял денег, чтобы выкупить их на рынке. Акции продолжали падать в цене, а он продолжал их скупку.

Но вверх акции так и не пошли, компания лопнула, а Тернбридж разорился. Строительство дома прекратилось.

Преследуемый кредиторами, инвесторами и обозленной бывшей женой, Томас Тернбридж приехал в недостроенный дом, сел на складной стул на балконе главной спальни, с которого открывался фантастический вид на океан и огни большого города, и запил смертельную дозу снотворного бутылкой ледяного шампанского.

Птицы, пожиратели падали, нашли его на день раньше бывшей жены.

Хотя участок в три акра на побережье – лакомый кусочек, после смерти Тернбриджа его так и не продали: по решению суда на него был наложен арест. Фактическая стоимость участка уже переваливает за те шестьдесят миллионов долларов, которые переплатил за него Тернбридж, что, конечно же, ограничивает круг потенциальных покупателей.

Для завершения проекта покупатель должен был потратить еще пятьдесят миллионов, при условии, что его видение дома совпадет с задумками Тернбриджа. Если же у него возникнет желание разобрать все старое и начать строить новое, то придется выложить еще как минимум пять миллионов. Железобетонные конструкции проектировались с расчетом на то, что они выдержат землетрясение силой 8,2 балла по шкале Рихтера.

Стремясь к тому, чтобы стать агентом по продаже недвижимости, Холли и мечтать не могла, что получит заказ на продажу дома Тернбриджа. Она не сомневалась, что ее устроит более простой вариант: продавать дома в районах, заселенных представителями среднего класса, тем, кто желает обзавестись собственным гнездышком.

Фактически она могла отказаться от перспектив стать риелтором, получив гарантии, что Митч останется живым после обмена. При таком раскладе ее бы вполне устроила работа

секретаря. Она – хороший секретарь и хорошая жена. Она постарается стать и хорошей матерью, и этого ей вполне хватит: жить, любить и быть любимой.

Но заключать такую сделку не с кем. Ее судьба в ее собственных руках, как в прямом смысле, так и фигурально. Она будет действовать, когда придет время для действий. У нее есть план. Она готова на риск, боль, кровь.

Подонки возвращаются. Он надел серую ветровку и тонкие перчатки.

Она сидит на полу, когда он входит на кухню, но встает, когда он направляется к ней.

Нарушая концепцию личного пространства, встает так близко, как встал бы мужчина, прежде чем обнять в танце.

– В Рио-Лючио, в доме Дувихьо и Элии Пачеко, в гостиной стоят два деревянных стула с высокими спинками, выкрашенные в красный цвет.

Он кладет левую руку на ее правое плечо, и она рада, что рука в перчатке.

– На сиденье одного красного стула стоит дешевая керамическая статуэтка святого Антония. На сиденье второго стула – керамическая статуэтка мальчика, собирающегося пойти в церковь.

– Кто этот мальчик?

– Статуэтка представляет собой их сына, которого также звали Антоний. В шесть лет его задавил пьяный водитель. Это случилось полвека тому назад, когда Дувихьо и Элии еще не было тридцати.

Еще не мать, но надеющаяся ею стать, Холли не может даже представить себе боль от такой утраты, ужас неожиданности свалившегося горя. Она говорит:

– Храм.

– Да, храм красных стульев. Никто не садился на эти стулья пятьдесят лет. Эти стулья предназначены исключительно для статуэток.

– Для двух Антониев, – поправляет она его.

Он, возможно, не считает ее слова поправкой.

– Горе и надежда, любовь и отчаяние сфокусированы на этих статуэтках. Полвека поклонения придали им невероятную мощь.

Она вспоминает девочку в отделанном кружевами платье, похороненную с медальоном святого Кристофера и статуэткой Золушки.

– Я приду к Дувихьо и Элии, когда их не будет дома, и возьму керамического мальчика.

Этот человек способен на многое, в том числе и на то, чтобы украсть у людей самое для них дорогое.

– Меня не интересует другой Антоний, святой, но мальчик – тотем, несущий в себе магический потенциал. Я возьму статуэтку мальчика в Эспанолу.

– Где твоя жизнь вновь переменится.

– Радикально переменится, – говорит он. – И, возможно, не только моя жизнь.

Она закрывает глаза и шепчет: «Стулья, выкрашенные в красный цвет», – словно рисует себе эту картину.

Похоже, он полагает, что пора перенестись из Нью-Мексико в настоящее, и говорит:

– Митч будет здесь через двадцать с небольшим минут.

Ее сердце от этих слов ускоряет свой бег, но страх сдерживает надежду, и она не открывает глаз.

– Я пойду готовиться к встрече. Деньги он принесет сюда, а потом ты будешь решать.

– В Эспаноле живет женщина с двумя белыми собаками?

– Это то, что ты видишь?

– Собаками, которые словно исчезают в снегу?

– Я не знаю. Но если ты их видишь, тогда, я уверен, они должны быть в Эспаноле.

– Я вижу, как я смеюсь вместе с ней, и собаки такие белые. – Она открывает глаза и встречается с ним взглядом. – Тебе лучше пойти готовиться к встрече.

– Он будет здесь только через двадцать минут, – напоминает он и выходит из кухни.

Холли стоит не шевелясь, изумляясь себе.

Белые собаки, однако. Откуда она это взяла? Белые собаки и смеющаяся женщина. Посмеяться бы над его доверчивостью, но ей, увы, не до смеха. Она глубоко проникла в его сознание, а путешествие по этому безумному миру – удовольствие маленькое.

Ее начинает трясти, она садится. Руки у нее холодные, да и внутри все холодеет.

Она сует руку под свитер, между грудей, достает из бюстгалтера гвоздь.

Хотя на конце он заострен, ей бы хотелось, чтобы он был еще острее. Но нет у нее возможности это сделать.

Шляпкой гвоздя она скребет по оштукатуренной стенке, пока на полу не образуется горка сухой штукатурки.

Время пришло.

Когда Холли была маленькой девочкой, она боялась ночных чудовищ, которых рождало ее воображение: они прятались в стенном шкафу, под кроватью, мелькали за окнами.

Ее бабушка, добрая Дороти, научила Холли молитве, которая, по ее словам, убивала любое чудовище: испаряла тех, кто прятался в шкафу, превращала в пыль других, которые забирались под кровать, прогоняла третьих, которые пытались пробраться в дом через окна, в болота и пещеры, где они и жили.

Только через много лет Холли узнала, что это «Солдатская молитва». Ее написал неизвестный английский солдат, и нашли ее на клочке бумаги в окопе в Тунисе, открытом во время битвы за Алжир.

Громко и размеренно она декламирует эту молитву:

– Оставайся со мной, Господи. Ночь темна, ночь холодна, моя маленькая искорка храбрости гаснет. Ночь долга, будь со мной, Господи, дай мне силу .

Она колеблется, но только мгновение.

Время пришло.

Глава 64

В туфлях, облепленных глиной и мокрыми листьями, в измятой и грязной одежде, с белым пластиковым мешком для мусора, который он прижимал к груди, как младенца, с ярко блестящими от отчаяния глазами, Митч торопливо шагал по обочине шоссе.

И любой коп, которому довелось бы в этот момент проезжать мимо, обязательно бы остановился, чтобы разобраться, кто он такой. Очень уж Митч напоминал то ли человека, убегающего от правосудия, то ли безумца, а может, и первого, и второго сразу.

В пятидесяти ярдах впереди находились ремонтная мастерская, автозаправочная станция и мини-маркет.

Он задался вопросом: а довезут ли его за десять тысяч долларов до дома Тернбриджа? Решил, что нет. Слишком уж жутко он выглядел. Большинство нормальных людей решило бы, что по пути он их наверняка убьет.

Да и человек, сильно смахивающий на бродягу, который, размахивая десятками тысяч долларов, просит куда-то его подвезти, наверняка вызвал бы подозрения обслуживающего персонала, и кто-нибудь кликнул бы копов.

Но Митч полагал, что лучше предлагать деньги, чем требовать довезти его, наставив на водителя пистолет. Водитель мог полезть в драку, пытаясь вырвать пистолет, он мог случайно нажать на спусковой крючок.

Митч уже подходил к придорожному торгово-ремонтно-заправочному комплексу, когда с автострады свернул «Кадиллак Эскалада» и остановился у крайней бензоколонки. Из салона выпорхнула высокая блондинка, сжимая в руках сумочку, и направилась в мини-маркет, оставив дверцу открытой.

Автозаправка с двумя рядами бензоколонок работала по принципу самообслуживания. Водитель сам снимал шланг с пистолетом с колонки, вставлял в горловину бензобака и заправлял свой автомобиль. Помимо «Эскалады», да и то в другом ряду, у бензоколонок стоял «Форд Эксплорер». Водитель о чем-то сосредоточенно думал, заправляя свой внедорожник.

Митч подкрался к открытой дверце «Эскалады», заглянул в салон. Блондинка оставила ключи в замке зажигания.

Всунувшись в салон, Митч заглянул на заднее сиденье. Ни дедушки, ни ребенка в кресле безопасности.

Он уселся за руль, захлопнул дверцу, повернул ключ зажигания и выехал на шоссе.

Ожидал, что люди, размахивая руками, бросятся за ним в погоню, но в зеркало заднего обзора никого не увидел.

Уже на шоссе подумал о том, чтобы перескочить через разделительную полосу, которая дюймов на пять поднималась над мостовой. Угнанный им «Кадиллак» с таким бы препятствием справился без труда. Но делать этого не стал, потому что, по закону пакостности, обязательно нарвался бы на машину дорожной полиции.

Поэтому проехал еще несколько сотен ярдов до разворота, а уж потом помчался на юг.

Проезжая мимо заправочной станции, не увидел разъяренной блондинки. Ехал он быстро, но не превышая разрешенной скорости. Обычно он водил автомобиль спокойно, не обращая внимания на неумелых водителей. В эту поездку клял их, как только мог.

В 1.56 оказался в непосредственной близости от недостроенного особняка Тернбриджа. Припарковался у тротуара, не доезжая до особняка.

Снял рубашку, полагая, что Джимми Налл все равно заставит его раздеться, чтобы убедиться, что под рубашкой не скрыто оружие.

Ему велели прийти безоружным. Он хотел выглядеть так, словно выполнил это требование.

Из мешка для мусора он достал коробку с патронами, из кармана джинсов – обойму пистолета «Спрингфилд-чемпион». Добавил три патрона к семи, оставшимся в обойме.

Кино сослужило ему хорошую службу. Он оттянул затвор и вставил одиннадцатый патрон в патронник.

Патроны выскальзывали из его трясущихся, мокрых от пота пальцев, поэтому он успел снарядить только две запасные обоймы. Коробку с оставшимися патронами и третью обойму затолкал под водительское сиденье.

До двух часов оставалась одна минута.

Митч сунул обе снаряженные обоймы в карманы джинсов, пистолет вернул в пластиковый мешок с деньгами и поехал к воротам участка, на котором высился недостроенный дом Тернбриджа.

От улицы участок отделял забор из высоких пластиковых панелей. Половинки ворот соединяла цепь. Как и обещал Налл, замка не было.

Заехав на участок, Митч припарковался задним бортом к дому. Вышел из автомобиля и открыл все пять дверей, надеясь тем самым показать, что выполняет все поставленные ему условия.

Потом закрыл ворота на цепь.

С мешком для мусора в руках встал между «Кадиллаком» и домом, дожидаясь новых инструкций.

День выдался теплым, не жарким, но солнце припекало. Яркий свет резал глаза, как и ветер.

Зазвонил мобильник Энсона.

Он нажал на кнопку приема звонка.

– Это Митч.

– Уже одна минута третьего. Даже две минуты. Ты опоздал.

Глава 65

Недостроенный дом казался огромным, словно отель. Налл мог наблюдать за Митчем из любого окна, счет которым шел на десятки.

– Ты должен был приехать на «Хонде».

– Она сломалась.
– Где ты взял «Эскаладу»?
– Угнал.
– Не брешь?
– Нет.
– Поставь автомобиль параллельно дому, чтобы я смог убедиться, что в салоне никого нет.

Митч выполнил приказ, переставил внедорожник, не закрывая двери. Вышел из салона с мешком для мусора в одной руке, прижимая другой мобильник к уху.

Задался вопросом: а вдруг Налл застрелит его издали и потом придет за деньгами? Задался вопросом: а почему бы ему этого не сделать?

– Ты приехал не на «Хонде», и меня это тревожит.
– Я же сказал, она сломалась.
– А что случилось?
– Спустило колесо. Вы перенесли обмен на час, поэтому я не успевал его сменить.
– Угнанный автомобиль. Копы могли броситься в погоню.
– Никто не видел, как я это сделал.
– И где ты научился запускать двигатель без ключа зажигания?
– Ключи оставили в замке.

Налл обдумал его ответ.

– Войди в дом через парадную дверь. Связь не разрывай.

Митч увидел, как распахнулась парадная дверь. Вошел.

Очутился в огромном холле. Такой, пусть и без окончательной отделки, произвел бы впечатление и на Джулиана Кэмпбелла.

Налл заставил ждать минуту, прежде чем подал голос:

– Пройди через колоннаду в гостиную, которая прямо перед тобой.

Митч прошел в гостиную, окна которой на западной стене поднимались от пола до потолка. Пусть и через запыленные стекла, вид открывался такой захватывающий, что становилось понятно, почему Тернбридж решил умереть именно здесь.

– Хорошо. Я вошел.

– Повернись налево и иди к широкому дверному проему, – приказал Налл. – Попадешь в еще одну гостиную.

Дверей не навесили. Но, судя по проему, высотой они были бы в девять футов.

Из окон второй гостиной вид открывался не хуже, но Налл уже отдал очередную команду:

– Перед собой ты видишь еще один дверной проем, а по левую от себя руку – единственную дверь.

– Да.

– Эта дверь ведет в коридор. Коридор упирается в кухню. Она на кухне. Но к ней не подходи.

Направляясь к указанной двери, Митч спросил:

– Почему не подходить?

– Потому что правила устанавливаю я. Она прикована к трубе. Ключ у меня. Остановишься, как только войдешь на кухню.

Коридор казался бесконечным. А ему не терпелось увидеть Холли.

Он не заглядывал в комнаты, мимо которых проходил. Налл мог прятаться в любой. Его это не волновало.

Войдя на кухню, Митч сразу увидел ее, его сердце гулко забило, во рту пересохло. Все, через что ему пришлось пройти, все страдания, всю боль, все, все, все окупилось тем, что он увидел ее живой.

Глава 66

Поскольку подонок приходит на кухню и стоит рядом с ней, отдавая последние указания, Холли их слышит.

Она задерживает дыхание, вслушиваясь в шаги. Когда она слышит, как Митч приближается к дверному проему из коридора в кухню, глаза начинают жечь горячие слезы, но она усилием воли загоняет их обратно.

А через мгновение Митч входит на кухню. Нежно произносит ее имя. Ее муж.

Она стояла, скрестив руки на груди, запрятав кисти под мышки. Теперь опускает руки, они висят вдоль боков, пальцы сжаты в кулаки.

Подонки, достав жуткого вида пистолет, нацеливает его на Митча.

– Вытяни руки в стороны на уровне плеч, как птица.

Митч повинуется, белый пластиковый мешок для мусора покачивается под его правой кистью.

Одежда на нем грязная. Волосы всклокочены. Лицо бледное. Он прекрасен.

– Медленно иди вперед, – говорит убийца.

Митч подчиняется, по следующему приказу останавливается в пятнадцати футах.

– Положи мешок на пол, – приказывает убийца.

Митч опускает мешок на грязные плиты из известняка.

Держа Митча на мушке, убийца говорит:

– Я хочу видеть деньги. Встань на колени перед мешком.

Холли не хочет видеть стоящего на коленях мужа. На колени палачи ставят жертв перед роковым выстрелом.

Она должна действовать, но чувствует, что время еще не подошло. Если начнет слишком рано, ее план провалится. Интуиция подсказывает, что нужно подождать, хотя так трудно ждать, глядя на стоящего на коленях Митча.

– Покажи мне деньги, – приказывает убийца. Теперь он держит пистолет двумя руками, указательный палец правой напрягается на спусковом крючке.

Митч открывает горловину мешка, достает запечатанную в пластик упаковку пачек сто долларовых купюр. Разрывает пластик с одной стороны, большим пальцем шелестит купюрами верхней пачки.

– Облигации на предъявителя? – спрашивает убийца.

Митч бросает упаковку в мешок.

Подонки напрягаются, когда Митч снова сует в мешок руку, и не расслабляется, даже когда тот достает большой конверт.

Из конверта Митч извлекает шесть сертификатов, внушающих уважение бумаг. Протягивает один к убийце, чтобы тот мог прочитать, что написано на лицевой стороне.

– Хорошо. Положи их в конверт.

Митч повинуется, по-прежнему стоя на коленях.

Подонки говорят:

– Митч, если бы у твоей жены появился шанс ранее недостижимого совершенствования души, возможность для просветления, трансцендентности, конечно, ты позволил бы ей пройти этот путь, уготованный судьбой.

В недоумении от этой тирады Митч не знает, что и сказать. Зато Холли знает. Потому что время пришло.

– Мне было знамение, мое будущее в Нью-Мексико.

Вскидывая руки на уровень плеч, разжимая пальцы, она открывает свои кровавые раны.

Они не поверхностные, пусть и не сквозные. Она колола себя гвоздем и расширяла и углубляла раны с яростной решимостью.

Труднее всего удавалось подавить все крики боли. Услышав хоть звук, убийца бы вернулся, чтобы посмотреть, что она делает на кухне.

Из ран тут же полилась кровь. Она залепила их порошком соскобленной со стен штукатурки. Капли крови успели упасть и на пол, но она засыпала их пылью.

Стоя с упрятыми под мышки кулаками, такой ее и увидел Митч, когда появился в дверном проеме, Холли пальцами сорвала нащепки штукатурки со всех ран, отчего кровь полилась сильнее, когда она раскинула руки и растопырила пальцы.

Льющаяся кровь зачаровывает убийцу, и Холли говорит:

– В Эспаноле, где изменится твоя жизнь, живет женщина, которую зовут Роза Гонсалес, и у нее две белые собаки.

Потом левой рукой она оттягивает горловину свитера, обнажая верхнюю часть груди.

Его взгляд поднимается от ее груди к глазам. Холли сует правую руку между грудями, охватывает гвоздь ладонью, боясь, что он выскользнет из влажных от крови пальцев.

Убийца переводит взгляд на Митча.

Крепко ухватившись за гвоздь, Холли вытаскивает его и вонзает в лицо убийцы, целясь в глаз, но вместо этого прищипливает маску к щеке, пронзает щеку, рвет ее.

Крича, с насаженным на гвоздь языком, он отшатывается от нее, паля из пистолета, пули вгрызаются в стены.

Она видит, как Митч поднимается, очень быстро, с пистолетом в руках.

Глава 67

– *Холли, в сторону !* – прокричал Митч, а она двинулась уже при первом слоге от «*Холли* », стараясь удалиться от Джимми Налла на максимально возможное расстояние, которое допускала цепь.

Стреляя чуть ли не в упор, целя в живот, попадая в грудь, после каждого выстрела стараясь опустить пистолет вниз, Митч подумал, что пара пуль прошла мимо, но увидел, что три или четыре попали в цель. Разорвали ветровку, и каждый выстрел наполнял грохотом большой дом.

Налла отбросило назад, он потерял равновесие. Свой пистолет он снарядил удлиненной обоймой. И стрелял, похоже, очередью, в автоматическом режиме, и пули били не только в стену, но и в потолок.

Может, по той причине, что пистолет он держал одной рукой, может, потому, что отдача вырвала пистолет из слабеющих пальцев, но оружие полетело в стену, ударилось об нее, упало на пол из известняковых плит.

Под мощными ударами пуль калибра 0,45 дюйма Налл не удержался на ногах, рухнул на бок. Потом перекатился на живот.

Когда эхо от грохота выстрелов смолкло, Митч услышал свистящее, прерывистое дыхание Джимми Налла. Может быть, так человек дышит, получив смертельную рану в грудь.

Митч не гордился тем, что он сделал после этого, даже не испытал радости. Собственно говоря, он почти отказался от своих намерений, но знал, что «почти» ничем ему не поможет, когда придет время держать ответ за содеянное.

Он встал над лежащим на полу мужчиной и дважды выстрелил ему в спину. Выстрелил бы и в третий раз, но уже потратил все одиннадцать патронов.

Присев на корточки и сгруппировавшись, чтобы не попасть под шальную пулю, Холли встала, когда Митч повернулся к ней.

– Есть кто-нибудь еще? – спросил Митч.

– Только он. Только он.

Она бросилась к мужу, обняла. Никто раньше не прижимал его с такой радостью, с такой страстью.

– Твои руки.

– Они в порядке.

– Твои руки, – настаивал он.

– Они в порядке, ты жив, они в порядке.

Он целовал ее лицо. Губы, глаза, лоб, снова глаза, теперь соленые от слез, губы.

В кухне стоял запах сгоревшего пороха, на полу лежал мертвец. Из ран на руках Холли текла кровь, у Митча подгибались ноги. Ему хотелось выйти на свежий воздух, под теплый ветер, увидеть солнце.

– Пошли отсюда, – сказал он.

– Цепь.

Маленький висячий замок сцеплял звенья на ее запястье.

– Ключ у него. – Она указала на лежащее на полу тело.

Глядя на него, Митч достал из кармана джинсов запасную обойму. Вытащил из рукоятки пистолета пустую, заменил полной.

Вдавил ствол в затылок похитителя, процедил:

– Если шевельнешься, вышибу мозги, – но, разумеется, ответа не получил.

Тем не менее не убрал пистолет, свободной рукой обыскивая карманы ветровки. Ключ нашел во втором.

Цепь упала с запястья Холли, едва он отсоединил дужку от корпуса замка. Замок Митч отбросил.

– Твои руки, твои прекрасные руки.

При виде крови он вспомнил кровавые отпечатки на кухне, но это было хуже, гораздо хуже, потому что он видит, как течет ее кровь.

– Что случилось с твоими руками?

– Нью-Мексико. Все не так плохо, как кажется. Я объясню. Пошли отсюда. Пошли.

Митч подхватил с пола пластиковый мешок с выкупом. Она двинулась к дверному проему, но он повел ее к выходу в коридор, потому что никакой другой дороги не знал.

Они шли, ее правая рука обнимала его за плечи, его левая – ее за талию, и сердце Митча стучало так же быстро и громко, как во время перестрелки. Он даже подумал, а вдруг оно уже никогда не замедлит ход.

Длинный коридор вывел их в гостиную поменьше, и они не могли не бросить взгляд на лежащий за пыльными стеклами океан.

Когда они вышли в большую гостиную, где-то в доме взревел двигатель. Рев этот несся по коридорам и комнатам, отражаясь от высоких потолков, не позволяя определить, откуда исходит звук.

– Мотоцикл, – определила Холли.

– Пуленепробиваемый жилет, – заметил Митч. – Под ветровкой.

Удары от пуль, особенно двух последних, в спину, рядом с позвоночником, должно быть, на короткое время вышибли из Джимми Налла дух.

Он не собирался уезжать на микроавтобусе, на котором привез Холли в дом Тернбриджа. Спрятал мотоцикл неподалеку от кухни, может, в комнате для завтрака, и намеревался покинуть особняк, если бы что-то пошло не так, через любое крыло, любую дверь.

Но рев двигателя нарастал, и Митч знал, что покидать особняк Джимми не собирается. И держал его здесь не выкуп.

Держало что-то, произошедшее между ним и Холли. Нью-Мексико, Роза Гонзалес, белые собаки, кровавые стигматы – вот что держало, а также унижение, которому подвергла его Холли, вонзив гвоздь в щеку. Из-за этого гвоздя он хотел посчитаться с Холли, хотел ее убить.

Логика подсказывала, что он у них за спиной и появится из маленькой гостиной.

Митч торопливо повел Холли через большую гостиную, к огромному холлу и входной двери.

Логика подвела. Они миновали половину гостиной, когда Джимми Налл выскочил из ниоткуда на «Кавасаки» в холл и помчался вдоль колоннады, которая отделяла гостиную от холла.

Митч потянул Холли назад, когда Налл развернулся в холле и, проскочив между двух колонн, помчался прямо на них, набирая скорость.

Пистолета у Налла не было. То ли закончились патроны, то ли в ярости он забыл про оружие.

Закрыв собой Холли, Митч поднял «Чемпион», держа его обеими руками, стараясь совместить мушку и прицел, и открыл огонь, когда Налл миновал колоннаду. Целясь на этот раз в грудь, в надежде попасть в голову.

Разделявшие их пятьдесят футов быстро уменьшались, рев мощного двигателя и грохот выстрелов рвали барабанные перепонки. Первый выстрел, высоко, *опусти ствол*, второй, *опусти ствол, тридцать футов, третий выстрел. ОПУСТИ СТВОЛ!* Четвертая пуля разнесла голову Джимми Налла.

Мертвец остановился, мотоцикл – нет, ревя, на заднем колесе, мчался на них, мимо них, вышиб большущее окно, исчез.

Убедись. Зло умеет выживать. Убедись, убедись. Держа пистолет обеими руками, Митч приближался к лежащему на полу Джимми Наллу, не торопясь, обходя серо-красные ошметки, кусочки кости, клочки волос. Похититель не мог выжить. Но Митч ничего не хотел принимать как должное.

Стянул маску, чтобы увидеть лицо, но лица-то и не было. Пуля его разнесла.

Глава 68

Летом Энтони уже исполнилось три года, они празднуют тридцать второй день рождения Митча. Гостей Митч и Холли принимают на заднем дворе своего дома.

Компания «Биг грин» теперь владеет тремя пикапами, и в ней, кроме Игги Барнса, пятеро наемных рабочих. Они все пришли с женами и детьми, а Игги привел очередную девушку по имени Маделайн.

У Холли появились хорошие друзья (она всегда умела сходитья с людьми) в риелторском агентстве, где в этом году она идет на втором месте по продажам.

Хотя Дороти последовала за Энтони через каких-то двенадцать месяцев, они не переехали в более просторный дом. Холли выросла здесь, этот дом – история ее жизни. А кроме того, он уже стал частью истории их жизни.

Они собираются надстроить второй этаж, прежде чем появится третий ребенок. А третий обязательно появится.

Зло переступало через порог этого дома, но воспоминание о нем не заставит их искать себе другое жилище. Любовь оттирает начисто самые грязные пятна. Да и потом, не могут они отступить перед злом, обязательно будут сопротивляться. И одержат победу.

Приходит Сэнди Таггарт с женой Дженнифер и двумя дочерьми. Он приносит сегодняшнюю газету, потому что не знает, видел ли Митч одну заметку, которую, как выясняется, Митч не видел: Джулиана Кэмпбелла зарезали в тюрьме, где он сидел, дожидаясь решения апелляционного суда. Подозревается заказное убийство, но выяснить, кто убил, пока не удастся.

Хотя Энсон сидит в другой тюрьме, ему, само собой, станет известно об убийстве Кэмпбелла. Будет о чем поразмыслить, пока его адвокаты пытаются добиться отмены вынесенного ему смертного приговора.

Младшая сестра Митча, Портia, приезжает из Бирмингема, штат Алабама, со своим мужем-ресторатором Френком и пятью детьми. Меган и Конни далеки от него, и дело не только в расстояниях. Митч и Портia со временем становятся все ближе, но он надеется наладить более теплые отношения и с двумя другими сестрами.

Дэниэль и Кэти родили пятерых детей, поскольку он говорил, что нельзя оставлять продолжение рода человеческого иррационалистам. Материалисты должны плодиться и размножаться так же активно, как и верующие, иначе мир превратится в ад по пути к Богу.

Портia уравнивала пятерых детей Дэниэля и Кэти своими и воспитывает их традиционными методами, без использования учебной комнаты.

Вечером все пируют за столами, которые расставлены во внутреннем дворике и на

лужайке, и Энтони гордо восседает на своем высоком стульчике. Митч смастерил его по эскизу, нарисованному Холли, и она раскрасила стульчик в красный цвет.

– Этот стул, – сказала она Энтони, – память о мальчике, который пятьдесят лет оставался шестилетним и которого любили все пятьдесят шесть лет. Если ты когда-нибудь подумаешь, что тебя не любят, ты сядешь на этот стульчик и поймешь, что тебя любят так же, как любили другого Энтони, как только можно любить мальчика.

Энтони, которому уже было три года, тогда спросил:

– Могу я съесть мороженое?

После обеда они танцуют на танцполе, собранном на лужайке, и рок-группа – не такая выпендренная, как была на их свадьбе. Никаких тамбуринов, никакого аккордеона.

Позже, гораздо позже, когда рок-группа отбыла, гости разошлись, а Энтони и Дороти крепко спят, Митч приглашает Холли потанцевать под радиоприемник, раз уж танцпол в их полном распоряжении. Он нежно прижимает ее к себе. Когда они танцуют, муж и жена, она проводит рукой ему по лицу, словно до сих пор удивляется, что он привез ее домой после похищения. Он целует шрам на этой ладошке, а потом на другой. Под светом звезд Холли так прекрасна, что он не может выразить свои чувства словами, но ему и раньше частенько не хватало слов. И пусть он знает ее так же хорошо, как себя, она такая же загадочная, как и прекрасная, и глаза у нее бездонные, полные тайн, но, если вдуматься, она не более загадочна, чем звезды, луна и все живое на земле.